
Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2024

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Владимир БОЛЬШАКОВ. **Покончить и... не вспоминать** ... 3
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. **Подводя итоги** 72
Валентин КАТАСОНОВ. **Кто в доме хозяин?** 133
Дмитрий ИКОННИКОВ. **Это нацизм** 138
Мария МОНОМЕНОВА. **Безголовые «всадники»** 181

ПРОЗА

- Владимир ПРОНСКИЙ. **Завещание**. Повесть 28
Николай БЕСЕДИН. **Заклинание старых могил**. Рассказ ... 92
Юрий ВИСЬКИН. **Целительница**. Рассказ 142
Андрей МАРКИЯНОВ. **Видение**. Рассказ 164
Вячеслав РЕМЕНЧИК. **Прометей ведёт бой**. Рассказ 192

ПОЭЗИЯ

- Ксения ФИРСОВА. **Тающее эхо**. Стихи 66
Леонид САФРОНОВ. **В краю своем родимом**. Стихи 124
Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ. **Пристанище души**. Стихи 176
Сергей КАЗНАЧЕЕВ. **Высокие глаголы**. Стихи 212
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. **Был у Авеля брат...** Стихи 217

СИМВОЛ ВЕРЫ

Светлана САФРОНОВА. Анисья	221
Павел БОЯНКОВ. «Не бойся, малое стадо!»	229
Андрей БУХОВЕЦКИЙ. Никакого отношения к христианству не имеет	231

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ирина МЕДВЕДЕВА. «Улица корчится безъязыкая»	234
---	-----

РУССКИЙ ВОПРОС

Андрей РЕДКОЗУБОВ, Роман ИЛЮЩЕНКО. Автобус в никуда	242
Александр ГАПОНЕНКО. Чему учит наша школа?	247

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Мария МОНОМЕНОВА. Папа римский и мошаих	251
--	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Женщины Сталина	257
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Эдуард МОХНАТКИН. Вымирающий русский север	265
Александр САМСОНОВ. Национальный вопрос разрушает Россию	268

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	271
---	-----

КРУГ ЧТЕНИЯ

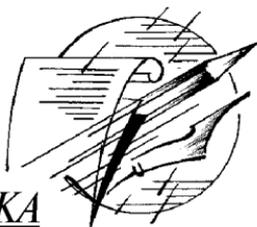
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Цветы ожидания. О книге Владимира Пронского «Воспоминания о розах»	281
---	-----

ПОКОНЧИТЬ И... НЕ ВСПОМИНАТЬ

В своем недавнем обращении к нации президент США Джо Байден заявил: «Я еще раз говорю народу России: США и нации Европы не стремятся взять под контроль или уничтожить Россию. США не планируют нападать на Россию... Миллионы россиян, которые хотят жить в мире с соседями, нам не враги». Подобное заявление можно было бы только приветствовать, если бы факты не опровергали заверения Байдена.

Однополярная гегемония рухнет

Уверяя народ России в своем миролюбии, Байден в том же обращении со всей откровенностью высказался о том, что США и впредь будут претендовать на главенствующую роль в современном мире и намерены установить новый мировой порядок по своим стандартам. «Американское лидерство, — сказал он, — это то, что сохраняет целостность современного мира. Созданные Америкой союзы — это то, что обеспечивает нашу безопасность. Американские ценности — это то,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

что делает нас таким партнером, с которым другие страны хотят сотрудничать». То, что подобное давно устаревшее видение современного мира, который якобы видит в Америке «город на холме, откуда исходит свет надежды для всего человечества», говорит лишь о стремлении американского лидера выдать желаемое за действительное.

Недавние переговоры Байдена и лидера Китая Си Цзиньпина в Калифорнии, видимо, напомнили ему о том, что современный мир не однополярен, что существуют помимо США еще два главных игрока на мировом поле влияния — Китай и Россия. Вот поэтому и не выдержал Байден дипломатического пиетета и бросил вслед китайскому лидеру обвинение в том, что «он — диктатор», вызвав тем самым справедливое возмущение в Китае.

Ставка Байдена и поддерживающих его сил на противостояние с Россией далеко не у всех находит поддержку в самих США. «Сейчас стратегия США строится на идее о том, что ослабление России входит в наши национальные интересы. Это мнение неверное. Слабая и нестабильная Россия не пойдет на пользу нашей безопасности, это лишь навредит нам», — считает независимый кандидат в президенты США Кеннеди-младший.

Сейчас, когда идет процесс «формирования более справедливого мироустройства», — отмечает президент России Владимир Путин, — однополярная гегемония неумолимо рушится — это объективная реальность, с которой Запад категорически не желает мириться».

В новом противостоянии с Россией, стартовавшем на заре XXI века, несмотря на заверения Байдена, главной целью коллективного Запада было и остается нанесение стратегического поражения нашей стране, дабы лишить ее статуса великой державы как в военном, так и в экономическом плане, а в политическом — устранить ее как значимую в мировом масштабе силу.

В мозговых центрах США и НАТО был разработан план-максимум смены руководства России и обеспечения контроля над ее экономическим потенциалом. Таким образом планировалось закрепить гегемонию США на весь XXI век, а затем переключить внимание на противостояние с Китаем, имея в тылу ослабленную и подавленную Россию. Ни одна из этих целей не была достигнута.

Президент Путин на церемонии подписания договоров о вхождении в состав России новых территорий указал на то, что западные страны «всё время искали и продолжают искать новый шанс ударить, ослабить и развалить Россию». По мнению главы нашего государства, западным странам «просто не дает покоя», что существует такая страна «с ее

территорией, природными богатствами, ресурсами, с народом, который никогда не будет жить по чужой указке».

Ход СВО на Украине с февраля 2022 года показал, что на победу в военном противостоянии с нашей страной Запад рассчитывать не может, даже если бросит в бой не только всю мощь НАТО, но и вооруженные силы других союзников США — от Канады до Австралии. Осознание столь патовой ситуации в историческом противоборстве с Русским миром, увы, не отрезвило потенциального агрессора. Вновь сделана не раз опробованная в нашей истории ставка Запада на внутреннего врага.

«Не русские»

По мнению президента Путина, западные страны, безусловно, «будут пытаться делать ставку на так называемую пятую колонну, на национал-предателей». Чтобы лучше понять суть явления, всегда следует изучить его корни. Так и поступим.

Авторство термина «пятая колонна» принадлежит испанскому генералу Эмилио Мола, командовавшему армией франкистов в ходе гражданской войны в Испании. Наступая на Мадрид, он передал по радио в начале октября 1936 года обращение к населению испанской столицы, в котором заявил, что помимо имеющихся в его распоряжении четырех армейских колонн он располагает еще пятой колонной в самом Мадриде, которая в решающий момент ударит с тыла.

Другие источники приписывают авторство этого термина барону Сент-Освальду, который в то время был корреспондентом в республиканской Испании. А Михаил Кольцов, находившийся тогда же в Мадриде, посчитал его автором франкистского генерала Хосе Энрике Варелу, который в ноябре 1936 года участвовал в неудачном штурме Мадрида. И, наконец, сам Эрнест Хемингуэй, побывавший на всех фронтах гражданской войны в Испании, назвал одну из своих пьес «Пятая колонна». Но дело, конечно, не в авторстве этого термина, а в его сути.

Накануне и во время Второй мировой войны пятой колонной называли нацистскую агентуру в различных странах, помогавшую их захвату немецкими войсками. Увы, и в СССР действовала своя пятая колонна, и не только в сфабрикованных на Лубянке делах «врагов народа». Иначе откуда бы предатель генерал Власов набрал свою «Русскую освободительную армию», Бандера — свою УПА, да и другие национал-предатели — свои карательные отряды, зверствовавшие заодно с зондеркомандами СС на оккупированной гитлеров-

цами территории Советского Союза. Увы, далеко не все они понесли заслуженную кару. Пятая колонна продолжала действовать в глубоком подполье и после войны, распространяя, как вирус, ненависть к России, к русскому народу, ко всему тому, что нам дорого и для нас свято.

В условиях сталинского режима у пятой колонны не было шансов выйти на свет Божий. Приходилось скрываться не только по соображениям конспирации, но и потому, что после разгрома троцкистской оппозиции и связанных с ней группировок в партии и государстве, после успешной коллективизации и первых пятилеток коммунистическое единомыслие в СССР утвердилось в массовом сознании, особенно у послереволюционного поколения. Попытка вести антисоветскую пропаганду перед такой аудиторией закончилась бы плачевно для тех, кто рискнул этим заниматься, еще до вызова спецнаряда чекистов. Поэтому в сталинские годы пятая колонна действовала предельно скрытно, соблюдая все условия глубокой конспирации. Но всё же действовала, и в ряде случаев, как в ходе «Большого террора» 1933—1938 годов, используя своих людей в силовых органах и ВКП(б), даже преднамеренно раздувала масштабы репрессий, что, в частности, проявилось в составлении квот на расстрел «врагов народа» по регионам. Уничтожали в первую очередь тех, кто был действительно предан революции, хотя под раздачу попало немало и тех, кто видел в Октябрьском перевороте не столько русскую, сколько «еврейскую революцию». Это прежде всего те, кого Ленин доставил в Россию в 1917 году в своем «вагоне» на деньги кайзера, а Троцкий — на своем пароходе, зафрахтованном для этого вместе с оружием еврейским олигархом и сионистским лидером Якобом Шиффом.

Сталин был хорошо осведомлен об истинных планах стратегов «еврейской революции», о которых можно судить по одному весьма откровенному тексту, опубликованному в газете *Le Peuple Juif* («Еврейский народ»), издававшейся во Франции в 1919—1921 годах: «Мировая революция, которую мы испытаем, будет управляться нашими руками и будет исключительно нашей заслугой. Эта революция укрепит власть евреев над всеми другими народами».

С незапамятных времен различные государства и целые цивилизации ведут борьбу не на жизнь, а на смерть со своими соперниками. И в каждом таком столкновении использовались свои «троянские кони» и свои пятые колонны. Кто-то видит в этих войнах вечную «ловушку Фукидида», кто-то — несовершенство всего мирового порядка, а кто-то, как и великий Зигмунд Фрейд, «неодолимую волю к власти».

Передел мира, совпавший с великой промышленной революцией, привел к падению прежних империй и к возвышению империй финансовых и промышленных. Это, в свою очередь, привело к борьбе между ними за мировое богатство, за мировую власть. А эта борьба неизбежно сопровождалась войной идей, у которых нет и не может быть границ, борьбой за умы и сердца людей. Маркс называл идеологию «ложным сознанием», подразумевая под этим то, что восприятие данной нам в ощущении реальности может быть неадекватно изменено с помощью идеологической обработки. В новейшей истории тому немало подтверждений. Фашизм, сионизм, бандеровщина и любой крайний национализм — примеры наиболее яркие.

При отсутствии военного превосходства над СССР стратеги пятой колонны сделали ставку именно на идеологическую обработку защитников коммунистической крепости, на «эрозию коммунизма» и разложение Советской империи изнутри. В этом была суть политики «конвергенции», «наведения мостов» и прокладки «идеологических тоннелей». Все эти доктрины и методологии проникновения в сознание людей были использованы в годы холодной войны, целью которой было не столько даже уничтожение коммунизма, сколько уничтожение России.

По заказу мировой закулисы

«Грань между оппозиционерами и пятой колонной, — говорил Путин, — внутренняя, ее трудно увидеть внешне. В чем она заключается? Оппозиционер, даже очень жесткий, в конечном итоге до конца борется за интересы своей Родины, а пятая колонна — это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, и их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей» (kremlin.ru. Пресс-конференция 18.12.2014). И так, слово было сказано с самой высокой трибуны.

Путин лучше, чем кто-либо другой понимает, что пятая колонна в России — это не выдумка конспирологов, а весьма опасная реальность. Опасная в том числе и для него лично. Так, 5 августа 2014 года именно к пятой колонне из окружения Путина обратился в интернет-журнале «American Thinker» Герберт Е. Мейер, спецпомощник директора ЦРУ, заместитель председателя Национального совета по разведке США, который в администрации президента Рейгана курировал его план демонтажа коммунизма в СССР и американскую агентуру в советском руководстве. В своей статье «Как решить проблему Путина?» Г. Мейер давал такие реко-

мендации: «...Мы должны дать российским олигархам и топ-менеджерам, против которых направлены западные санкции, понять, что Путин — это их проблема, а не наша. Возможно, эти люди не обладают политическим гением и возвышенным патриотизмом наших отцов-основателей, но они не идиоты. Скорее всего, им не потребуется много времени, чтобы собраться для тихого разговора, например, в московском офисе или, что более вероятно, на яхте где-то у Лазурного берега, чтобы... ну, скажем, решить, что будет лучше для будущего России. Так как деликатность с русскими не работает, президент США и его европейские коллеги должны дать этим людям абсолютно ясный сигнал о том, что нас не интересует, как именно они будут решать проблему Путина. Если они смогут убедить старого доброго Владимира покинуть Кремль с воинскими почестями и торжественным салютом — отлично. Если Путин слишком упрям, чтобы понять, что его карьера закончена и из Кремля его можно вынести только вперед ногами с дыркой в затылке — нас это тоже устроит. Мы не будем возражать и против черного юмора... Например, когда Путин в следующий раз будет возвращаться в Москву после очередного визита к кубинским, венесуэльским или иранским своим друзьям, его самолет вполне могут сбить какие-нибудь сомнительные повстанцы, в руки к которым непонятным образом попала ракета «земля—воздух».

Как видим, речь идет уже не просто о заговоре, а о заказном убийстве президента России. Такого преступного прецедента в истории российско-американских отношений не было никогда. Но за этот наглый демарш никто в США не был наказан и никто извинения не принес.

С «просвещенного» Запада подстрекают агентуру из своей пятой колонны в России не только к политическим убийствам, но и к подрывным действиям по развалу государства российского теми же методами, что применялись и при распаде СССР. Вновь взята на вооружение доктрина «освобождения поработенных народов», служившая в годы холодной войны законодательной основой для вмешательства США во внутренние дела Советского Союза и других стран Варшавского договора. Теперь речь идет о попытках парцелизации (раздробления) России путем поддержки националистических элементов, сепаратистов и исламистов, действующих в национальных автономиях РФ. Разработана целая стратегия отрыва их от России, о чем можно судить по недавней статье Януша Бугайского, ведущего аналитика американского Центра анализа европейской политики, в газете The Hill, которая издается для членов конгресса США. Центр

Бугайского активным образом финансируется ведущими предприятиями американского ВПК и правительственными структурами США, в частности, Госдепартаментом, Пентагоном, миссией США в НАТО, и патронируется ЦРУ. В этой статье с недвусмысленным названием «Управляя распадом России» Бугайский советует лидерам США всячески способствовать «самоопределению несоизмеримых регионов России и этнических групп». «Вашингтон, — пишет он, — должен продвигать региональное и этническое самоопределение внутри Российской Федерации», которое должно привести, по его словам, «к распаду России». Согласно его рекомендациям, «республики на Северном Кавказе, в Среднем Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке могут стать полностью независимыми государствами и наладить отношения с Китаем, Японией, США и Европой».

Какой-то российский регион должен при этом «обрести государственный суверенитет, как бывшие союзные республики СССР», а другие «следовало бы присоединить к Финляндии, Украине, Китаю и Японии».

В последние годы спецслужбы Запада резко активизировали свои операции по вербовке агентуры в национальных автономиях России и в бывших республиках СССР, где со времен его распада ведется активная подпольная работа по созданию пятой колонны.

«Чтобы управлять процессом распада РФ и уменьшить вероятность конфликта, который выходит за пределы государственных границ, Западу необходимо установить связи с различными регионами России и содействовать их мирному переходу к государственности», — рекомендует Бугайский. Не должен при этом оставаться в стороне и блок НАТО, приближившийся уже вплотную к границам России. «НАТО следует подготовиться к непредвиденным обстоятельствам — как к опасностям, так и к возможностям, которые предоставит раздробленность России», — советует Бугайский Вашингтону. По его мнению, «необходимо отслеживать и поощрять мирный распад и устанавливать связи с новыми субъектами».

Можно было бы, конечно, квалифицировать эти сценарии распада России как «бред сумасшедшего», что и сделали некоторые российские СМИ, если не учитывать, что их разработка, как и призывы к государствам, входящим в НАТО, активно способствуют развалу российского государства и фактически субсидируются американским правительством. Оно же финансирует в России националистическое подполье, одно из самых опасных подразделений пятой колонны Запада. И именно из этого подполья ЦРУ и другие спецслуж-

бы Запада вербуют наемников в разного рода союзы и диверсионно-разведывательные группы (ДРГ), которые действуют в зоне СВО и проникают на территорию России.

Еще в 1919 году по «плану полковника Хауса», помощника президента США Вильсона и масона высоких степеней посвящения, предполагалось разделить Россию на семь отдельных государств, подвластных воле США и их союзников. Этот план так и не сдали в архив. Раздел России и геноцид русского народа до сих пор остается приоритетом внешней политики США. Более того, развал и расчленение России возведены в ранг доктрины национальной безопасности США. Директива Совета безопасности США № SC-20/11 гласит: «На территории распавшегося СССР не может сохраняться военно-экономический потенциал, который в будущем, вне зависимости от национального строя этой территории, мог бы возродиться, консолидироваться и стать потенциальной угрозой американской гегемонии. Неважно, каким будет правительство грядущей России, но оно всегда должно обладать лишь ограниченным военным потенциалом и должно пребывать в состоянии полной экономической зависимости от США». Комментируя эту директиву в своем выступлении на заседании Совета национальной безопасности в 1997 году, его тогдашний шеф Збигнев Бжезинский подтвердил, что впредь США будут исходить именно из этой установки: «Россия — лишняя страна, — сказал он, — которую нужно расчленить. Чем меньше населения будет на этой территории, тем успешнее будет происходить ее освоение Западом». В соответствии с этими «ценными указаниями» в США был разработан план «Грааль», включавший ряд мер по сокращению населения России в десять раз. Действия пятой колонны Запада в нашей стране с давних времен направлены именно к достижению этих целей.

В начале 2000-х руководству России едва ли не в приказном порядке было велено «раз и навсегда отказаться от имперских амбиций» и покорно следовать всем указаниям из «вашингтонского обкома». При Путине, сменившем на посту президента РФ пропойцу и предателя Ельцина, такого рода ультиматумы уже не проходили. И поэтому госсекретарь США Колин Пауэл в 2001 году сформулировал новое кредо внешней политики США: «Россия должна забыть о том, что у нее есть какие-то интересы в республиках бывшего СССР... Мы не позволим России вмешиваться в дела бывшего СССР, ибо восстановление СССР не входит в стратегические цели правительства и государства США». Ответом на эти заявки на мировое господство было создание ОДКБ.

Рыба, как известно, тухнет с головы. И сама наша история показывает, что враги России всегда делали ставку на прозападную элиту, оторвавшуюся от народа и отождествлявшую себя духовно с Западом и его основными «ценностями». Эта среда и порождала отщепенцев вроде поэта XIX века Печерина, вошедшего в историю со своим стихотворением «Как сладостно Россию ненавидеть». Современные социологи делят российскую элиту на несколько категорий: это — «оранжисты», приверженцы неолиберализма и либертарианства, ярые антисоветчики — Касьянов, Прохоров, Абрамович, Навальный, Дерипаска; системные либералы (сислибы) — Чубайс, Греф, Кудрин; системные консерваторы (сисконсы) — Путин и его администрация; охранители или лоялисты — Проханов, Изборский клуб и др.; оппозиционные патриоты — Кургинян и др. При всей условности, если не надуманности, такого деления оно показывает, насколько разрозненно наше общество, в котором активно действует пятая колонна. И всё же попробуем разобраться.

Директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета и Института системного стратегического анализа Андрей Фурсов поясняет:

«Пятая колонна определяется очень просто. Одно дело, когда человек критикует недостатки в своей стране, — это понятно. Но если он постоянно артикулирует некую позицию, которая совпадает с позицией госдепа США, то он уже не оппозиционер, а представитель госдепа на нашей территории и, соответственно, пятая колонна».

Пятая колонна, по определению Фурсова, — «это русскоязычные российские граждане, которые проявляют в России активность, прямо отвечающую интересам врагов страны. То есть, по сути, те, кого мы называем пятой колонной, — это предатели интересов России и ее народа. Это — враги народа».

Конечно, в наше время вряд ли кто станет в России выступать публично с позиций госдепа. За это в условиях СВО можно и срок схватить. Так что определение Фурсова несколько устарело, хотя оно в основе своей правильное. Другое дело, что на практике пятая колонна в России действует в условиях глубокой конспирации, чтобы не выдать себя до наступления часа икс, когда от нее потребуются активные действия. И в реальной жизни нелегко разоблачить в ее представителях то, что Джордж Оруэлл, автор романа-утопии «1984», называл *doublethink*, т.е. «двоемысли».

В российских условиях — это двойная лояльность, проявившаяся в полной мере с началом СВО в существующих российских центрах, до сих пор последней социальной предательской Горбачева и Ельцина. Так Горбачев-Фонд уже 26 февраля 2022 года заявил «о необходимости скорейшего прекращения военных действий и немедленного начала мирных переговоров». «Ельцин Центр» призвал «немедленно прекратить вторжение России на Украину». Остается только удивляться: **почему эти, по сути, враждебные центры, поддерживающие прямые связи со своими зарубежными патронами, до сих пор свободно функционируют в России.**

Весьма наглядно двойная лояльность проявилась у либералов из числа творческой и научной интеллигенции, сбежавших за границу, по большей части в Израиль, «в знак протеста против СВО на Украине». Израильский адвокат Эли Гервиц, специализирующийся на «Законе о возвращении», рассказал журналу Forbes, что его юридическая фирма получает сейчас в 25 раз больше заказов, чем до «спецоперации». По его словам, всплеск даже больше, чем после присоединения Крыма к России. «Почти все, кто к нам обращается, не из Украины, — говорит Гервиц. — И не из России. Они из Москвы».

Верно подмечено. Российские элитарии предпочитают держаться поближе к власти, к центрам принятия жизненно важных решений. По разным подсчетам, за первый год с начала СВО Россию покинуло от 500 тыс. до 1,3 млн. человек (см. «Новые российские эмигранты». Би-Би-Си, 25 мая 2023 г.). Разрыв в цифрах, как видим, значительный. И понятно, что автоматически относить всех этих эмигрантов к пятой колонне было бы неправильно. Нельзя, однако, не заметить, что большую их часть составили представители либеральной элиты, творческой интеллигенции, «властители умов», долгое время удерживавшие монополию в России на формирование общественного мнения.

В российских СМИ и в политике активно действуют представители этой самой либеральной «элиты», известные своей двойной лояльностью, которую они к тому же и не скрывают, а рекламируют. Пример — Ксения Собчак, дочь бывшего мэра Петербурга. Собчак не только имеет личный Telegram-канал, но и собственное интернет-шоу со своей службой новостей. В ноябре 2023 г. она опубликовала пост, где откровенно поделилась мыслями о том, что чувствует по поводу ситуации на Ближнем Востоке. Многих подписчиков этой «элитной звезды» поразили ее слова об Израиле: «Это — моя вторая Родина». И добавила: «Во мне кровь моих предков. В том числе еврейская».

Напомню, что Собчак баллотировалась на пост президента России на президентских выборах 2018 года. И как такое совмещается с двойной лояльностью этой дамы, известной к тому же своей попыткой эпатажа Русской Православной Церкви во время ее скандального бракосочетания в Москве, когда она приехала на венчание на катафалке?

Ольга Кормухина в своем Telegram-канале выразила, как она считает, позицию большинства по отношению к Пугачевой, Галкину, Урганту и всем, кто сбежал «на лечение», как только ситуация в стране изменилась: «Не многовато ли «израильтян» стало в новостной повестке последних дней? То всей толпой ринулись туда резко здоровье поправлять, то оттуда нам оценки ставят, как школьникам. Нет уж, ребята! Умерла так умерла!»

До поры до времени двойную лояльность, понятно, не демонстрируют. Но, как говорится в «Экклезиасте», «своде библейской мудрости», «Всему свое время. Время разбрасывать камни и время собирать камни. Время обнимать и время уклоняться от объятий».

Среди тех беглых, кто подался в бега после начала СВО на Украине, есть и те, кто довольно успешно в России выступал в амплуэтакого рубахи-парня, который может «и песенку спеть с матерком, и по Москве пронестись с ветерком». Таким «своим в доску» числился у нас до эмиграции в Израиль комик Семен Слепаков (в апреле 2023 г. внесен Минюстом РФ в список иноагентов). Но вот, переехав в Израиль, в марте 2022 года он быстро «сменил ушанку на ермолку» и стал записывать русофобские ролики для своего YouTube-канала. В январе 2023 года он опубликовал сатирическую «колыбельную» собственного сочинения о гибели российского солдата на Украине. Прошедшим летом он выступил в Израиле в красной кипе (ермолке) и хасидской жилетке с новой песней: «Не русский!» Вроде бы как в ответ популярному в России певцу Шаману на его патриотический хит, песню «Я — русский!»...

Зрелище было жалкое, да и слова какие-то недоношенные. Не узнать было кумира российских элитариев, среди которых мат — разговорный язык. Но ведь его никто из России не гнал. Он сам захотел стать именно «не русским». Судьба, типичная для всех этих беглых еврейских звезд российской эстрады, театра и кино, захотевших после начала СВО отмежеваться от России и всего русского. Но вот ведь какую немаловажную деталь не учли при этом господа нерусские: свою известность в России и за границей они получили, выступая не на идише и не на иврите, а именно на русском языке

ке и воспринимались как русские «звезды»! И собирали здесь, у нас, многотысячные аудитории и миллионные гонорары. И отказавшись от всего русского, на Западе продолжают выступать именно на русском языке, что, понятно, массовой аудитории не привлекает. А если и собирают аудиторию, как поэт Дмитрий Быков (объявлен иноагентом Минюстом РФ) в Австралии или шоумен Максим Галкин (также иноагент) на Кипре, то, как правило, не больше, чем в сельском клубе. Не видно их что-то ни в популярных программах западного вещания, ни у микрофонов ведущих радиостанций — только в подрывных русофобских.

В России лишь облегченно вздохнули, избавившись хотя бы частично от этого их вездесущего присутствия во всех видах шоу-бизнеса, в театре и кино, уже потому, что эти беглые всюду проталкивали только своих, блокируя путь к признанию действительно талантливой российской молодежи.

«Полезный идиот»

Среди фигурантов пятой колонны действуют и те, кого на Западе называют «полезными идиотами». Одним из них стал конспиролог с ученой степенью Валерий Соловей, в свое время изгнанный из преподавательского состава МГИМО. Руководство вуза попросило этого профессора покинуть учебное заведение, поскольку он «ведет антигосударственную пропаганду и подрывает политическую стабильность».

В ноябре 2020 года британский таблоид The Sun, со ссылкой на Соловья, предположил, что у Владимира Путина может быть болезнь Паркинсона. Новость получила широкое распространение в англоязычных и российских СМИ, что заставило пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова выступить с опровержением этой соловьевской утки.

9 сентября 2022 года Минюст России внес Соловья в список СМИ — «иностранных агентов». Как оказалось, Соловей, хоть и числится на Западе придурком, умудрился получить 2,7 млн. руб. от Google Ireland Limited и 124 тыс. руб. от ICEUR (Независимый аналитический институт, расположенный в Вене) за свои сливы «секретной информации из окружения президента РФ», куда его, понятно, не подпускали на расстояние пушечного выстрела.

Начиная с 2017 года Соловей регулярно предсказывает скорую смену власти в России. 27 октября 2023 года на своем канале он в очередной раз заявил о «смерти Путина», чем сыграл на руку врагам России, которые тут же начали очередную клеветническую кампанию против России и ее лидера.

В октябре 2023 года Валерий Соловей, со ссылкой на «очень влиятельную группу в Кремле», стал сообщать о резко ухудшающемся состоянии президента. 26 октября состоялась закрытая онлайн-встреча Соловья и его сторонников, на которой, по словам профессора, «обсуждались контуры ближайшего будущего постпутинской России». 27 октября Соловей выпустил в рубрике «Что происходит» авторское видео с заголовком «Путин мертв. Что дальше?», в котором, сославшись на Telegram-канал «Генерал СВР» и собственные источники якобы «из ближайшего окружения президента», заявил о смерти Владимира Путина. По словам Соловья, «Путин мертв, помещен в холодильник для заморозки. Ближайшие несколько месяцев его будет заменять двойник». В условиях СВО такого рода провокации равнозначны измене Родине. Но почему-то он до сих пор на свободе... Видимо, в российской пятой колонне у этого «полезного идиота» действительно есть покровители и весьма влиятельные.

«Голубые» не линяют

Загнивая на корню, коллективный Запад всячески стремится свои пороки и нездоровые пристрастия пересадить на российскую почву. Для этого, в частности, в России использовался такой ресурс пятой колонны, как ЛГБТ-сообщество, которое самым активным образом, без каких-либо помех со стороны государства последние 30 лет занималось разложением российского общества. На недавнем культурном форуме в Петербурге известный сербский кинорежиссер Эмир Кустурица обогатил русский язык новым словом — «гомосексуальцы». «Захватили всё, — сказал режиссер, — без «поклона» в их сторону ни на фестиваль не попасть, ни «Оскара» не получить».

Только недавно Государственная дума приняла закон о полном запрете «пропаганды ЛГБТ», педофилии и смены пола и о крупных штрафах за его нарушения. Этот закон позволит защитить будущее страны «от тьмы, распространяемой США и европейскими государствами», заявил один из авторов законопроекта, спикер Госдумы Вячеслав Володин в Telegram-канале.

Новый закон запрещает «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений» среди всех россиян вне зависимости от возраста. Помимо «пропаганды ЛГБТ», «нетрадиционных отношений или предпочтений», а также педофилии в СМИ, интернете, рекламе, литературе и

кино, закон запрещает распространение информации, «способной вызвать желание сменить пол» среди подростков. Наконец-то!

А нужны ли России олигархи?

В.В. Путин, отвечая на вопросы журналистов 22 декабря 2022 года, очень жестко поставил этот вопрос: «Если человек не связывает свою жизнь с Россией, а просто деньги отсюда вынимает, — тогда он дорожит не страной, в которой живет и где зарабатывает, а дорожит хорошими отношениями там, где у него имущество и деньги на счетах. И такие люди представляют для нас опасность».

Примеров подобной двойной лояльности, в частности, по отношению к Израилю и к руководящим органам международного сионизма — Всемирной сионистской организации (ВСО) и Всемирному еврейскому конгрессу (ВЕК), мы находим не только у ряда известных шоуменов и ведущих. Как только после 7 октября с.г. начался израильско-палестинский конфликт, постоянные участники телешоу В. Соловьева директор Института Ближнего Востока Е. Сатановский и бывший руководитель израильской разведки «Натив» генерал в отставке Яков Кедми, выступавшие в прошлых шоу в ролях «русских патриотов», моментально перекрасились и выступили уже в роли патриотов Израиля.

В той же роли неизменно выступают и российские олигархи еврейского происхождения. Ни для кого теперь не секрет, чьи интересы защищал Роман Абрамович, предложивший свои услуги на первом этапе СВО для урегулирования российско-украинского конфликта. Ярчайший пример двойной, если не тройной лояльности демонстрирует в России израильский и британский гражданин, миллиардер Вячеслав Кантор, совладелец группы «Акрон» — одного из крупнейших российских производителей удобрений. Кантор входит в число богатейших людей России и мира. В 2021 году журнал Forbes (США) оценивал состояние Кантора в 7,5 млрд. долларов. Человек он влиятельный и до недавнего времени был вхож в Кремль.

С июня 2007-го по апрель 2022 года Вячеслав Кантор занимал пост президента Европейского еврейского конгресса (ЕЕК), который с момента своего основания в 1870 году известен как русофобская структура, принимавшая самое активное участие во всех антироссийских и антисоветских провокациях и подрывных действиях. После развала СССР он представлен в РФ, где имеет свой центр, хотя основную свою

лоббистскую деятельность осуществляет через Российский еврейский конгресс (РЕК), входя в его руководство. В 2010 году по инициативе Кантора был учрежден Центр Кантора по изучению современного европейского еврейства при Тель-Авивском университете. Кантор, президент и основатель фонда «Всемирный форум памяти холокоста», сыграл ключевую роль в проведении таких форумов, прошедших с 2005 по 2020 год.

В 2019 году Кантор был назначен канцлером сионистского Совета «Яд Вашем», до этого, с 2010 года, он был вице-председателем Совета этой организации. В 2006 году Вячеслав Кантор выступил в роли учредителя Европейского еврейского фонда, целью которого названо «развитие еврейской жизни в Европе». С июня 2007 года он занимает пост президента этого фонда. И всё это он финансирует за счет своего ядовитого бизнеса в России, беспардонно отравляя окружающую среду.

Нужны ли России такие олигархи, или от них давно пора избавиться? Вопрос не риторический.

По зову крови

Forbes насчитал 11 российских миллиардеров еврейского происхождения с израильским гражданством. Это — бывший губернатор Чукотки и член Государственной думы Роман Абрамович, Дмитрий и Игорь Бухманы, Михаил Фридман, Вячеслав Кантор, Герман Хан, Александр Мамут, Александр Несис, Юрий Мильнер, Юрий Шефлер, Гаврил Юшваев. А уж евреев-миллионеров, нажившихся в России, как и олигархи, на эксплуатации и ограблении Русского народа, так и вовсе не счесть.

Многие родившиеся и разбогатевшие в России евреи воспользовались Законом о возвращении, который предоставляет автоматический въезд в страну и получение паспорта любому еврею или любому, кто сможет доказать, что среди его бабушек и дедушек есть хотя бы один еврей. Израильский паспорт — самый распространенный второй паспорт среди миллиардеров с российским гражданством. Три самых известных российских олигарха, попавших под санкции, стали также гражданами Израиля: сооснователи Альфа-банка Михаил Фридман и Герман Хан, а также Роман Абрамович. Он разбогател, благодаря крупной доле в нефтяной корпорации «Сибнефть», которую продал в 2005 году «Газпрому» за 13,1 млрд. долларов. За гражданством Израиля обратился и скандальный куршевельский тусовщик миллиардер

Прохоров, отыскавший еврейские корни у своей бабушки. В 2019 году он занял 12-ю позицию в рейтинге «20 богатейших российских бизнесменов», опубликованном журналом Forbes.

Весьма наглядно двойная лояльность проявилась у либералов из числа творческой и научной интеллигенции, сбежавших за границу, по большей части в Израиль, «в знак протеста против СВО на Украине». По разным подсчетам, за первый год с начала СВО Россию покинули от 500 тысяч до 1,3 млн. человек (Новые российские эмигранты. Би-Би-Си. 25 мая 2023 г.). Разрыв в цифрах — как видим, значительный. И понятно, что автоматически относить всех этих эмигрантов к пятой колонне было бы не совсем правильно. Нельзя, однако, не заметить, что большую их часть составили представители либеральной элиты творческой интеллигенции, властители умов, долгое время удерживавшие монополию в России на формирование общественного мнения.

Уезжали эти наши бывшие соотечественники целыми теле- и радиостанциями, как признанный в РФ иноагентом телеканал «Дождь», и целыми редакциями, как прекратившая свой выпуск в России «Новая газета» — также иноагент. «Новую газету», совладельцем которой был при жизни Михаил Горбачев, а финансировал сионист и русофоб миллиардер Джордж Сорос, возглавлял лауреат Нобелевской премии Дмитрий Муратов, один из лидеров российской либеральной оппозиции. Она прекратила свое существование в России 28 марта 2022 года. Кстати, по решению самого Муратова, ее тогда никто не закрывал. Только 5 сентября 2022 года Басманный суд Москвы на основании иска Роскомнадзора аннулировал у «Новой газеты» лицензию СМИ в России. Различные варианты «Новой газеты» ее сотрудники пытались издавать в эмиграции, но безуспешно.

1 марта 2022 года Генеральная прокуратура России потребовала ограничить доступ к информационным ресурсам телеканала «Дождь» и радиостанции «Эхо Москвы». Либеральная оппозиция, легальная часть российской пятой колонны, была, таким образом, лишена в России легитимных средств массовой информации.

Лакмусовая бумажка

Реакция российских либералов на СВО напоминала тест с лакмусовой бумажкой. Было очевидно, что беглые интеллектуалы сорвались с насиженных мест по команде, причем столь поспешно, что не все даже сразу определились, где им выделена временная прописка за рубежом или ВНЖ. Так ре-

дакция телеканала «Дождь» во главе со своим шефом Н. Синдеевой (внесена Минюстом РФ в список иноагентов) почти в полном составе вылетела в Израиль и, поболтавшись там какое-то время, перебралась в Латвию. Там после громких скандалов с аккредитацией, которую помогли разрешить заокеанские покровители Синдеевой, «Дождь» теперь выходит в эфир из Риги, получив от национального совета по электронным СМИ Латвии европейскую лицензию на вещание. Эфиры также будут вестись из Грузии, Нидерландов и Франции, а это уже свидетельствует о том, что «Дождь» поставлен на западное довольствие. Его, в частности, спонсируют фирмы «Пежо», «Рено», «Хилтон», «Фольксваген» и «Ситроен».

Интернет, социальные сети, YouTube и другие ресурсы мирового информационного пространства заполнены порталами и радиоканалами российских беглых. Среди них выделяются «пропагандисты» еврейского происхождения Венедиктов, Гозман, Фейгин и др., которых крышуют западные спецслужбы и сионистские центры. Активнее всех действует рупор беглого олигарха Михаила Ходорковского, обосновавшегося в Лондоне, «Ходорковский лайв» и канал лондонского филиала его партии «Открытая Россия». Стратегия «Ходора» на сегодняшний день заключается в создании сети телеграмм-каналов и микро-СМИ, которыми управляют бесхозные журналисты заблокированных «Дождя», «Эха Москвы», The Insider и прочих вороньих гнезд. 14 октября Министерство юстиции России пополнило список СМИ — иностранных агентов. В реестр вошли журналисты Владимир Рувинский, Иван Жадаев, Вероника Куцылло, Кирилл Харатьян и Наталия Телегина. Эти фамилии вряд ли о чем-то скажут далекому от медиавойн читателю. Их известность явно не дотягивает даже до второразрядных либералов типа Ивана Жданова. Направляет и финансирует этих деятелей всё тот же Ходорковский, у которого кормится едва ли не половина беглых из российской пятой колонны.

В 2014 году Ходорковский публично поддержал государственный переворот на Украине и решил возродить свое движение «Открытая Россия» для расшатывания общественно-политической ситуации в нашем государстве по украинскому шаблону. Вливались немалые деньги, в 2017 году появилось сетевое издание «МБХ медиа». И вот что любопытно: по всей России беспрепятственно открывались филиалы ходорковской «Открытки» и ее информационного рупора. И куда наши спецслужбы смотрели?!

Не ошибусь, если скажу, что практически все беглецы, объявленные нашим Минюстом иноагентами — Фейгин, Гоз-

ман, Венедиктов, Латынина, Зубаревич, Надеждин и другие, завели свои сайты и регулярно выходят в YouTube и Telegram canal. Елизавета Осетинская, теперь уже иноагент, а в недавнем прошлом бывший главный редактор русского издания Forbes, еще в июне 2017 года основала в эмиграции новостное издание The Bell («Колокол»), действующее как рассылка по электронной почте и интернет-издание. Она ведет на YouTube-канал «Русские Норм» — организует интервью с известными бизнесменами и эмигрантами.

По законам военного времени

Антироссийская кампания в западных СМИ с каждым месяцем набирает обороты. Как противостоять ей на международной арене и внутри страны? Прежде всего надо учитывать, что в новой американской военной доктрине сказано, что в современном мире нет границы между войной и миром. Психологическая информационная война ведется постоянно, и пропагандистская машина — часть военной машины. Следовательно, действовать в этой ситуации надо по законам военного времени, правилам поведения в прифронтовой полосе.

На фоне СВО стало очевиднее, что немалую часть российской элиты составляют различные прозападные элементы. Какое-то время большинство наших граждан с этим мирилось, полагая, что их присутствие в нашем госаппарате является платой за нашу конвергенцию с США и Европой, что это некое необходимое зло для обеспечения развития нашей страны за счет взаимодействия с Западом.

Многим казалось, что та схема, которая стала основой наших отношений еще в 90-е, при которой мы продаем в западные страны свои природные ископаемые, а в ответ получаем технологии и готовые изделия с высокой добавленной стоимостью, была для нас вполне приемлемой, выгодной и вообще рациональной, ибо она позволяла нам, особо не напрягаясь, пользоваться всеми благами цивилизации. Мало кто думал о том, что будет в случае, если между Россией и Западом наступит сильное охлаждение отношений, которое перерастет в долгосрочное противостояние на истощение накопленных ресурсов. Однако сейчас мы оказались именно в такой ситуации.

Конфликт с Украиной для России означает, что с 24 февраля 2022 года, с момента объявления президентом России специальной военной операции, прежний миропорядок изменился и уже никогда более не возродится. Мир признал Россию де-факто самой мощной в военном отношении державой.

В военное время всё встает на свои места. В России т.н. либеральная оппозиция в основном либо переместилась за границу, и это уже не оппозиция, а эмиграция, либо действует нелегально, а это уже либо пятая колонна, либо подполье, и потому любое ее действие определяется статьей УК РФ и расценивается как выстрел в спину действующей армии.

Действия пятой колонны в России в таких условиях далеко не безобидны, они столь же недопустимы, сколь и преступны, как показала реакция этой публики на попытку государственного переворота, предпринятую покойным шефом ЧВК Вагнер Е. Пригожиным. Вагнеровцев с нетерпением ждали в Москве те, кто мечтает о смене власти в России. Не дождалось. Но то, что эти «ждуны» не перевелись в нашей стране и даже в верхних эшелонах власти, — это секрет Полишинеля.

«Дворцовые скандалы»

Время от времени российскую элиту сотрясают своего рода «дворцовые скандалы». Так случилось с помощником президента РФ Вячеславом Сурковым, который, как выяснилось, крышевал одного из лидеров «болотной оппозиции» Илью Пономарева, проходившего по делу о растрате средств фонда «Сколково». Пономарев ушел от ответственности, вовремя сбежав за границу, где он стал одним из лидеров окопавшихся там его однополчан по пятой колонне.

Одним из тех, кто подкармливал Пономарева, стал бывший вице-премьер, председатель фонда «Сколково» Аркадий Дворкович. С 14 января 2019 года он также занимал пост председателя Совета директоров «Роснано». В марте 2022 года в интервью американскому журналу Mother Jones он осудил спецоперацию России на Украине, пытаясь выслужиться перед своими западными патронами. Секретарь Генерального совета «Единой России» Андрей Турчак назвал его «национал-предателем» и пригрозил увольнением из «Сколкова». Но курилка жив и процветает, как и ряд коррупционеров из числа российской элиты, которые составляют особую привилегированную элиту в пятой колонне.

Пятьдесят процентов респондентов в России называют коррупцию в числе главных препятствий на пути экономического подъема в нашей стране. Всё это безобразие сохраняется годами. И пока наши власти предрержащие заботятся в первую очередь об интересах олигархов и сбрендившей от бесконечной наживы элиты, а не о благе народа, критика властей за это и будет рассматриваться обществом как про-

явление патриотизма, ибо это полностью соответствует национальным интересам РФ.

А ведь сообщениями о коррупции в России полны не только наши СМИ, но и зарубежные — это постоянная тема в выступлениях «обличителей» России. Напомню о двух самых громких историях из бесконечного списка коррупционных дел в нашем отечестве.

26 марта 2019 года бывший министр РФ по вопросам Открытого правительства Михаил Абызов был задержан сотрудниками ФСБ по подозрению в создании и руководстве преступным сообществом. По версии следствия, в 2011—2014 годах Абызов участвовал в хищении 4 млрд. рублей путем обмана акционеров компаний из Новосибирской области (Сибирская энергетическая компания и «Региональные электрические сети»).

Особо в серии коррупционных скандалов, регулярно потрясающих российскую элиту, выделяется дело бывшего министра обороны РФ Анатолия Сердюкова. 22 мая 2013 года, выступая в Госдуме РФ, новый министр обороны России Сергей Шойгу перечислил наиболее опасные для нашей армии преступления Сердюкова на посту главы военного ведомства, где он получил кличку Маршал Табуреткин не только потому, что прежде занимался продажей мебели, но и потому, что в военном деле ни черта не смыслил. Среди них — закрытие ряда военных вузов и сокращение приема абитуриентов в оставшиеся вузы, что создало острый дефицит военных специалистов в войсках и на флоте; разрушение системы военной медицины; провал оборонного заказа; несвоевременное, с опозданием заключение контрактов с предприятиями военно-промышленного комплекса, из-за чего изделия с долгим технологическим циклом производства не успевали выпустить. Всё это до сих пор аукается нашей армии, что показала и СВО на Украине. Приведенные Шойгу цифры доклада аудитора Счетной палаты В. Богомолова по аудиту бюджета Вооруженных Сил РФ депутаты назвали «убийственными». По итогам доклада Шойгу появились юридические основания предъявить Сердюкову уголовное обвинение в развале Вооруженных Сил РФ, по сути дела, в измене и предательстве. Главными пунктами критики в адрес Сердюкова стали: сокращение численности армии, уничтожение корпуса прапорщиков и мичманов без создания разумной его альтернативы, отказ от закупки отечественного вооружения в пользу иностранных образцов, задержки в размещении государственного оборонного заказа, активная распродажа государственной собственности, не говоря уже о личном обогащении Сердюкова за счет бюджета нашей армии.

29 июля 2013 года вице-премьер РФ Дмитрий Рогозин возложил на Сердюкова ответственность за развал системы приемки вооружений, из-за чего происходила поставка некачественных комплектующих на предприятия оборонно-промышленного комплекса. И наконец, Маршал Советского Союза Дмитрий Язов отметил: «Якобы лучший министр обороны Анатолий Сердюков привел за собой в министерство целый гарем и чуть не угробил армию». Резко отрицательное отношение к деятельности Сердюкова на посту министра обороны выразил и писатель Александр Проханов: «Сердюковщина стала понятием нарицательным, как смердяковщина Достоевского».

В своей книге об этом проворовавшемся министре и любителе «клубнички» я привожу список ста с лишним эпизодов коррупционных и подрывных действий этого проходимца, за которые ему светило пожизненное заключение. Но Сердюков отделался всего лишь порицанием и вскоре после прогромавшего на весь мир коррупционного скандала благополучно пересел в кресло одного из руководителей Ростеха. «...И шуку бросили в реку» — как сказал наш великий баснописец И.А. Крылов.

В коридорах российской власти творятся поразительные дела. В ходе предвыборной кампании 2018 года в администрации президента неожиданно обозначились руководители «Великой ложи России», филиала материнской «Великой ложи Франции». Они предложили свои услуги по части создания новых партий, которые могли бы оттянуть на себя голоса избирателей и затруднить таким образом победу оппозиции. Одну из таких партий они сварганили для Ксении Собчак, а другую — для миллиардера Прохорова, кстати, подавшего заявление на израильское гражданство. И занялся всем этим всё тот же до поры непотопляемый Владислав Сурков, по поводу увольнения которого после очередного дворцового скандала так рыдали зарубежные СМИ.

Весьма опасными правоохранительные органы России назвали попытки американских сайентологов внедриться в органы государственной власти. Сайентологические организации создали сеть в 60 российских регионах, которая занималась сбором финансов и вербовкой. Сайентологи были связаны с тысячей российских компаний и индивидуальных предпринимателей и кормились в том числе за счет государственных контрактов. Генпрокуратура признала нежелательными Институт сайентологии и «Библиотеку Хаббарда». Финансирование сайентологов в России осуществлялось в том числе за счет денег обманутых дольщиков и средств,

похищенных с госконтрактов в рамках государственного оборонного заказа.

«Особую опасность представляют устремления сайентологических корпораций к вовлечению в сайентологию секретносителей, которые в соответствии с религиозной доктриной Хаббарда проходят сайентологические «одитинги» — аналоги детектора лжи», — сказано в документе ТАСС по этому делу. Всего сайентологические организации вывели из России за восемь лет свыше миллиарда рублей и еще несколько миллиардов путем зачисления пожертвований напрямую в американские организации.

Сервильная интеллигенция

С интеллигенцией в России всегда была проблема у власти. После Октябрьского переворота 1917 года слово «интеллигент» вообще воспринималось как пренебрежительное. Русская интеллигенция составляла значительную часть жертв в расстрельных подвалах ЧК во времена красного террора и ежовщины. Среди них был великий русский поэт Николай Гумилев, крестьянский поэт Николай Клюев, знаменитые русские историки, филологи, агрономы, физики... Это был беспощадный сословный геноцид, в результате которого подлинной русской интеллигенции в СССР почти не осталось. Те, кого выслали по распоряжению В.И. Ленина за границу на философских пароходах, на родину уже не вернулись. Так Запад получил авиаконструктора Сикорского и экономиста Питирима Сорокина.

Сталин только незадолго до войны остановил эту анти-русскую вакханалию, спас от расстрельного подвала Михаила Шолохова, не дал расправиться с женой Гумилева Анной Ахматовой и теми писателями, которые, как Алексей Толстой, вернулись из эмиграции. В золотой фонд советской литературы вошли фронтовые поэты. На весь мир прозвучала великая Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича.

Неизбежным следствием большевистского террора стало появление сервильной интеллигенции, которую правящая КПСС активно подкармливала в обмен на верноподданнические произведения. Именно в этой среде плодилась пятая колонна — скрытые враги советской власти, будущие ниспровергатели основ времен перестройки. Типичным представителем этих предателей от литературы стал Виталий Коротич, автор верноподданнической поэмы о Ленине, главный редактор журнала «Огонек», превративший это популярное издание в антисоветский рупор.

В годы перестройки слово «интеллигент» становится синонимом слов «антисоветчик», «антикоммунист», «западник». Самые известные либералы от литературы активно поддерживали курс социал-предателя Бориса Ельцина на западнизацию России и ее развал на сотню автономий. Неожиданно для всех эти «властители умов» поддержали расстрел Ельциным Белого дома в 1993 году в своем печально известном «Письме 42».

В том письме они призывали Ельцина запретить «все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений», ужесточить законодательство, закрыть ряд газет и журналов, в частности газеты «День», «Советская Россия», «Литературная Россия», «Правда», приостановить деятельность Советов, признать нелегитимными не только Съезд народных депутатов и Верховный Совет Российской Федерации, но и все образованные ими органы, в том числе и Конституционный суд. Среди подписантов оказались все звезды тогдашней либеральной писательской рати: Алесь Адамович, Анатолий Ананьев, Виктор Астафьев, Артем Анфиногенов, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Александр Гельман, Даниил Гранин, Римма Казакова, Юрий Карякин, Яков Костюковский, Татьяна Кузовлева, Александр Кушнер, Юрий Нагибин, Булат Окуджава, Григорий Поженян, Роберт Рождественский, Мариэтта Чудакова и др.

Сейчас, как говорится, иных из этих подписантов уже нет, другие уж далече. Но от них осталось в России неистребимое либеральное наследие, которое наша сервильная интеллигенция передает по эстафете от одного поколения к другому.

Началась ли девестернизация?

Бандеровский переворот в Киеве 2014 года показал со всей очевидностью, что вестернизация общества пятой колонной, в которой доминируют новые западники, ведет его к отрыву от своих корней и полному подчинению коллективному Западу. Наверное, вся эта операция войдет в учебники по подготовке агентуры ЦРУ и других западных спецслужб, без активного участия которых перерождение украинского общества было бы невозможно. За какие-то восемь лет им удалось с помощью своей пятой колонны превратить братский нам славянский народ в нашего врага.

Говоря о западном влиянии, Путин прямо указал именно на так называемую элиту. На чиновников, олигархов, руководителей СМИ. Если до 2014 года шла активная вестернизация, когда даже для чиновников иметь второе гражданство

и недвижимость на Западе считалось правилом хорошего тона и критерием успешности, то в 2014—2022 году этот процесс был приостановлен. Однако те активы, которые остались, никуда не делись. О них просто перестали открыто говорить. А ситуация с вестернизированными госчиновниками, депутатами и их семьями оказалась весьма взрывоопасной.

Ни для кого не секрет, что многие дети представителей политического истеблишмента России имеют иностранное гражданство, образование и обустроенную жизнь за границей. Как же живут дети прославленных российских патриотов? Хорошо живут.

Среди детей российской элиты, живущих за границей, отмечены весьма громкие имена. Дочь Сталина десятилетия жила и умерла в США. Сын Хрущева — гражданин США. У депутата Пехтина — сын в США. Бывший министр транспорта Московской области Кацыва с сыном — в США. Дети депутата Железняк живут в Швейцарии. Дети Астахова: один — во Франции, другой — в Англии. Дети и внуки, по его словам, «главного патриота России» — бывшего главы РЖД Владимира Якунина живут за пределами страны — в Англии и Швейцарии. Сын вице-спикера Госдумы А. Жукова долго жил и учился в Лондоне. Дочь вице-спикера Госдумы Сергея Анденко учится и живет в Германии. Старший сын вице-премьера Дмитрия Козака Алексей живет за границей и занимается строительным бизнесом. Младший брат Алексея Козака Александр работает в Credit Suisse. Старший сын депутата Ремезкова Степан окончил военный колледж Вэлли Фордж в Пенсильвании (год обучения стоит 1 млн. 300 тыс. руб.). Его младшая дочь Маша Ремезкова живет в Вене и представляла сборную Австрии на детских соревнованиях в Любляне. Дочь депутата В. Фетисова Анастасия выросла, выучилась и живет в США. Писать и читать по-русски Настя так и не научилась. Дочь Светланы Нестеровой, депутата Госдумы от фракции «Единая Россия», живет в Англии. Дочь депутата Воронцова Анна проживает в Италии. Туда она переехала из Германии. У единоросса Елены Раховой, прославившейся тем, что ленинградцев, проживших менее 120 дней в блокаде, она назвала «недоблокадниками», дочь живет в США. Дочь экс-спикера ГД, одного из основателей партии «Единая Россия», а ныне члена Совбеза Бориса Грызлова Евгения живет в Таллинне и получила эстонское гражданство. Сын бывшего министра образования Андрей Фурсенко живет на постоянной основе в США. Сын депутата В. Никонова (внука Молотова), президента фонда «Политика», гражданин США.

Не хочу никого обидеть, но сам по себе факт нахождения в таких списках закономерно ставит под сомнение патриотические заявления его фигурантов.

Не вдаваясь в подробности, напомним о том, какой скандал поднялся в нашем Федеральном собрании, когда вскрылись факты, свидетельствующие о том, что у значительного числа наших народных избранников имеются не только виды на жительство, причем в ряде случаев на постоянное, но и иностранное гражданство, а также весьма дорогая собственность за рубежом. Как следует из деклараций о доходах и имуществе за 2019 год, опубликованных 14 августа на сайтах Госдумы и Совета федерации, зарубежная недвижимость в собственности или пользовании имеется у 22 депутатов и шести сенаторов. Хотя по среднегодовому доходу члены Совфеда (34,1 млн. руб.) опережают коллег из нижней палаты (22,6 млн. руб.) в полтора раза. После внесения поправок в Конституцию РФ госчиновникам и депутатам запрещено иметь иностранное гражданство и виды на жительство, как и имущество за рубежом. Нас заверили, что с этим покончено. Но известен ряд случаев, когда «слуги народа» просто переписывали свое имущество на близких родственниках и тем самым от него формально избавлялись.

«Я совсем не осуждаю тех, — говорит президент Путин, — у кого вилла в Майами или на Французской Ривьере, кто не может обойтись без фуа-гра, устриц или так называемых гендерных свобод. Проблема абсолютно не в этом, а, повторю, в том, что многие из таких людей, по своей сути, ментально находятся именно там, а не здесь, не с нашим народом, не с Россией. Это и есть, по их мнению — по их мнению! — признак принадлежности к высшей касте, к высшей расе. Подобные люди готовы и мать родную продать, только бы им разрешили сидеть в прихожей у этой самой высшей касты. Они хотят быть похожими на нее, всячески подражая ей. Но они забывают или не понимают вообще, что этой так называемой высшей касте они если и нужны, то как расходный материал, чтобы использовать их для нанесения максимального ущерба нашему народу».

В условиях объявленной нам коллективным Западом войны не на жизнь, а на смерть властям предрержащим в нашей стране следует исходить из того, что речь должна идти не просто об отсутствии легитимности пятой колонны Запада, но и о скорейшей ее ликвидации в России.

ЗАВЕЩАНИЕ

ПОВЕСТЬ

Отец и сын

Он с детства любил, когда его шутливо называли Сан Санычем, вкладывая в эти слова любовь и привязанность, особенно, когда посмотрит малыш синими глазками, ясно и мило улыбнётся. Уже в те годы в нём чувствовалась открытость, доброта; ну как такому не улыбнуться в ответ. А потом так и пошло: и во дворе, и в школе, и на автобазе — везде Сан Саныч, лишь в армии Князева называли Битком. В него и сын Антон фигурой уродился, а в остальном копия матери: чернявый, нос с горбинкой, пунцовые, вечно обиженные губы — один в один, и ершистым характером схож.

Старший Князев не заметил, когда Антон с утра успел выпить в честь Восьмого марта и собрался на «Речной вокзал» навестить больную мать, где её сестра третий год ухаживала за ней. Сперва думали, что она вот-вот выправится после инсульта, учили ходить, но пользы обучение не принесло. И смирились. А то, что обходиться без костылей не может, это не самое страшное. Лишь бы хуже не было.

Судьба своей бывшей Сан Саныча особенно не волновала, потому

ПРОЗА

что давно развёлся с ней, по молодости они обоюдно наломали дров, кто больше, кто меньше — выяснять и спорить бесполезно, поэтому и душа не болела за неё. Вот за сына переживал. Пока его мать была на ходу, то более или менее держала Антона в узде, не позволяя часто заглядывать в рюмку, хотя и сама выпивала, а как слегла, то ничего поделывать с сыном не могла, разве что укорить и пристыдить, но его это особенно не сдерживало. Взяв отпуск без содержания, поухаживав за матерью месяц, он понял, что его ждёт незавидное будущее, и теперь вся надежда была на сестру матери, тоже пенсионерку: если поможет, это выход из ситуации, если нет — проблема. Она взялась к радости и одного сына, и второго — Бориса, к которому Сан Саныч не имел никакого отношения, когда-то женившись на его матери, взяв, как говорят, с «довеском». Первое время, конечно, между сыновьями не делал разницы, но всё до того момента, когда после восьми лет совместной жизни Сан Саныч развёлся с женой, окончательно разочаровавшись в своей избраннице, не сумев наладить с ней жизнь, а ведь сперва очень хотел доказать родне, отговаривавшей от опрометчивого шага, что у него всё получится, что всего добьётся, и очень хотел этого, но по факту все его усилия оказались напрасными.

Споткнувшись один раз, более не женился, хотя тогда был молод и полтора десятка лет жил на съёмной квартире, и женщин не проходил мимо, в коих у одиноко живущего в отдельной квартире недостатка не имелось. Ну и работал, конечно: то на самосвале по городским стройкам крутился, то в такси «дорогих москвичей и гостей столицы» возил с ветерком, то дальнобойщиком километры нарезал — как без этого. Все девяностые и половину нулевых прожил в режиме ожидания, а когда заматерел, когда подросток внук, вернулся к себе в Строгино. Мечтал ли Князев ещё раз жениться, пока жил в «изгнании»? Мечтал, конечно, особенно первое время, но отдельной жилплощади не было, а идти примаком к какой-нибудь вдовушке не хотелось. А когда на пенсию вышел — какой из него жених в таком возрасте. Как говорится, поезд ушёл, но сожаления от этого ни капли: любимое увлечение — резьба по дереву — не позволяло грешить унынием.

Сын тогда жил у своей жены, но мало-помалу жизнь у них разладилась, и он вернулся под родительский кров, успев ещё раз побывать женатым, и хорошо, что не появилось у него детей во втором браке: вторая жена оказалась с головой и не захотела иметь детей от любителя пива. Теперь Антон ездил к матери раз в месяц скорее для очищения совести. Приедет в выходной, поцелует мать, подарит цветы, поговорит немно-

го. Потом тётка накормит, и он с лёгкой душой возвращался. Иногда пересекался с приятелями, и тогда гулял допоздна.

Вот и сегодня уехал, а когда ждать — неизвестно. Дай бог, чтобы к ночи вернулся. А что думает о нём отец, переживает, нет ли — его это, видимо, особенно не волновало, хотя уже лет пять, как жил у родителей. Но остался с отцом один на один, когда мать перевезли к сестре, потому что его сводный брат Борис с начала 90-х обитал у жены где-то на «Динамо»; старший Князев у него ни разу не был, да и не хотелось. Ему бы теперь со своим справиться. Это и вилось на уме, словно отец мог предугадать заботы сына. Телефонный звонок отвлѣк. Трубку включил — кто-то плаксивым голосом сказал:

— Пап, помоги — встретить меня у подъезда...

Сан Саныч сперва подумал, что звонят мошенники, и хотел отключить телефон, потому что нетрезвый голос Антона был почти неузнаваем.

— Ты где? — спросил Князев. — Что случилось?

— Около травмпункта — такси жду.. Ногу сломал — гипс наложили. Мне тут сесть помогут.

— Хорошо, через полчаса буду встречать у подъезда.

Князев не стал смотреть на часы, оделся потеплее, решив заодно подышать воздухом, что ему после двух ковидов совсем не помешает, тем более и погода мягкая, без мороза, от которого Князев всю зиму хоронился; стоило поглубже вдохнуть, как наваливался приступ кашля. Поэтому постоянно носил с собой конфеты-леденцы, спасающие в нужный момент, а то нельзя ни в автобус войти, ни в метро, где, не дай бог, кашлянешь: сразу все начинают коситься, разбегаются в стороны. В таких случаях он выходил из автобуса или вагона первым. Постоит, откашляется, кинет в рот новый леденец и далее едет, что-то мурлыча под нос и тем самым отвлекаясь.

Теперь дело шло к весне: и солнце высоко поднималось, и грело заметнее, и от этого настроение не могло не налаживаться... Подумал об этом и вспомнил сына, вздохнул: «Если бы так на самом деле!» Неторопливо прохаживаясь около подъезда, вскоре увидел такси. Дверь раскрылась — сын нарисовался: с загипсованной стопой сидит на заднем сиденье, рукой машет. Князев достал по старинке портмоне, чтобы рассчитаться с водителем.

— Пап, я уже заплатил. Помоги выбраться.

Помог, подхватил под руку.

— Эй, уважаемый, ботинка возьми... — Водитель-азиат вышел из-за руля и подал пакет с сапогом.

— Спасибо! — поблагодарил Сан Саныч и спросил у сына:

— Сам сможешь идти?

— Нежелательно... На одной могу прыгать.

— Тогда обхватывай меня. Главное до лифта добраться.

Потихоньку да помаленьку сын, слегка опираясь на пятку загипсованной ноги и на отца, поднялся по ступенькам к подъезду, потом к лифту.

— Где тебя угораздило? — спросил отец.

— На автобус торопился и упал. В травмпункте сказали, какую-то мелкую кость в стопе сломал.

— Дело ясное... — отозвался Сан Саныч, хотя ничего ему было неясно, и это озадачивало. Ведь только сын заслужил повышение по службе, недавно став заместителем начальника отдела, а тут такое приключение, когда работу надо работать, а не сидеть на больничном.

Сын, Женя и курьер

Год, наверное, сын, как заметил Сан Саныч, обходился без женщин, хотя одно время в выходные не приезжал ночевать. А потом стал «примерным». Князев в душу сыну не лез, зная, что от него ничего не добьёшься, а если будешь настырничать, то осадит:

— Отстань!

И это всё, о чём можно поговорить с единственным и дорогим. Сам-то Князев помнил, как в детстве тяжело перенёс кончину отца, потом матери, хотя уже взрослым был на ту пору. И никогда с ними не ругался, не огрызался. Были промахи? Конечно, как без них, но все они проходящие, а теперь, глядя на своего сына, не понимал, как можно огрызаться на человека, который дал тебе жизнь, переживает за тебя и... беспощадно ругает. Да, именно так: жёстко и грубо, когда сын несколько дней пил — именно пил, а не выпивал. И тогда у Князева сдавали нервы из-за бесплодных попыток достучаться до его сознания, как-то усюветить, одёрнуть — тогда проявляется высшая стадия гнева, от которой ему и самому становилось горько. Но ведь она помогала, на какое-то время сын затихал, а он начинал глотать таблетки, приляжет и, уж засыпая, вдруг слышит, что дверь опять потихоньку защёлкнулась. Сан Саныч лишь успевал встать и дернуть ручку запертой двери. Тогда выглядывал в окно, дожидаясь, когда сын выходил из подъезда, окликал:

— Не ходи!.. — зная, что сын направился в соседний дом, где в подвале приютился не особо рекламируемый магазинчик. В нём, кстати, есть весь набор продуктов, но всё-таки главное, из-за чего этот магазинчик работал, — снабжал спир-

тным местных выпивох, у которых нет ни сил, ни времени отправиться в какой-то иной, более солидный магазин.

Но разве сын послушается. Отцовское «Не ходи!» — для него словно красная тряпка для быка. Нарочно пойдёт. Сходит и на некоторое время затихнет, заснёт. Потом, проснувшись, помается от выходявшего алкоголя и попросит отца, как сейчас:

— Пап, ты знаешь, что я никогда не прошу тебя об этом, зная, что просить бесполезно... Сходи, пожалуйста, в подвал, принеси чекушку — в виде исключения...

— Если знаешь, что просить бесполезно, зачем просишь?

— Из-за сломанной ноги...

— Вот именно: тебе сейчас покой нужен, надо попытаться уснуть, а у тебя чекушка на уме. За едой могу сходить, за лекарствами — всегда пожалуйста, а за выпивкой и не подумую.

Сын вздохнул, затих на диване, вытянув загипсованную ногу. И Сан Саныч более или менее успокоился, начал чистить картошку на ужин, рассчитывая на двоих. Потом сыну позвонили и он, как всегда, приглушая голос, начал с кем-то говорить. По интонации догадался: с Евгенией. Это даже обрадовало. Пусть она убаюкивает его, пусть ему будет хорошо с ней. Всё отвлечёт от выпивки. Картошки он теперь начистил на троих. Достал замороженных котлет, начал жарить с таким расчётом, чтобы хватило на всех. Примерно через час она приехала и предстала перед ним: невысокая, курносая, на вид не выспавшаяся, словно спала, а сын выдернул её из постели. Она разделась, шмыгнула к нему в комнату, и через некоторое время Сан Саныч побеспокоил их:

— Ребята, ужин поспел! — он заглянул к ним, спросил: — Вам сюда принести?

— Можно и сюда, пап... Хотя мне и есть особенно не хочется...

«Понятно, почему не хочется! — подумал Сан Саныч, увидев у сына на столе бутылку водки, колбасную нарезку и минеральную воду. Подумал, и сразу руки опустились. И расхотелось с ними говорить, угождать им. Тем не менее обещанное он исполнил: принёс тарелки с пюре и котлетами и с чуть заметной ехидцей сказал: — Кушать подано!»

Более он в этот вечер к ним не подходил — всякое желание общаться пропало. Главной установкой для себя обозначил в этот момент собственное спокойствие. Но как же трудно попытаться не видеть, что происходит в общей квартире, одним из жильцов которой являлся собственный сын, которого хотелось в этот вечер надолго забыть и не думать о нём.

С завтрашнего дня начиналась новая рабочая неделя, Князев-старший слышал, как с утра пораньше Женя умчалась на работу, а сын, что-то пробурчав ей на дорожку, закрыл за ней и ушёл к себе, затих, потом вызвал врача. Тот появился не сразу, и вскоре ушёл, видимо выписав сыну больничный. Сын вспомнил об отце, позвал.

— Слушаю внимательно! — сказал Саныч, подойдя к Антону и буравя глазами.

— Сходи, пожалуйста... — он даже не стал обозначать, за чем именно сходить.

— Нет, это невозможно!

Сын лишь вздохнул и более не приставал с просьбой. Сан Саныч ушёл в свою комнату и постарался не думать о сыне. А глядь, через полчаса он зашевелился в прихожей, начал куда-то собираться. Князев выглянул, спросил у сына, заматавшего загипсованную ногу пакетом:

— Далеко?

— Куда надо...

— Катись... — не сдержался Сан Саныч, вдруг обнаружив, что у него уж более не осталось сил ни на что. Даже на чёрные слова, каких в ином случае он мог бы наговорить. А зачем? Всё равно ведь сделает по-своему.

И сделал, и до ночи не показывался из комнаты. Потом вроде заговорил с кем-то по телефону, и уж в первом часу ночи — звонок в дверь. «Неужели Женя?» — подумал Князев. Быстренько выглянул в прихожую и увидел на пороге незнакомого молодого мужика-кавказца. И сразу всё понял: прибыл курьер по доставке спиртного. Сан Саныч и прежде замечал, что сыну кто-то привозил выпивку, и он не мог понять, кто именно и откуда. И тут, когда удачно застал момент передачи «заказа», а сын, схватив пакет, успел улизнуть в комнату, забыв о сломанной ноге, Князев твёрдо, даже грубо сказал курьеру:

— Вас, молодой человек, я попрошу задержаться! — сказал так грозно, что тот не посмел что-то сказать или попытаться скрыться. — Где чек на товар?

Курьер замялся.

— Значит, чека нет! Какую фирму представляете?

— Частную...

— Какую именно? В каком подвале она базируется? Тоже не знаете? Тогда мы сейчас позвоним в полицию и попытаемся узнать.

— Дядя, не надо... Меня с работы выгонят.

— Ничего страшного. Вы хорошо владеете русским языком, думаю, с этим проблемы не будет.

— Я в Москве родился, я москвич...
— А действуете как заграничный пират, спаивая людей контрафактом.

— Это не я. Мне дают заказ — я исполняю.

Не особенно слушая оправдания, Князев позвонил в полицию, коротко объяснив суть обращения.

— Хорошо, — пообещали ему, уточнив адрес, — сейчас вышлем наряд.

— Дядя, пожалуйста, отпусти! — умолял курьер, перед этим позвонив своему «диспетчеру», и теперь передал её слова: мол, клиента она занесла в чёрный список.

— Молодцы вы все! Одного занесли, а ещё осталось неизвестно сколько страждущих, чем вы и пользуетесь, сволота этакая.

Пока препирались, Князев почувствовал, находясь на лестничной площадке, что подмерзает в футболке, начал подкашливать. Понятно, что оставлять «собеседника» одного нельзя, но и здоровьем рисковать не хотелось. Сказав: «Стой и не дёргайся!», он лишь на несколько секунд оставил его, схватив в комнате свитер, а возвращаясь, услышал дробь шагов по лестнице. Что и следовало ожидать. Сан Саныч вернулся в квартиру, проследил в окно, в какую сторону пошёл спокойным шагом курьер (обучен выдержке), по-настоящему оделся и вышел на улицу встретить наряд и попытаться выследить беглеца, зная, что они разъезжают на машинах и оставляют авто не около нужного подъезда, а в стороне: эта старая привычка фарцовщиков, известная Сан Санычу ещё с советских времён. Только вышел — полицейские навстречу.

— Это я вызывал... Убежал злодей...

— В какую сторону? Как выглядит?

— Серая куртка, синие джинсы. Кавказец...

Полицейские уехали, а Князев остался у подъезда, продолжая наблюдать обстановку. И вдруг его внимание привлекла тёмная машина, сорвавшаяся с места на противоположной стороне бульвара.

«Вот и злодей нарисовался, — усмешливо подумал Князев, словно смеялся сам над собой. — Ловко он всех сделал. Опытный — ничего не скажешь! И даже хорошо, что сбежал — меньше хлопот».

Без настроения Сан Саныч вернулся домой. Захотелось всё высказать сыну, но не стал. Зачем?

Должник в семье

Никогда Князев не связывался с банковскими клерками, а тут они словно озверели, готовые с утра до ночи терзать

беззащитных граждан, к коим он относил себя. Причём говорил с ними не сын, который просто посылал их, а он сам, пытаясь объяснить, что должник — старший и неродной сын Борис здесь не живёт. Так нет: второй год изводили нытьём, причём из разных банков, но этого им показалось мало, так в последние дни и вовсе начали угрожать конфискацией. Мол, придут приставы с двумя понятыми и участковым, составят протокол изъятия ликвидных вещей, их передадут оценщикам для реализации в счёт немалой банковской задолженности.

— Так его же здесь нет.

— А нам без разницы. Главное, что он зарегистрирован в общей с вами квартире. Поэтому можем конфисковать в счёт долга любую ликвидную вещь из неё. В том числе и вашу, если не будет чека о её покупке.

Подобные словеса можно выслушать раз, другой, но когда клерки звонят и звонят, а последние две недели — особенно, то это уж слишком, любому покажется это обыкновенным истязанием. Тем более что он, Князев, никогда не имел отношения к банковской задолженности, а долги висели на его неродном сыне. И как Князеву всякий раз объясняли, приставы не будут спрашивать, живёт с ними должник или нет.

— А вы думаете, что многие годами хранят чеки о покупках? Хорошо, если какой-то завалется! — удивился Князев.

— Не переживайте, приставы будут действовать по закону.

— Ага, составленному, наверное, теми, кто придумал приватизацию?!

Эту несправедливость Сан Саныч воспринимал невыносимо мучительно, представляя, как начнут копать в его вещах, инструментах, выносить вещи, трогая скульптуры, маски, трости, а то и отбирая их у без вины виноватого, что и было бы на самом деле, случись это. Будь по-иному, он послал бы куда подальше современных вымогателей, но когда тебе восьмой десяток, когда в жизни много чего происходит нервного, то каждая несправедливость отзывалась учащённым сердцебиением, повышением давления и спазмами сосудов, от чего подкатывали «тошнотики», кружилась и плыла голова.

В такие моменты грузный Князев брал с полки коробку с лекарствами, выпивал набор из нескольких таблеток, порцию корвалола, тяжело укладывался на кровать и заставлял себя отстраниться от всего, что слышал. Но полежав какое-то время с закрытыми глазами, он усаживался и долго прислушивался к себе. От анаприлина сердце стучало пореже, давление немного понижалось, и если самочувствие более или

менее налаживалось, то всё равно оставался главный вопрос: «Как жить дальше?» И это в то время, когда много зависело не от него самого, а от тех обстоятельств, в какие невольно он попал.

И сложились эти обстоятельства задолго до нынешних дней, заложены они были в середине 90-х, когда началась массовая приватизация жилья. Как чиновники официально уверяли, от подобной процедуры лишь прибавится свобод, демократии и вообще всем будет счастье. Но теперь в обещания, наученные чубайсовской приватизацией, никто не верил, кроме, наверное, тех, кто разжился ларьком, а лучше несколькими, парикмахерской в двух комнатах на первом этаже жилого дома или массажным кабинетом в полуподвальной пристройке. Такие радовались и тому, что имели, ведь заводы, фабрики и теплоходы после ваучеризации нашли хозяев, не чета мелким лавочникам, мешающимся под ногами; те это понимали, помня тезис о невозможности возврата к тому, что было ещё совсем недавно. (Хотя можно вспомнить расхожие слова 70—80 годов, мол, социализм и коммунизм — это навсегда, ибо нельзя повернуть ход истории вспять. Но, оказалось, можно, для этого ничего особенно и делать не надо было, лишь проморгать одного-двух предателей Отчизны!) Поэтому, боясь потерять обещанное, все кинулись приватизировать жильё, желая хоть что-то иметь за душой именно; нерадивых брать во внимание не стоит, для них и поныне самой счастливой остаётся жизнь по социальному найму, и они не переживают по такому малозначащему поводу: продлена приватизация или закончилась.

И семья Князева приватизировала в те годы трёхкомнатную квартиру, не ахти какую, но доля из 15 квадратных метров на каждого из четверых выходила. Но эти доли висели, словно в виртуальном компьютерном «облаке», никак и ничем не напоминали о себе, но всё это до поры до времени. И вот оно наступило, и надо было что-то делать, когда один дольщик погряз в банковских кредитах, и теперь оставалась надежда, что с помощью своей доли, продав её, он выпутается из непростой ситуации. И к этой надежде Бориса Гусакова подтолкнул сам Князев.

— Сколько тебе, приятель, можно уклоняться от клерков и бегать от коллекторов? При твоём разгильдяйстве, склонности к зелёному змию никто и ничто тебе не поможет, пятидесятилетнему, если работаешь с пятого на десятое, и никогда тебе до конца жизни не расплатиться с долгами, а так получишь энную сумму, пропишешься у жены и будешь жить спокойно и счастливо! — как-то сказал он ему по телефону,

когда звонки в очередной раз довели, и подумал: «А все претензии клерков, будут приходиться по твоему новому адресу!» В том, что они будут приходиться, Князев не сомневался. Не та это сумма, которую он получит за свою долю, из которой половину отдаст за долги, чтобы можно было планировать будущее, если для этого нет ни силы и ни воли к силе. «Вы с женой быстренько промотаете остатки, слетав разок в Турцию, пару раз съездите в Астрахань на рыбалку на «Газели», взятой в лизинг, на которой надо пахать и пахать, чтобы рассчитаться и накопить немного на старость. Так что в продаже своей доли вся твоя надежда, а уж за сколько — как риэлтор обозначит». Но продать, может, и легко, если на каждый товар всегда найдётся свой покупатель, да не продашь абы кому во времена расцвета квартирных аферистов-стервятников, только и ждущих возможности оторвать лакомый кусок, просунуть, так сказать, коготок в щель, чтобы зацепиться окончательно. Ведь покупка квартиры по долям, а потом продажа её полностью, сулит значительный барыш, даже при условии выплаты налога.

Вот и теперь, хотя это напрямую не затрагивало Сан Саныча, выкручиваться предстояло именно ему. Ведь должник — сын жены от её первого брака, с которым у Князева не было никак контактов. А что: вырастить помог, теперь Сан Саныч вроде и ни к чему. Да и сам особо не тянулся к чужому сыну, тем более что тот последние лет тридцать жил у жены в районе метро «Динамо». Изредка приезжал в Строгино, закрывшись с матерью и пошутукавшись с ней, быстро уезжал, и Князев понимал, что приезжал, чтобы занять денег, чтобы потом никогда их не отдавать, но не матери, а брату, которого в свою очередь мать уговаривала помочь старшему. Уж так устроена подобная мать: всегда готова выручить своего первенца-кровиночку, пусть и за счёт младшего сына. Но по-настоящему заботливая мать смолчит, не будет разжигать страсти между детьми, тем более что у Антона, хорошо зарабатывавшего, имелась возможность помочь. Но помочь можно раз, другой, но когда это входит в систему, когда долг не возвращают, то Князеву становилось обидно за своего, но Антон почему-то молча проглатывал такое вероломство и никак ему не противодействовал. А что мог сделать Князев, как повлиять на сына? Никак. Тем более что его мать будто не замечала этой несправедливости. Когда же она слегла от инсульта, сыновья совсем распустились. И если поведение чужого его особенно не волновало, но удивляла заносчивость своего, к тому времени уволившегося и нигде толком не работавшего, из-за которой с ним ничего не обсудишь, не поговоришь по ду-

шам. Что ни скажи, на всё один ответ: «Разберусь!» Или, если попросишь о чём-нибудь, всё: «Потом...»

Ну, если они такие необязательные, то и дел с ними иметь не хотелось, например, заменить затёртые обои в прихожей, отремонтировать ванную комнату. Князев сам бы всё сделал, если бы позволяло здоровье, но когда ни нагнуться толком не можешь, ни голову поднять, нет ни малейшей возможности отличиться. Просить же сыновей — бесполезное занятие: один у жены живёт, второму, разведённому, некогда. Тогда скиньтесь деньгами, наймите людей, в чём проблема-то? А в том, казалось Князеву, что мать не приучила, не привила в них сплочённости, дружбы, взаимовыручки — каждый сам по себе. Теперь же, когда она не способна следить за ними, находясь под присмотром у сестры, то и вовсе всё пустилось на самотёк, куда кривая не вывезет. Хочу возьму кредит, хочу вовремя не отдам, хочу работаю, хочу не работаю, так как машина у меня в лизинге — сам себе хозяин. Главное, чтобы вовремя вносить ежемесячную плату в лизинговую компанию, и ей совершенно безразлична твоя трудовая дисциплина. Им даже всё равно, ограждаешь ты себя от сторонних банковских посягательств, если тебя это особенно не волнует, а банковскому люду наплевать, что у твоего отчима расшатанные нервы, что ему, потратив «смертные» деньги, может, даже придётся занять, чтобы выкупить долю у чужого сына. К тому же доля эта ему особенно и не нужна, но всё равно делать что-то необходимо, хотя он с собой на тот свет её не заберёт — она и так достанет сыну или внуку, зато сам он получит относительное спокойствие. Почему относительное? Да потому что у него и с родным сыном случались конфликты. И часто повторялись, когда тот вдруг вспоминал, что жить не может, чтобы не заглянуть в бутылочное горлышко. Поэтому Сан Саныч долгие годы мечтал о своей отдельной «однушке», даже был готов переехать в Рязань, на родину родителей, лишь бы избавиться от бедлама, творящегося в «его» семье. И помаленьку копил, когда-то начав с продажи «жигулёнка», решив окончательно покончить с «баранкой», которой отдал почти сорок лет. Но копить можно всю жизнь и не накопить, тем более что вскоре он ушёл на пенсию, а на неё не разгуляешься. Хотя, если не ездить по заморским курортам, то и с пенсии кое-что оставалось на чёрный день. Но главное, хотя он никогда не считал себя финансистом, научился первичной финансовой грамотности, и, следя в «открытых источниках» за биржевыми сводками, за курсами валют, за политической обстановкой, умело, как оказывалось, пользовался тем, чем пользовались многие — гибкос-

тью в сохранении и приумножении накоплений, а для этого необходимо постоянно внимательно слушать и вникать в новостные сообщения, касающиеся финансов, а также в политическую обстановку. Случился какой-либо катаклизм, курс рубля упал — продай доллары; курс «устаканился» и даже прилично укрепился — прикупи долларов. Понятно, что такая ситуация не будет появляться с регулярной цикличностью, нет. Ну, не наступит она завтра, обязательно наступит послезавтра, а ты сиди, как мышка-норушка, и жди. Противно, конечно, когда кто-то за тебя рулит финансами, зато как благодотно на душе становится, когда деньги сами в руки плывут. Правда, с некоторым временным замедлением, необходимым для анализа ситуации.

И вот наступил такой момент, когда он легко мог купить однушку в Рязани, поближе к природе, но вдруг понял, что она не нужна теперь по состоянию здоровья. Ну что он будет сиднем сидеть в чужом в общем-то городе, где почти никого не знает, да и уровень жизни иной, чем в столице. Эх, лет хотя бы на десять пораньше повернуть это дельце! Но тогда не хватало финансов, а теперь они вроде бы имелись, но не осталось главного — здоровья. Поэтому Саныч был вынужден вздыхать да чесать лысину.

Риэлтор Жанна

В момент наивысшего давления клерков, его окончатель-но взбудоражила мысль о том, что вполне можно повернуть сделку — выкупить у чужого сына его долю, и дело с концом. Особенно Князев загорелся этой идеей после предварительного разговора с риэлтором, узнав от неё, что цена доли в квартире примерно на треть дешевле, чем если бы продать квартиру целиком. Но беда в том, что полученной суммы вряд ли хватит на московскую «однушку» даже на окраине, даже если приплюсовать свою долю, поэтому и оставался именно такой вариант: продолжать делить совместное квартир-ное пространство, вычленив из него относительно чуже-родную тушку, которая бы при советской власти получила жильё «за выездом». То есть Борису и его семье бесплатно (в ту пору только так) предоставили бы отдельную квартиру и не возникало бы в дальнейшем никак проблем в отношени-ях. Теперь же в планах у Князева начала мелькать мысль о том, что, став владельцем половины квартиры, он бы мог что-то придумать, но как тогда быть со своим сыном? Загнать в коммуналку и отселить за сто первый километр? Нет, на та-кое злодейство Сан Саныч никогда не отважился бы, потому

что, во-первых, совесть не позволит, а, во-вторых, зачем сыну отселяться, если жизнь его отца по всем биологическим законам должна оборваться ранее его собственной. Поэтому надо лишь отселить чужеродное и жить по-новому, ответственно следить и ухаживать за квартирой, когда не будет возможности ссылаться на кого-то.

Поговорив с риэлтором, с которой свела племянница Сан Саныча, он договорился, что она после поездки на две недели в отпуск в Израиль к детям вернётся в Москву и тогда можно будет приступить к подготовке документов для сделки. Известно, что неприятнее всего ждать и догонять. Это замедление Князев перенёс достаточно легко, зная, что хуже всего даётся ожидание бездельнику. Поэтому вернулся к доработке скульптуры из дерева, по два-три часа занимаясь сверлением, пилением, долблением, помаленьку-полегоньку воплощая задуманную композицию. Более работать не удавалось, потому что начинала болеть спина, немели от неподвижности ноги, и сводили судорогой руки от напряжения. Да и спешить-то особенно некуда. Хотя стоял март, но зима не торопилась расставаться со своей властью, пугала весну метелями и морозами — в такую погоду самое время заниматься любимым ремеслом. За этим занятием незаметно пришла середина месяца, когда Князев позвонил вернувшейся Жанне и договорился о встрече.

Она появилась на следующий день в одиннадцать часов — средних лет, среднего роста и средней ухоженности; приехал и Борис — внешне не изменившийся, с привычной гривой волос. Для Сан Саныча было важным присутствие его самого, чтобы торг о цене состоялся при нём, и у него в будущем не было бы повода сказать, что, мол, сговорились за его спиной. Оба прибыли ко времени. Бегло осмотрев квартиру, оценив степень её запущенности, транспортную доступность жилья, его расположение, Жанна вынесла вердикт, правда, он был не однозначным, а с большой ценовой «вилкой», и Борис сразу сообразил, посмотрев на Князева:

— Ни тебе, ни мне! — и назвал среднюю цену.

Князев не стал строить из себя обиженного, оспаривать предложение: средняя, так средняя, тем более что он и рассчитывал на такую примерно сумму.

Жанна сфотографировала паспортные данные, уточнила родство каждого из проживающих, вспомнила о больной бывшей жене Князева — мол, как она, дееспособна ли, понимает, что происходит?!

— Вполне! — подтвердил Борис. — Только без помощи передвигаться не может.

Жанна пометила это обстоятельство, потом обозначила свой гонорар, не такой уж и обильный, объяснила ход дальнейших действий и торопливо отбыла. Князев понаблюдал за ней из окна четвёртого этажа, посмотрел, как Жанна закурила и прохаживалась около подъезда, кого-то ожидая, а ожидала она, как оказалось, такси. И подумал: «Ну, если разезжает на такси, то неплохо живёт!»

Князев предложил Борису перекусить, попить чаю, но он, наскоро попрощавшись с ним и Антоном, заторопился на выход и вскоре уже шагал на другую сторону заснеженного бульвара к своей «Газели».

Проводив гостей, Сан Саныч поговорил с сыном, обговаривая отдельные моменты предстоящей сделки, и ушёл к себе в комнату, потому что сын закурил: пусть и у открытого окна, но и малая толика табачного дыма Князева всегда раздражала. Дым в квартире чувствовался постоянно, но всё-таки не дым сейчас был в мыслях, а ощущение необычности. До завершения сделки было далеко, но всё равно начало было положено, вскоре он избавится от одной проблемы, которая угнетала в последнее время, и проблему эту, как ни странно, создавали деньги. В последние годы, когда возросло и держалось, не спадая, политическое напряжение, он переживал за них, уж очень становилось тревожно даже от мысли, что они могут «сгореть», именно тогда Князев договорился о вступлении в жилищный кооператив, под который отдавали одну из «сталинок», где потом предстояло сделать капитальный ремонт собственными силами. По деньгам это выходило вполне подъёмно даже с учётом взяточки, и Князев согласился, давно усвоив народную истину: «Не подмажешь, не поедешь». И уж были собраны необходимые документы, оставалось заплатить деньги, но вдруг всё замедлилось и отложилось до лучших времён, потому что шёл 1991 год, и стало известно, что «его» сталинку перекупила какая-то коммерческая структура. А через несколько месяцев деньги обесценились, когда с января 1992 года их отпустили в рыночное плавание. И как это пережить, почти имея собственную квартиру... И вот через тридцать лет история в чём-то повторялась, но теперь, наученный опытом, он очень хотел уберечь деньги от любой случайности. И было неважно, что он их отрывал от себя, главное, чтобы они не испарились, а кто воспользуется его долями: сын ли, внук ли — ему было всё равно, потому что, придёт время, и они ими воспользуются так и так. Надо лишь довести дело до конца и вздохнуть свободно, не чувствуя в себе постоянной заботы.

Забота эта очень в последние годы давила. Если деньги не лежали на депозите, он остерегался уезжать далеко от дома,

словно насадка, боялся оставить «кладку» беспризорной, а в последний год, когда создалась тревожная неопределённость с началом спецоперации на Украине, это так и происходило. Теперь же всё изменится, теперь он не будет рваться домой из поездки за город, начнёт летом посещать знакомых дачников. Теперь надо лишь придерживаться обозначенного риэлтором плана. И первым пунктом в нём стояло получение запросов, в которых члены условной семьи заявят о своём согласии на сделку, чтобы снять эту формальность с повестки. Но даже и согласия, как оказалось, мало, и до него ещё необходимо пройти некий путь, выразившийся в официальном, на уровне Росреестра, «выделением» долей, которые по договору о приватизации оказались не выделенными. В общем, они как бы есть, но каждый из четырёх членов семьи ими не может распоряжаться, необходима процедура «выделения» одной четвёртой доли, само собой вроде бы напрашивающейся из договора, в котором, как оказалось, это не было прописано. И теперь необходимо письменно подтвердить, что каждый член их раздёрганной семьи имеет право распоряжаться частью квартиры, хотя опять же это лишь останется на бумаге, да и трудно как-то разделить три комнаты, прихожую, кухню на четверых, не говоря уж о более мелких помещениях.

Они ожидали помощи от Жанны, и она вроде бы даже назначила через неделю дату сделки у нотариуса, но в последний момент дала задний ход, поняла, сколько придётся провозиться с выделением долей, и начала «тянуть резину», а то и вовсе не выходить на связь, а если снимала трубку, то говорила, что у неё сделка, и обещала позвонить позже, но не звонила. И было непонятно, почему ей, профессионалу, сразу, при первом знакомстве с документами не удалось заметить и понять очевидную казуистику. И тогда Сан Саных отмахнулся от неё, понимая, что честности от этого человека не дожидаться. А ведь, казалось бы, чего проще: объясни ситуацию, попроси увеличить гонорар, если уж на то пошло, но её, видимо, более устраивало виляние хвостом. Да и чего стараться, если сделка пустячная по цене, тем более отягощённая привходящими обстоятельствами, а забот столько же, как с полноценной квартирой. А зачем, спрашивается, бралась, почему пропустила неопределённость в договоре о приватизации? И тогда, устав на кого-то надеяться, да и коллекторы опять же подстегнули, Князев отправился в МФЦ и попросил помощи. Оказалось, это достаточно просто: надо лишь собрать заявления с каждого зарегистрированного в квартире и лично явиться в присутствии для подачи необходимой бумаги. Лишь одна закавыка в виде инсультной бывшей жены

Князева заставила поволноваться, но вместе с заявлением и её подписью представили и копию её справки инвалида первой группы. Поэтому её личное отсутствие допускалось. При этом уточнили её состояние, дееспособность. С последним проблем не было: она могла говорить, понимала суть происходящего и когда подписывала заявление, то прослезилась... Она не объяснила причину слёз, но они и без того были понятны, потому что она знала о почти миллионном долге старшего сына. Документы приняли, но с оговоркой: мол, всякое может быть. И если не завернут, то свяжутся, и тогда понадобится общее соглашение. К радости сторон, связались, попросили подвести в МФЦ совместное соглашение о выделение долей в натуре. Только тогда через неделю Сан Санычу пришла эсэмэска из Росреестра: «Услуга оказана». Что, собственно, и требовалось. Теперь Борису осталось сняться с регистрации по-старому адресу и прописаться у жены, и тогда можно идти к нотариусу оформлять сделку купли-продажи, прибавив справку об отсутствии задолженности по квартплате у продавца. Вот такая с виду канитель, но когда она преодолена, то уж и не казалась канителью. Главное, сохранять спокойствие и всё делать по порядку.

Все действия Князев старательно запоминал, делал это преднамеренно, чтобы со временем всё рассказать внуку. Уж неясно, нужны ли тому подобные знания, но он поступит так, как ему хотелось, и заставит Дениса выслушать, если тот по привычке начнёт уклоняться от разговора, по своему обычаю, неприятному для Сан Саныча. Он расскажет, что решил завещать полквартиры на него, а не надеяться на сына, которому они должны отойти по праву. И он не лишает сына наследства, а лишь временно условно передаёт жилплощадь в более надёжные руки, случись форсмажор. Князев решил рассказать внуку всё как есть и надеялся, что это знание ему пригодится: не бросать же отца без надзора, если тот иногда не способен отдавать отчёт своим поступкам. Обидно, конечно, от всего этого, но это так. И пусть уж будет хотя бы какое-то решение, чем никакого, а уж пригодится ли оно внуку — всё будет зависеть от самого Дениса. И чем больше у него будет подобных знаний, тем меньше в будущем ему придётся нагружаться бестолковой суетой, и пусть её будет у него как можно меньше. Ему нет и тридцати, время для учёбы есть, поэтому пусть учится, несмотря на то, чему его учили в университете. Дополнительное знание жизни не помешают. И если останутся в памяти у него ключевые 10—15 процентов беседы, то и этого немало. А то у нас нет любопытства вникнуть в житейские тонкости, и привыкли мы решать сложно-

сти по мере их поступления. А ведь предварительное знание того или иного обстоятельства ускоряют любое дело, сокращают трату времени и нервов.

С сыном Князев на эти тему говорить не собирался, зная, что это бесполезно.

Месть у наледи

Она пришла, откуда Сан Саныч не ждал. В недавние годы он приучил себя ужинать в одно время — в половине седьмого. Именно так советуют врачи, да и чтобы с сыном не толкаться на кухне, когда тот приходил с работы уставший, злой и почти всегда с пивом. Поэтому приходилось делить пространство. А так сходил, прогулялся, тем более в конце марта морозы отступили, дышать легче стало, ополоснулся в душе, пообщался в сети с сибирским товарищем Вячеславом — и свободен до десяти вечера. Ложиться спать Сан Саныч тоже старался в одно время, если, конечно, сын не колобродит. И так уж у старшего Князева сложилось, что будто бы в нём срабатывал невидимый будильник, заставлявший жить по его прихоти.

Зимой Князев ходил гулять в парк с тростью, боясь оскользнуться и грохнуться со своего немалого роста. Хотя нога и побаливала из-за «шпоры», но боль была терпимой, а если пройдёшься и разомнёшь, то и вовсе почти забывал о ней. Опасней было, когда вырастала наледь, опоясавшая в низинке центральную прогулочную аллею. Аллея хотя и была натоптана, но всё равно всякий год до весны не могла избавиться от наледи. Когда-то, благоустраивая парк на месте деревни, видимо, засыпали небольшой родник, лишив его свободы, и он всякий год, особенно зимой, напоминал о себе, будто мстил. Даже хотели на этом месте построить мосток, но тогда были бы трудности с уборочной техникой, расчищавшей дорожку, поэтому это дело откладывали, и местные злые языки поговаривали:

— Чиновники ждут потепления климата, обещают, что родник сам по себе усохнет.

— Им и без того хватает забот — каждый год менять бордюры и стелить новый асфальт на нашей улице.

Имелась в виду проезжая часть улицы, отделявшей жилые дома от парка. На ней, действительно, почему-то почти каждый год вели дорожные работы, будто она была частью очень важной трассы. А может, потому что движение на ней слабое — так сподручней дорожникам. В общем, хочешь не хочешь, к постоянному благоустройству почти привыкли, оно

почти не мешало и длилось две-три недели. С ним мирились, а вот мириться с наледью не хотелось. При желании можно ограничить прогулку до наледи. Но тогда нарушался привычный маршрут, на душе создавалось обидное стеснение, превращавшее наледь в запретный плод. В основном из-за наледи Князев брал массивную трость собственного изготовления с набалдашником в виде головы глухаря. С тростью Сан Саньч чувствовал себя увереннее; о хулиганах он никогда не думал, тем более когда провели освещение на центральной аллее. После этого даже слухи прекратились о каких-то «чп». Да, собственно, никто к нему никогда не проявлял «внимания» — здоровенному и глыбастому, когда-то служившему в спецназе. Посторонним, конечно, не дано знать об этом, но его собственное знание придавало ему внутреннее и внешнее ощущение неприступности. Он так и ходил, одинокий, пугая габаритами случайных людей; те же из них, кто примелькался, даже в приветствии кланялись ему, кланялся и он в ответ уважительно.

В день, когда это всё-таки случилось, погода испортилась, к концу дня повалил мокрый снег, какой часто случается в начале весны, потом он маленько поредел, выпадал мелкими редкими каплями, и Князев вышел на прогулку почти в привычное время. Из-за неудобного снега он шёл в этот день по аллее совсем одинокий. Мысли роились о сыне, о предстоящей затянувшейся квартирной сделке с жильём. Мыслей было много, они перескакивали одна на другую, отвлекали на себя внимание, и не было им укорота.

У почти исчезнувшей наледи его негромко окликнули:

— Дядя, не спеши. Разговор есть... — и он увидел вышедших из кустов двух парней: в кроссовках, джинсах, тёмных куртках, носы горбато выглядывали из глубоких капюшонов толстовок. Князев остановился, молчал, ждал их дальнейших действий. — Помнишь, ментов вызывал, папаша... О сынке своём заботился?

Он, конечно, сразу вспомнил, когда некие тёмные личности приносили сыну среди ночи водку без чека, без указания фирмы — скорее всего контрафакт, и он, спасая Антона, не стал это терпеть. Князев понял, что услышанные слова — это серьёзно, но произнесены они были дрожащим голосом, и слишком их было много. Заметив боковым зрением, что один из парней, что поменьше ростом, заходит сзади, Сан Саньч, перехватив трость, почти без замаха и с разворота перетянул его по горбу «глухарём»... Пока «говорун» ничего не успел сообразить, резко повернувшись, коротким движением трости Князев саданул рукоятью ему в кадык, от чего тот зашёл-

ся в кашле, схватился за горло и повалился на прошлогоднюю листву... В мгновение вновь повернулся к нападавшему, заходившему сзади, и тот, лишь увидев повторно замахнувшегося Князева, обхватив голову, нырнул в кусты... Всего лишь три резких замаха сбили дыхание Сан Санычу, он хватал раскрытым ртом воздух и не мог глубоко вздохнуть. Чуть отдышавшись, шагнул к лежавшему на обочине аллеи и прижал его наконечником трости, как вилами, к земле, свирепо просипел:

— Ещё раз появитесь здесь, сучьи потроха, на перо посажу... Обоих завалю. Мне терять нечего!

Парень отвернулся, а Сан Саныч, ничего более не сказав — да и зачем? — пошёл по аллее домой, почувствовав себя крайне уставшим. Вскоре услышал за спиной шелест листьев под ногами второго убежавшего. Усмехнулся: «Эх, молодёжь-молодёжь! Со стариком схлестнулись и обгадились!» Он не знал, наблюдают ли они из кустов, но уши держал остро, прислушиваясь ко всему, что творилось сзади, и не позволил себе оглянуться. Лишь в подъезд входил осторожно, осматривая каждый тёмный угол и прислушиваясь к возможным шагам на лестнице. Геройство — это хорошо, но осмотрительность в его возрасте более уместна. Это в молодости, когда работал в такси, ходил на нож с голыми руками да ощущал холодок и остроту металла, которым ему тыкали в шею обкуренные азиаты. И где? У входа в гостиницу «Москва» — в самом центре столицы. Сказать кому — не поверят, если около входа всегда вышагивал туда-сюда постовой милиционер, именно в тот момент куда-то запропастившийся. Так что Сан Саныч знал и помнил, когда нужно проявить геройство, а когда агрессию необходимо свести на нет или направить против самих угрожавших. А как? Тут общего рецепта нет — в каждом отдельном случае он свой, отдельно прописанный накопленным опытом.

На следующий день, хотя внутренне не хотел, но, переломив себя, он вновь отправился на прогулку в обычное время, даже самому себе не позволил струсить. К тому же он предполагал, что они не отважатся нападать повторно, но всё равно ножик острый прихватил. Ну и трость, конечно, выполненную из клёна, на удивление крепкого, взял по привычке, хотя потеплело и наледь растаяла. Но что из того: разве можно отказываться от друга-«глухаря», вчера так вовремя выручившего. Не обращая внимания на ломившее плечо, сорванное накануне от резких замахов, проходя место вчерашней схватки, Князев, широко размахивая тростью, словно говорил, что начеку и готов на любую ответку. Ничего для

себя интересного не обнаружив, он временно всё же перестал ходить на прогулку, предполагая, что нападавшие пришли в себя, «зализали» раны, и теперь, возможно, обдумывают вариант «б», если они вообще на это способны. Чьё-то задание выполнили, припугнули, как они думают, ничего особенно не получилось, а далее разжигать вражду — не тот случай, чтобы сильно светиться. Ведь, нужно будет, сейчас найдут любого-каждого, особенно в городе, через камеры, смартфоны. И хорошо, если кто-то это понимает.

Но недолго Князев томился дома, лишь днём прогуливаясь до магазинов. Через неделю вновь вышел на прогулку в парк, но без трости, зато запасшись отвёрткой: узкой, острой и очень опасной даже для самого себя.

Круговерть

Мало-помалу эта история забылась, а после подтверждения соглашения на разделение долей открылась скорая перспектива завершения сделки. Но не к стати оказалось, что Борис с женой и дочерью собрался в Астрахань на рыбалку. И это в то время, когда сделка была нужна более всего ему. Князев сказал об этом, потому что не хотелось затягивания дела, а мечталось побыстрее сбросить с себя налипшие проблемы и жить спокойно:

— И что, нельзя отложить поездку?

— Нельзя, потому что я оплатил путёвку ещё зимой!

— Не самое подходящее время для неё.

— Отказался бы, но теперь, когда осталось всего ничего, уплаченные деньги «сгорят». Так что надо ехать. Я даже у тётки занял немного на поездку.

— Да, Борис, тебя трудно понять... Как, имея миллионный долг, что-то планировать, тем более на занятые деньги? И что, тебя в семье одёрнуть некому?! Или у вас все такие, или всё всем безразлично? Ну, пойми, нельзя же так жить. В конце концов, это просто глупо!

— Мы каждый год ездим в Астрахань.

— Но теперь-то зачем это вам? Нужно ли ехать за десятком карасей за полторы тысячи километров, не лучше ли пойти и купить приличной рыбы... И только не говори мне о романтике — всё это допустимо в иных обстоятельствах. Ведь ты и у меня успел занять сто сорок тысяч, когда тебя припёрли риэлторы... А тебе не приходило в голову, что я могу отказаться от сделки. Что тогда станешь делать?

Он промолчал, а Сан Саныч действительно махнул рукой, даже разговаривая по телефону:

— Езжайте, конечно, если собралось. Приедешь — свяжись...

От этого разговора Князев вновь разволновался, разболелась голова, сердце расшаталось. Он напился лекарств и решил сходить в парк до ужина, чтобы успокоиться. Благо нужно-то перейти дорогу и сразу окажешься среди распускающихся берёзок, легко откликнувшихся на неожиданную волну тепла в середине апреля. Он прошёлся по аллее, устав, присел на скамеечку около стола для пин-понга, гнал от себя недавний разговор, но он не очень-то спешил расставаться с ним: напоминал и напоминал о себе, словно был главным в жизни. Немного погодя у стола начали собираться игроки. Всех их он знал, почти все они были пенсионерами и на вид казались беззаботными детьми. От их жизнерадостности ему казалось, что они живут в необычно счастливом царстве, где нет места унынию, житейских неприятностей. Так, конечно, не бывает. У всех время от времени они случаются, но всё дело в том, какова глубина забот и волнений, ведь рассудительный человек просто не доводит любую ситуацию до крайности, вовремя решает возникшие проблемы и тем самым не отягощает свою жизнь. «У нас так не получается» — вздохнул Князев и, вспомнив, что захватил горсть арахиса, отправился кормить белок; день сегодня тихий, на удивление солнечный — то, что любят они. Раздав орехи, посмотрев на игривых и непоседливых зверьков, Сан Саныч немного отвлёкся, успокоился и возвращался домой с иным настроением: расслабленным и даже сонным. Вернувшись, поужинал, прилёг отдохнуть и заснул, а проснулся иным человеком, подумал: «Ласты пока рано склеивать! Надо жить!» И по-иному посмотрел на всё, что его окружало — привычное и надоевшее.

Две недели он жил более или менее спокойно, находясь в режиме ожидания, понимая, что от него в данной ситуации ничего не зависит, тем более что дело продвигается. Он знал, что Борис будет путешествовать до начала мая. Это так и произошло, если он позвонил после Первомая:

— Сегодня можно пойти к нотариусу..

Сан Саныч предугадывал, что он именно так и скажет, почему-то считая, что во всём должна быть его правда. «Нет, милоч, — подумал Князев, — не всё тебе масть. У нас тоже есть гордость!» Вслух же сказал:

— Всё-таки тебе необходимо выписаться и прописаться по другому адресу. Думаю, жена не будет возражать?

— Она-то не будет, да в МФЦ ходу не дадут, когда узнают, что у нас большая задолженность по квартплате. Поэтому я временно пропишусь у тётки.

— Господи, неужели, живя в коммуналке, тяжело заплатить за комнату? Вы что-то, ребята, совсем с колёс съехали, дедом и бабушкой давно стали, а какой пример подаёте детям, пусть и живущим отдельно?! Так что прописывайся, а я пока приготовлю справку со своей стороны. У нас-то с этим всё в порядке.

Сан Санычу, конечно, хотелось поскорее разделаться с этой тягомотиной, но всё-таки капризное коварство заполнило душу маленькой мстью за чужую расхлябанность и необязательность. Понятно, ничему этот случай Бориса не научит, если уж он наполовину седой, но всё равно хоть какая-то правильная мысль наведит его суетную натуру. И надо было видеть, каким он выглядел недовольным, когда и после майских праздников сделку не завершили, а в нотариальной конторе лишь забрали документы и записали на приём для совершения сделки лишь на следующий понедельник.

И вот они встретились у нотариуса, и все документы были готовы. Им лишь осталось получить разъяснения, ответить на наводящие вопросы после повторного опроса и поставить подписи. Наконец-то Борис получил долгожданные четыре пачки купюр, за вычетом ранее занимаемых в долг денег, и они покинули сие присутствие, рассчитавшись за нотариальные действия. Князев думал, что Борис поедет домой на своей «Газели», но, оказалось, что он сегодня пешеход, у его машины почти разлетелась коробка ещё по возвращении из Астрахани, и последние пятьсот километров «рыбакам» пришлось ехать на четвёртой скорости из-за отсутствия всех остальных, благо ехали глубокой ночью...

Они окончательно рассчитались между собой за издержки оформления, которые оплачивал Князев, Борис вызвал такси и, придерживая в ветровке топорщившиеся пачки, уселся, как и советовал Князев, на заднее сиденье; сам же Князев, как и обещал, незаметно записал на всякий случай номер таксомотора. Всё-таки, хотя Борис ему не родной и, в общем-то, никто, но всё равно забота о нём не оставляла. И очень было бы обидно, если вдруг каким-то невероятным образом деньги, его деньги, вдруг улетучатся в неизвестном направлении. Князев даже хотел попросить его отзвониться, когда доберётся до тётки, как если бы провожал родного сына, что, мол, всё в порядке, добрался без происшествий. Собирался попросить, но не попросил, заранее зная, что теперь он и его семья отдалятся навсегда.

Вернувшись домой, Сан Саныч на радостях от сделки выпил рюмашку и не спеша пообедал, зная, впрочем, что до конца дело не сделано, если предстояло решить вопрос с оп-

ределением наследника своих долей. И выбирать надо будет между сыном и внуком. Поэтому необходимо поговорить с сыном, чтобы не ставить его перед фактом, а мягко подвести к необходимости завещания на внука. Но это было и тяжелее всего сделать, хотя сын вышел на работу после отгулов и большого лишь в середине мая, а до этого продолжал пьянствовать, совершая бестолковые, а порою просто глупые ошибки, не красившие его. И Сан Саныч всё это переживал в очередной раз, понимая, что он не последний. Поэтому и приходилось выбирать между родством и благоразумием. Пока Князев был в плену у благоразумия. Но время терпело, чтобы определиться, потому что окончательная выписка из Росреестра придёт в МФЦ через несколько дней. Вот тогда, получив на руки распечатку с указанием объединённой доли, можно будет думать о завещании.

Когда сбываются мечты

С самого начала событий Борис Гусаков даже не мечтал о таком развитии событий, но, когда они начались, не мог поверить, что всё может завершиться получением крупной суммы, которая спасёт от больших неприятностей. Он, конечно, помнил, что у него есть доля в квартире, но как её продать, как вычленив из общей площади. Конечно, путь был — затеять продажу доли постороннему лицу, но тогда придётся сперва предложить купить другим зарегистрированным в квартире жильцам: брату, отчиму, а самое главное больной матери. С ней-то как обойтись? Пусть она выхаживается у сестры, но и с тёткой в любой момент может что-нибудь случиться, и как тогда быть?! Вычеркнуть мать из сердца, отдать на растерзание новым жильцам, потому что скорее всего подобную долю выкупит мигрант, и не один, и будет всячески выживать. А то и того хуже, если нарвёшься на «специалистов» по выдавливанию из квартиры законных, но им не нужных жильцов, предложив им выкупить их доли за копейки. И что тогда делать? И он не знал, как выпутаться из всей этой истории, и возможно ли это.

В тот момент, когда он совсем запутался с долгами, появился на горизонте отчим и предложил купить его долю. За отца Гусаков никогда не считал Сан Саныча, мало с ним знался, даже в дни рождения не звонил и вообще считал его в семье чуждым элементом. И теперь не понимал, как поступить: то ли верить ему, то ли пропустить его предложение как ничтожное и даже обидное в своей невыполнимости; ведь вполне вероятно, что он отдаст лишь часть денег, а с осталь-

ными будет тянуть и тянуть бесконечно. Если здраво рассудить, откуда у пенсионера такие деньги, он их что, рисует по ночам? Тем не менее, сразу от предложения отказываться не стал, сказал неопределённо:

— Надо обдумать предложение.

— Обдумай... В твоих интересах не затягивать с ответом.

Борис позвонил Сан Санычу в тот же день:

— Если ты решил всерьёз заняться делом, мы с женой согласны с предложением, если это не шутка.

— Чего шутить, когда клерки из банков да твои любимые коллекторы замучили притязаниями. Спрашивать надо с тебя, а терпилой почему-то становлюсь я. Как тебе такой расклад? Никогда об этом не задумывался? Нет? А надо бы! В общем, у моей племянницы есть знакомый риэлтор, уж не знаю, какая она специалист, но с чего-то начинать надо. Так что сегодня, сейчас позвоню ей, а там будет видно, что она скажет.

«Дед», как называл Князева Борис, позвонил, и тут появилась неповторимая Жанна. Толку от неё в конечном итоге не дождалось, но хотя бы с чего-то надо было начинать. Начали и прошли достаточно долгий путь, прежде чем Князев и Борис составили договор о купле-продаже, но уже отказавшись от Жанны, и очень потом между собой отзывались о ней нелестно, хотя, казалось бы, чего проще: иди в МФЦ, и там всё объяснят и расскажут бесплатно.

И вот теперь, считая себя самым счастливым человеком на свете, Борис ехал на Зеленоградскую улицу, по пути позвонил в мастерскую, договорился о ремонте коробки передач у «Газели» или замене на бэушную, и, если это потребуются, то сегодня же договорится с кем-нибудь и притащит машину в ремонт. Но оказалось, что сегодня его принять не могли, попросили приехать завтра утром. Завтра так завтра, ему даже лучше — сегодня же отметит состоявшуюся сделку. Оставив половину денег у тётки, всё же пересчитав их для спокойствия, он опять же на такси (к комфорту быстро выкаешь) поехал домой на «Динамо».

У жены, кассира в сетевом магазине, в этот день был выходной, она вместе с мужем пересчитала вторую часть денег, убедилась, что все они целы, и стала собираться в магазин за продуктами.

— Погоди, — остановил её Борис. — Я сам схожу, а ты пока почишь картошку.

— Как хочешь, — согласилась Лена. — Только долго не ходи и нигде не задерживайся. — Лена хотя и была немного старше Бориса, но выглядела вполне сносно для своих лет,

привлекала и удивляла девичьей фигурой и выглядела молодо-жаво, всегда казалось, что именно Борис старше её.

— Я мигом...

— Купи, чего повкуснее...

— Само собой...

Он взял с собой десять тысяч, а когда жена удивлённо спросила: мол, зачем берёшь столько денег, он лихо отговорился:

— Хочу богачом почувствовать себя и ни в чём не отказывать.

В ближайшем «Перекрёстке» он купил коньяку (две), семгу, икру, дорогую колбасу, бананов, винограда, из овощей помидорчиков-огурчиков, перец красный, баклажку пива — под завязку загрузился. Во дворе своего дома увидел знакомых мужиков, тоскливо куривших на лавочке у подъезда. Борис с ними частенько выпивал. Не смог и в этот раз пройтись, предложил, похвалившись:

— Желаете? — и показал горлышко от бутылки.

— Угощаешь?

— А то!

— Подкалымил хорошо?

— Не, долг отдали. А машина на приколе, завтра в ремонт погону.

Они отпили по глотку из горлышка, разломил на троих огурец. У одного мужичка нашёлся ножик, он порезал колбасу, удивился, понюхав ломтик:

— Неплохо у нас кое-кто живёт!

Ещё по разу приложились. Хотели закурить, но Борис, не курил и предложил:

— Давайте ещё по одной, и тогда закурите, а я пойду домой.

После первой бутылки очень быстро все захмелели, прямо на скамейке порезали кусок сёмги. И всё бы хорошо, но из окна первого этажа выглянула старушка и выговорила им:

— Как не стыдно — расшумелись на весь Бутырский Хутор, совсем совесть потеряли... Борис, чего ты поишь этих пьянчужек?!

— Ладно, ладно, баб Ань... Покурят мужики и разбежимся. Ты меня знаешь!

Если бы окна квартиры Бориса выходили во двор, то Лена давно заметила бы выпивох, а тут ждала-ждала, уж картошка вся переварилась, а мужа всё нет и нет. Накинула куртку, вышла во двор, а там Борис с мужиками из соседнего дома обнимается — никак расстаться не может. Увидев Лену, Борис всколыхнулся:

— Всё, мужики, за мной жена пришла!

Выпивохи быстро растворились за углом, а супруги собрали оставшиеся продукты в пакеты и отправились домой. Настроение, конечно, у Лены испортилось, но осталось полбутылки коньяка, кое-какая закуска, она помыла овощи и фрукты, порезала колбасу и положила на тарелку остывшее пюре. Борис налил коньяку жене, хотел и себе налить рюмку, но Лена отняла бутылку:

— Ты своё выпил, это мне осталось, а тебе — пиво.

Потом, когда она выпила и слегка закусила, всё-таки налила полрюмки мужу, подсела к нему, обняла:

— Всё-таки ты молодец у меня... Такое дело провернул.

Когда они допили бутылку, Лена включила чайник, пока он закипал, спросила:

— Сколько денег потратил?

— Пятёркой обошёлся...

Лена поднялась, ощупала карманы ветровки мужа, но денег не обнаружила, спросила, готовая разорвать его, сверкнув тёмными глазами:

— Ну и где «бабки»? Небось перед мужиками похвалился, сволочь ты грёбаная!

— В кармане боковом пятёрка оставалась, и сдача была. Лучше надо смотреть!

Он нехотя поднялся из-за стола, порылся в карманах куртки, карманы брюк вывернул — денег не было, лишь несколько сотен и мелочь зазвенела, сквозь пальцы упав на пол. Борис не знал, что сказать, да Лена ничего более и не спрашивала. Она подошла к нему и молча влепила пощёчину, а он вспомнил, как обнимался с мужиками на прощание — вот и дообнимался.

На следующий день Гусаков не погнал машину в ремонт, а нашёл одного из вчерашних собутыльников, который, когда вчера прощались, особенно усердно обнимал его и умыкнул из внутреннего кармана ветровки пятитысячную, и со всей злостью, какая была в тот момент, сшиб его с ног ударом в челюсть. Более ничего Борис не добился, деньги ему никто не вернул, и машину он отдал в ремонт лишь через неделю.

В плену раздумий

Хорошо иметь в собственности полквартиры, но это обстоятельство совсем не радовало Сан Саныча. Ему было бы проще вообще не сталкиваться с этой загвоздкой, потому что из полквартиры суп не сварить, на хлеб не намажешь — и всё, что можно хоть как-то это понять и воспринять, это записать в выписке. А ведь он потраченные на выкуп доли день-

ги мог бы израсходовать на путешествия, на правильное питание, на что-то ещё... На что именно, Князев даже не мог предположить. Мотаться в путешествиях ему не хотелось, если он стал трудно переносить переезды, автобусные экскурсии, плохо спал в чужих местах. В общем, радости подобные вещи ему не приносили. И одежда ему особенно не нужна. Одеться-обуться было во что — куда больше-то. И питание у него в последние годы изменилось: мясо нежирное и немного, рыбка — красная. В основном нажимал на каши и фрукты с овощами, «молочку» любил, но не злоупотреблял ею, потому что молоко, например, не скисалось по неделе, а если и свернётся, то только на выброс. Но опять же: много ли всего этого надо, когда постоянно приходилось следить за весом, после шести-семи не есть, а на ночь — глоток молока или кефира. Всё это скучно, но что делать, если подобные ограничения не пришли сами собой, а были подсказаны жизнью, когда не хотелось поддаваться болячкам, плохому настроению и усталости. Вопрос сложный, индивидуальный — с самим-то собой не сразу разберёшься, а тут приходилось напрягать голову другими заботами, словно и заняться больше нечем.

Всё-таки с появлением некоторого облегчения в мыслях после сделки он продолжил ходить в парк и, устроившись на скамеечке у стола для пинг-понга, брал «замороженную» подделку и потихоньку-помаленьку шлифовал её, доводя до ума. И ведь радость какая на душе, когда ощущаешь в руках тёплое от шлифовки дерево. Правда, и руки устают, потом болят в суставах, отекают по ночам. Но через день-другой боль уходит — и вновь за дело. И так без конца: и сейчас, и в будущем.

Какое-то время, занимаясь резьбой, он обдумывал поведение сына, настраивая себя на решительное действие, хотя так не должно быть — нехорошо это, неуважительно и бесчувственно. Получалось, что он мстил сыну за его поведение, а мстить не хотелось. Князев всего лишь собирался поступить благо-разумно, как поступил с выкупом доли, потому что на сына не имелось особой надежды. Когда он загуливал, то становился почти неадекватным, будто не сознание руководило им, а некий вертлявый бес, вселявшийся в это время в его мозг и подававший команды. Последний поступок Антона просто вывел его из себя... Пришёл тот с улицы с очередной чекушкой в кармане, а в руке — веточка сирени, которую нёс неожиданно бережно. И всё бы ничего, но случайно услышанный Князевым разговор сына по телефону, сперва ожёг неадекватностью, а потом, когда были осмыслены подробности телефонного разговора, подсёк все оставшиеся разумные чувства в Сан Саныче. И было от чего. Поговорив с диспетчером, сын выз-

вал такси, и ладно бы куда-то сам собрался съездить, например, к матери, а то нагружил заданием таксиста — отвезти веточку сирени в центр Москвы и вручить от его имени Евгению! Что это? Безумство? Любовь невозможная и непонятная, если поглядеть со стороны? Или обыкновенное безрассудство, которое нагружило его мыслью о некоем благородстве и признании в любви, смахивавшим на обыкновенное мальчишество, более похожее на издевательство, которое вполне могло ввести Евгению в неловкое и обидное состояние.

Когда из окна Сан Саныч увидел, как сын вышел к такси, как передал таксисту веточку сирени в пакете, то убедился в том, что всё правильно понял, точно определил состояние сына как сумасшествие. Даже представил, как Евгения выходит из дверей своего учреждения, как подходит к такси, принимает от водителя жалкий пакетик, а после, дождавшись отъезда таксомотора, выбрасывает эту веточку в первую попавшуюся урну, ибо невозможно с таким «букетом» появиться перед сослуживицами и как-то объяснить происхождение успевшей завянуть веточки... Князев, будь на месте Евгении, поступил бы именно так. С этого момента Сан Санычу вообще ни о чём не хотелось говорить с сыном. Ну, совсем. Он теперь будто не существовал, потому что сделалось нестерпимо обидно за себя, собиравшего «смертные» деньги, без которых теперь остался, а сын, вместо то, чтобы задуматься и взять расходы отца на себя, рассылает гонцов-таксистов по Москве, исполняя дурацкую прихоть. Да, с какой-то стороны, это, может, и благородно, но было бы благороднее, если бы он не пил, а на свидании или при встрече подарил настоящий букет. Ведь что ни говори, а уважение никто не отменял, да и девушке будет приятно вдохнуть запах цветов, а не получать веточку из потных рук незнакомого таксиста.

Этот поступок сына лишь усилил решимость его отца, и тот окончательно определился: «Завещание составлю только на внука, и пусть потом Антон обижается сколько угодно! В конце концов завещание всегда можно переписать, главное, чтобы Антон вёл себя по-человечески».

Определившись с завещанием, Сан Саныч созвонился со сватьей Марией Ивановной и сообщил, что вскоре он привезёт нотариально заверенное завещание, которое собирается составить на внука.

— По-моему, ему не трудно будет взять опеку над отцом и правильно вести его дела, когда понадобится. А уж кто будет настоящим наследником — они потом разберутся, если будут достойные и уважительные отношения и «квартирный» вопрос их не испортит, — сказал Сан Саныч.

Сказать-то сказал, а на душе всё-таки сделалось неприятно, словно завещанием он подкладывал свинью — и одному, и другому. Но выбора теперь не было, и он сказал то, что хотел сказать и о чём предупредить. Так что совесть у него чиста, кто бы что ни говорил.

В этот вечер он отправился гулять ранее обычного из-за прошедшего тепла. Захотелось подышать в парке цветочным ароматом, посмотреть на счастливые лица гулявших с родителями детей. И вообще наступило самое прекрасное время, когда не холодно и не излишне жарко, когда вокруг цветёт сирень, когда поют птицы и природа, казалось, любит себя самой. От воспоминаний он пребывал в сладкой дрёме, виделись родные Калитники, Новоконная площадь, их «серый» четырёхэтажный дом от первой автобазы, где у них была комната. Много чего вспомнилось из юности, а более всего один случай, когда он, пятнадцатилетний, собрался с одноклассницей в кинотеатр «Победа» на Крестьянской заставе и с невообразимым стеснением подарил Нине букетик сирени, не сказав, конечно, что надрал сирень на Калитниковском кладбище. После того похода он долго дружил с ней, она провожала в армию, но не дождалась. Он же после армии с досады женился на случайной разведёнке, познакомившись с ней в весёлой компании, и она затащила его в первый же вечер в постель и как телка водила потом за собой на «верёвочке». Закончилась тогда его юношеская жизнь.

Много ещё чего вспомнилось: футбол на пустыре и хоккей на льду пруда; Птичий рынок, где, пацанами, пытались продавать бродячих собак, выдавая их за породистых; как гоняли голубей и пробирались на кладбище за сиренью, чтобы продать цветы на Таганке у метро, где их шугала милиция. И, конечно, стычки с хохловскими после того, когда кто-то оказывался на «чужой» территории, и, не дай бог, провожал девчонку. Тогда непременно объявлялась «война», дрались часто, но честно, хотя почти все ходили с ножами, а носили их для вида. Жили бедно, но дружно, не то что сейчас — вздыхав, подумал Сан Саныч и отправился домой.

Корявая ситуация

Ответ из Росреестра на телефон пришёл раньше ожидаемого. Князев, получив в МФЦ распечатку, сразу отправился к нотариусу. Когда обговаривал составление текста, то спросил:

— Следует ли указывать, что завещание составляется на внука?

— Это необязательно, — ответила та же самая нотариус, готовившая сделку купли-продажи: светловолосая, сосредоточенная и пугливая одновременно, словно случайно попавшая в контору. — Если указать родство, то потом внук будет долго доказывать, возможно и в суде, кто он есть... Вот такая казуистика. Достаточно указать ФИО и дату рождения. Даже паспортные данные не указываются, потому что паспорт он может поменять.

— Ну, раз так принято... — развёл Князев руками.

Через десять минут, заплатив две с половиной тысячи, оставив копию завещания в конторе, он вышел и поехал на трамвае домой. Пока ехал, понял, что пришло время для разговора с сыном. Он просто обязан с ним поговорить и объяснить своё решение — без этого никак, потому что тайно обстряпать за его спиной завещание и ничего не сказать — это не уважать себя как отца. К тому же сын вторую неделю не выпивал, аккуратно ходил на работу, казался тихим, слегка угрюмым — он словно сожалел о недавнем буйстве, хотел теперь это исправить и, видимо, не знал, как это сделать, чтобы найти понимание отца. Будь Сан Саныч на его месте, давно бы попросил прощения, пообещал, что в будущем будет вести себя достойно. И пусть подобное обещание будет, скорее всего, не последним, всё равно какая-то толика тяжести с души снялась бы; с обеих душ. Нет, пока, видимо, сын не был к этому готов, с отцом почти не разговаривал, особенно когда через день приезжал после работы с Евгенией. В такие вечера Князев старался им не мешать, уединялся в своей комнате.

Всё-таки случай помог Князеву проявить свои отцовские чувства, понять, что может не только ворчать и проявлять возмущение. И он знал, что это у него от возраста, от нервов. На этот раз Евгения накануне не приезжала, сын всё воскресенье просидел за компьютером, готовя то ли доклад, то ли отчёт, а в понедельник часов с семи начал шорохаться по квартире. В такие минуты Сан Саныч, если просыпался, обычно тихонько смотрел по телевизору новости, а когда дверь захлопывалась, выходил по своим делам. В этот раз вышел и увидел на банкетке зелёную папку, и сразу мысль: «Сын появится на работе, пойдёт на планёрку, а документов при себе нет! Опять засада! А у него таких засад в последнее время было куда с добром!» Поэтому мысль сработала мгновенно.

— Ты документы забыл! — позвонив, сказал ему.

— Ой, да, пап...

— Ты сейчас где?

— В метро уже...

— Не возвращайся — если возвратишься, то не успеешь на работу ко времени... Я еду следом!

— Спасибо, пап... — Он хотел ещё что-то добавить, но Князев уже не слушал его.

Сан Саныч умел собираться по-солдатски: выключил телевизор, скользнул взглядом по ручкам электроплиты, в минуту оделся, закрыл на два оборота дверь — и к лифту. До остановки две-три минуты, и автобус долго ждать не пришлось. Вскоре он уж держался за поручень вагона метро, и вдруг — звонок, сын. Князев пытался расслышать, что он говорит, но из-за шума ничего не понял. Сказал лишь: «Ничего не слышу». В ответ эсэмэска: «Возьми зонт, на улице дождь начинается!», от которой Князев рассмеялся и ничего не стал отвечать; не тот случай, если сын судит по себе о сборах в экстремальной ситуации.

На Таганке Сан Саныч вышел из метро — дождь льёт, но не стал на него обращать внимания. Перескакивая потоки воды, добежал до павильона остановки, достал носовой платок, завязал на нём углы и надел на мокрую голову, как в прежние годы плотники да каменщики щеголяли на стройке, спасаясь от солнца. Проехал одну остановку на автобусе, нашёл сыновью контору и в проходной позвонил ему. Вскоре тот появился, удивлённо спросил:

— Ты уж здесь?!

— Как видишь! — ответил Сан Саныч и отдал папку.

Коротко сказав «спасибо», сын пропал, а он спокойно пошёл к другой остановке — в сторону Солянки... Он так и ехал в «шапочке» из послевоенных годов, не стал снимать её в метро из-за кондиционеров над головой. А то, что молодёжь поглядывала на него насмешливо, — пусть смотрит и запоминает. Добравшись до дому, он сразу принял горячий душ, потом растёр голову полотенцем. Кому-то его осторожность могла бы показаться лишней, но после двух ковидов будешь от собственного дыхания шараться.

После душа он позавтракал, потом поспал, потом от безделья внимательно прочитал текст завещания, посмотрел новости, пообедал и отправился в парк, непривычно себя чувствуя от безделья, когда ничего вроде не надо делать, куда-то спешить, кого-то ожидать; даже скульптурой не хотелось заниматься.

Стоял конец мая, в парке к этому времени густо распустились кустарники и деревья, берёзы покрылись зелёными косяцами, даже белая акация у входа, распускающаяся позже всех, выбросила резные, но пока недоразвитые листья и обозначила гроздь будущих цветов. Он прошёлся по аллее до

конца, потом постоял на берегу залива Москвы-реки и повернул назад. Идти домой не хотелось, остановился у стола для пинг-понга, поздоровался с теннисистами, начавшими бесконечные баталии, и молча посидел на скамеечке. Не хотелось ни о чём думать, потому что мысли всякий раз возвращались к сыну, к сделке с Борисом, и вообще всё опять начинало вспоминаться, а он сейчас не хотел никаких воспоминаний. Мысли его были далеко впереди, он уже словно видел только новое и удивлялся ему, словно желания странным образом опередили недавние события и представлялись воочию. И главная его мечта — о сыне... Когда-то же он должен стать благоразумным. Или надо дожидаться, когда здоровье разрушится, и потом судорожно цепляться за жизнь. Сан Саныч знал многих выпивох, с годами всё понявших и ставших воспринимать эту пагубную страсть как путь в бездну, в черноту и круто изменивших образ жизни, навсегда покончив с выпивкой. Князев уважал таких: мужик сказал — мужик сделал. А всё нытьё о наследственности, что, мол, это болезнь, — пустые отговорки. Ага, хороша болезнь, которую легко лечат осиновым колом, а лучше дубовым — потяжелее будет. Если ты сильный человек, то должен понимать, что зелье тебя затягивает, портит личную жизнь, отношения на работе, то просто обязан оборвать это влечение. Завязать его раз и навсегда морским узлом.

Мечтать, конечно, хорошо. Но он вернулся к сегодняшним заботам. Созвонился повторно со сватьей, чтобы уточнить дату и время встречи, и сказал, что готов к ней. Предварительно её назначили на субботу, когда оба — и сватья, и внук — выходные. Впрочем, у внука имелся какой-то свой, особый график, исходивший из его бизнеса, основанного на госзакупках. Объёмы закупок не ахти, потому что серьёзные давно поделены между акулами подобного бизнеса, и к ним лучше не подходить, но и тех контрактов, какие оставались и какими пользовался Денис, находясь на подхвате, хватало на жизнь, на съёмную квартиру и на содержание «BMW». Он почему-то категорически не хотел жить с матерью и младшей сестрой в «двушке», хотя одно время жил с подругой, пока не хватало денег, а теперь считал себя вольным и свободным от материнской опеки. Князев помнил, как он не любил, когда мама вмешивалась в его жизнь, давала множество советов — то есть вела себя так, как он сейчас в отношении сына, с той лишь разницей, что всегда выслушивал её, а уж поступал так, как получалось... Антон и до этого не мог «снизойти», и поймёт когда-нибудь отца, как понимал его отец свою мать. Хотя не факт.

И вот пришла суббота и, собираясь в гости, Сан Саныч всё-таки решил поговорить с сыном, тоже куда-то собиравшимся, рассказать, с какой целью едет на встречу со сватьей и внуком. Не мог он молчком, за спиной сына, распоряжаться своей долей, пусть и законной, не поставив его в известность. Ведь он первый наследник, и лишать его этой привилегии, даже несмотря на не лучшее его поведение, было бы несправедливо, даже подло. Сказать об этом вроде бы легко, но как, какие найти подходящие слова, чтобы он понял, что отец ему друг, а не враг. Но трудно, очень трудно сказать прямо об этом. Когда сын собрался уходить, он всё-таки нашёл силы и негромко доложил:

— Я сейчас тоже поеду.. К сватье. К ней и Денис приедет — повезу ему завешание на полквартиры, которое оформил на днях.

Сын в этот момент наливал из чайника воду, и Князев заметил, как у него задрожали руки. И стало жалко его невыносимо, захотелось обнять, объяснить, что завешание ничего плохого не сулит, это лишь страховка для него самого от поспешных и необдуманных поступков, с помощью завешания внук будет держать всё под контролем и помогать. В конце концов, завешание можно всегда переписать.

— Составил и составил — мне-то чего. Твоя воля, — отозвался он вроде бы равнодушно, но щёки его полыхнули румянцем.

— Я с тобой откровенно говорю, ничего не скрываю. А Денис — благоразумный парень, он поможет тебе в случае форсмажора, ни на что не претендую. Этот вопрос уже обговорён и с ним, и с Марией Ивановной.

— Ладно, пап... Я спешу!

Сын почти сразу ушёл, и Сан Саныч начал собираться в гости, так и не сумев отделаться от мысли о том, что так не надо бы поступать с сыном и что после этого будет выглядеть в его глазах предателем. И никогда не сможет убедить его в обратном, даже и в том случае, если когда-нибудь отношения наладятся. Хотя при его нынешнем поведении — вряд ли...

У сваты

Главное в поездке к сватье (ехать несколько остановок), чтобы прибыл внук. Князеву хотелось поговорить с ним, столкнуться с видением собственной жизни, в которой он просто обязан принять участие, даже и не в самой жизни, а в том, что будет потом... Почему-то так получалось, что всё чаще все подстраивались под него. А что, солидным стал: двадцать

восемь лет, работает, и неплохо, машина есть приличная, не выпивает (совсем), не курит. Вот только не женат, но это дело поправимое. Поэтому бабушка и относилась к нему соответственно: любила и уважала. Когда Князев позвонил Марии Ивановне и спросил, когда прибудет дорогой внук, она ответила уклончиво:

— К трём обещался, но ты же знаешь его.

— К трём так к трём. Посидим, поболтаем — давно ведь не виделись.

Прихватив документы, Князев отправился к сватё к назначенному времени, записав код уличной двери и купив по дороге коробку зефира в шоколаде. В квартиру вошёл, а там уж и внук, и его мать — Светлана, русоволосая, словоохотливая, всегда с улыбкой на курносом лице, и её дочка, такая же курносая, жившая в соседнем доме. Вся семья в сборе! Мария Ивановна — невысокая, кареглазая, а главное — разумная, показавшаяся в этот момент удивительно домашней в коротком передничке. Несколько лет назад она овдовела, причём второй раз, а в третий раз замуж не собиралась, шуточно говоря, что не хочет стать «чёрной вдовой». Хотя была бы она немного моложе, то в «девках» не засиделась бы. Только, похоже, она и не стремилась менять жизнь. Пожила в своё время, и неплохо пожила, а теперь у неё на уме лишь дочь да внук с внучкой; родственники, конечно, имелись, но это родственники, не более того. Поэтому и продолжала работать главным бухгалтером в какой-то фирме, в какой именно, Сан Саныч никогда не интересовался, не выспрашивал — не уподоблялся завистливому сплетнику. К тому же и встречались редко, в основном на дне рождения внука или по какому-то случаю, как сегодня.

Мария Ивановна сразу пригласила за накрытый стол, но Князев предложил сперва обсудить то, с чем он приехал. Расселись на диванах, и Сан Саныч достал папку с бумагами, потом глянул на внука, и когда начал говорить о сути встречи, продолжал смотреть на Дениса, словно только из-за него одного и прибыл. Хотя, по сути, так и получалось, а его мать и бабушка — всего лишь свидетели и хранители.

— Денис, — Князев обратился мягко, по-домашнему, не желая, чтобы эта встреча превратилась в официоз. — Помимо самого бланка с завещанием, передаю фрагмент гугловской карты с Калитниковским кладбищем, где похоронены твои прабабушка и прадедушка. Я за ними ухаживаю, обновляю надписи, и ты, думаю, когда повзрослеешь, тоже будешь интересоваться ими и вспоминать. Выбери как-нибудь время, и мы вместе с твоим отцом съездим туда, ты посмот-

ришь на захоронения, запомнишь их. Произойдёт, так сказать, передача эстафеты, и это не пустые слова, они необходимы и должны жить у каждого в сердце. Мне бы тоже хотелось лежать рядом с ними, но кладбище старое, давно закрытое для захоронений, и неизвестно, разрешат ли подзахоранивать, тем более что у меня есть младший брат. Как получится — бог весть, но в любом случае, если вы будете вспоминать ушедших, будут помнить и вас. — Князев замолчал, осмотрел всех, только семилетняя пухленькая Алиса ни на кого не обращала внимания, продолжала шуршать пакетами и прихватывать со стола зефир. — Марина Ивановна, попрошу тебя как человека ответственного сохранить эту бумагу, а Дениса не забывать отца, каким бы он ни был. По возможности помогать ему, для того я и составил завещание на тебя, внук, чтобы подстраховать. Сами же знаете, что Антон часто бывает в интересном состоянии, и в такой момент может натворить глупостей. А твоя задача, Денис, — Князев посмотрел внуку в глаза, — не допустить этого потом, когда меня не будет. Ну а я, пока жив, буду держать вопрос на контроле. Что теперь делать, если нам досталось такое «наследство».

— Это всё понятно, — согласился Денис, рассматривая бланк завещания, — но здесь указаны не все данные. Да, есть мои «фио», дата рождения, а далее что? Не указано, кем я являюсь тебе, где проживаю?

— Как мне объяснила нотариус, ничего этого и не нужно. Ну, укажу я, что ты мой внук, то потом, коснись дела, тебе придётся доказывать в суде, что Князев Денис Антонович и есть именно мой внук, а не чей-то иной.

— А вдруг появится однофамилец с такими же данными, как у меня?

— Может, конечно, появиться, но у него не будет главного — текста завещания...

— Проще бы было оформить дарственную, — подала голос Мария Ивановна.

— Чем же проще? Оформление такое же, деньги почти такие же, только завещание я могу спокойно отозвать, а дарственную только через суд. А если меня вдруг к тому моменту не будет, то с кем кому судиться. И если по-честному, то сына мне не хотелось бы оставлять у разбитого корыта, поэтому и обращаюсь повторно к Денису с просьбой помочь своему отцу в случае чего. Чего проще-то?! — Князев вздохнул и, взглянув на накрытой стол, улыбнулся: — В общем, дело запутанное и без рюмки не разберёшься! А то у меня от разговора щёки горят!

Мария Ивановна убрала бланк завещания в общие бумаги, хранимые ею, и пригласила к столу:

— Все по местам, а то уж скоро ужин будет, а мы не обедали.

Когда расселись за столом, Князев разлил из графинчика коньяк по рюмочкам, напоминавшим напёрстки, и сказал:

— За успех нашего предприятия!

Выпили все, кроме Дениса. Тот сразу налёг на мидий, запечённых под сыром и майонезом, и ему было совершенно всё равно, что делают «взрослые». Сан Саныч и ранее наблюдал за ним, думая, что он бравивирует или, наоборот, что-то скрывает. Но нет. Из года в год повторялась одна и та же история. Не выпивал — и всё тут. Видимо, настолько насмотрелся на отца, что его поведение навсегда отвратило от алкоголя. Поэтому ему и не предлагали выпить вместе со всеми, знали: бесполезно. Сан Саныча это радовало и озадачивало, потому что он знал парней, которые смолоду не выпивали, но став взрослыми, как с цепи срывались. Дед Князева по линии отца до сорока четырёх лет не пил, а потом однажды выпил и удивился: «Каким же я был дураком?! Ведь это такая радость — выпивать!» И действительно начал выпивать, да крепко, и через год-другой его не стало — осиротил шестерых детей. Отец Князева тоже не выпивал, не курил, хотя общался на автобазе среди шоферни да слесарей, но вот поди ж ты — не выпивал до конца жизни. А когда ему, мотористу, благодарные шофера дарили бутылки, он их отдавал товарищам. И никто не знал, что его подвигает на такое ужасное, на взгляд мужиков, поведение. Сан Саныч уродился не в отца и не в мать, тоже не признававшую выпивку, а сам в себя, как он посмеивался над собой. В молодости выпивал, как без этого, но со временем перестал находить в вине особое удовольствие. Не сказать, что совсем завязал с этим увлечением, но рюмочку-другую иногда пропускал, а сегодня даже позволил три «напёрстка».

Съев кусок торта, Князев ещё поговорил о том, о сём и, распрошавшись с дамами, внуком, которому повторно посмотрел в глаза, не отпуская руки, сказал ему так, будто был ему отцом:

— Спасибо!

Уходил Сан Саныч от сваты с облегчением на душе, словно завершил огромную работу, хотя это так и было, если вспомнить сколько забот, суеты, нестыковок было в недавние три месяца, и вот теперь вся шелуха отвалилась, он добился, чего хотел, теперь он чист и гол как сокол, но это ни сколько не пугало. Главное, что есть настроение, кое-какие

силы и оптимизм. Без них — никуда, особенно если вспомнить, что его ждало несколько поленьев-заготовок, которые он высушивал по-своему. А сын? Что сын! Спыхватится — останется человеком. Не захочет свернуть с кривой дорожки — значит, не судьба ему ходить по прямой.

Сойдя с автобуса, Князев шёл к своему дому, весело напевая. Зашёл в подъезд, вызвал лифт, и когда он подъехал и распахнулись дверцы, зашёл в него. Но в то короткое время, пока дверцы еще закрылись, откуда-то взялся темно-волосый гастарбайтер и пулей влетел в лифт. Лифт пошёл вверх, а Князев, помня весеннее приключение на аллее, сразу — руку в карман и посмотрел на попутчика, желая убедиться в его намерениях, даже сказал, пошутив:

— Привет, дядя!

Тот ничего не ответил, лишь кивнул, а Князев спиной вышел из лифта, оставаясь на чеку. А на душе сделалось неприятно. И не от того, что будто сильно переполошился, нет, он оставался спокойным, но всё равно рука потянулась в карман, словно по-прежнему пребывал в стихийном ребячестве, а не находился в том почтенном возрасте, когда совершенно не обязательно надеяться на какие-то железки и жить, постоянно оглядываясь.

Когда доставал ключи, расслабился, вспомнив, что в «двушке» на восьмом этаже живёт человек восемь или десять гастарбайтеров. И вот ещё о чём подумал: «Ещё год-другой, и все они, что вполне вероятно, вместо «уважаемый» и «дядя» начнут окликать возгласом «эй», если уж началось такое поветрие».

В квартире Князев бросил надоевшую отвёртку в инструменты и сразу перестроил мысли, увидев неожиданно сына. Хотел спросить: «Опять выпил?» Но не спросил, потому что сын его опередил:

— Поздравь меня.

— С чем же?

— Сегодня закодировался. Ты же этого хотел?

— Хотел, но потерял надежду, что ты поумнеешь... Женя подействовала? Меня-то ты не слушал.

— Вы оба, просто она немного больше.

— Ладно, главное, что ты это сделал. А вообще-то молодец!

Назвав сына молодцом, он сразу, хотя бы на время, хотел забыть все стычки и всё непонимание в отношениях. Как же долго он этого ждал, как же ему хотелось спокойно и размеренно жить, радоваться каждому прожитому дню, а не огорчаться от него. Как же славно, что это случилось, и хотелось, чтобы никогда не заканчивалось!..

Когда Сан Саныч переоделся, сын пригласил:
— Давай вместе поужинаем. Я картошку отварил и курицу пожарил!

— Спасибо, но, сам знаешь, я только из гостей. Поэтому обойдусь чаем и с превеликим удовольствием посижу с тобой за столом.

Впервые за долгое время они вместе сидели друг против друга. Очень хотелось сказать, что всё делал для тебя, чтобы ты одумался, пересмотрел своё поведение и перевернул его. Ведь был же когда-то отличным мальчишкой — ласковым, говорливым, улыбчивым...

Сан Саныч глядел на него и вспоминал сына крохотным, потом детсадовцем, потом юношей. Глядел и невольно улыбался.

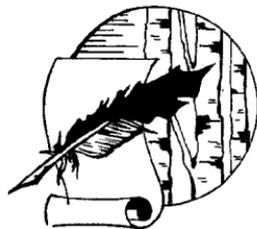
— Пап, ты чего? — спросил Антон.

— Радуюсь... Да и как по-другому: ведь сын же!

Редакция «Молодой гвардии» поздравляет нашего многолетнего автора Владимира Дмитриевича Пронского с 75-летним юбилеем!

Владимир Пронский большинство своих прозаических произведений последних лет опубликовал именно в нашем журнале. По отзывам читателей они своим сюжетным психологизмом захватывали внимание с самого начала повествования и держали в напряжении до конца. Владимира Пронского знает и читает литературная Россия.

Желаем ему крепкого здоровья и долгой неиссякаемой творческой энергии!

Ксения ФИРSOVA
(1945 — 2019)

Ксения Петровна Фирсова родилась в Москве. Закончила биологический факультет Воронежского государственного университета. Занималась журналистской деятельностью в Великом Новгороде. В конце семидесятых годов переехала жить в д. Борки Новгородской обл. В 1993 году принята в Союз писателей России по рекомендации Д.М. Балашова. Автор четырех поэтических сборников.

ТАЮЩЕЕ ЭХО

ПРОХОЖАЯ

С опаской ставя ноги,
с надломом наклонясь вперёд,
по нашей глинистой дороге
чужая женщина идёт:
одна, нарядна, осторожна —
как гладиолус на ветру.
Я вижу: дальней, посторонней,
ей наша пыль не по нутру.
Несимпатичны ей — деревня,
сараяв наших скотный дух,
и потускневшие деревья,
и настороженный петух,
козой обглоданная ива
с растрёпанною головой...
Я вижу, как она брезгливо
каблук пронесит над травой.
Идёт по жизни и по лету
и зябнет в солнце и тепле,
как будто падчерица этой
неотдыхающей земле.

Земля ж грузна от урожая.
Что ни гряда, то снеди воз.
И гусь, прохожей подражая,
брезгливо пробует навоз.

* * *

Утро. Света и тьмы перекрёсток.
Просыпается, жмурится день.
Просыпается мальчик-подросток,
в полуспящих глазах — полулень.

Одеяло стянув, разомлело
подставляет под солнечный взгляд
золотистое гибкое тело,
напружиненных рёбрышек ряд.

Напрягая желобчато спину,
гонит кожей прилипнувший сон,
изгибается, руки закинув,
начинает движение он.

Взор бездумно, бестрепетно чистый,
мышцы нежны ещё и тонки,
но уже широка и костиста
кисть мальчишеской слабой руки.

Неокрепший детёныш... И всё же —
приглядишь! — начинает играть
под совсем ещё девичей кожей
грубовато-славянская стать,

а под пухом младенческой неги
есть повадка, быстра и резка.
Так уже в травянистом побеге
просыпается норов дубка.

* * *

Короткие ночи да зори сырые,
да длинный, солёный, мозолистый день.
Эстонка Мария,
эстонка Мария
на вилах таскает траву-одолень.

Девчоночья хрупкость,
мужицкая сила.
В глазах — полуночная, плотная мгла.
Судьбу твою время под корень косило,
да только судьба не травинкой была!

В потёмках души схоронивши занозу,
ты жёстко усвоила:
жизнь — это пот,
и пахнет она перепревшим навозом
и струйкой молочной размеренно бьёт.

На тонком запястье — натужные жилы.
Лишь вечность когда-нибудь отдыху даст.
Тяжёлые вилы,
железные вилы
вонзаются в мокрый, спрессованный пласт.

Эстонка Мария,
эстонка Мария,
рогатые вилы сжимая в руке,
о чём ты коровьего бога молила
на резком, на нежном своём языке?

Скажи мне, чего ты так тайно хотела
в потёмках,
вполголоса,
в душном хлеву?
— Чего мне ещё-то хотеть? Я — живу!
Я пела, — она отвечает, — я пела...

* * *

А за стенкой у соседки
Днями напролёт
Канарейка в клетке тесной
Песенку поёт.
Словно горная водица
По цветным камням,
Птичий голос серебрится,
Проникая к нам.

И сама она как птица —
Остроноса, узколица,
Хохолок седой,

В блочной клетке суетится,
Брызгая водой.
Вечно моет, моет, моет...
Словно бога кухни молит
Оценить труды.
На хозяйку глядя, птица
Не торопится напиться —
Так и брызжет, озорница,
Веером воды!

Птичий быт устроен просто:
Клетки потемнелый остов
Небом служит ей.
Здесь, среди посуды пёстрой,
Весь её канарский остров
До скончания дней.
Никого на белом свете,
Как ни светел свет,
Кроме птицы на буфете
У соседки нет.

* * *

Среди множества ног голубиная жадная стайка
Суетливо лавирует у деревянной скамьи,
Где невзрачная женщина с девочкой в платье из байки
Терпеливо сидит, узелки обнимая свои.

По вокзальному радио косноязычно и гулко
Женский голос твердит про товарный на первом пути.
И не слыша его, крошит мать пересохшую булку.
И, не видя, глядит на базарное пиршество птиц.

Луноликая дочка сквозным немигающим взглядом
(И мерцает слюна в уголке хитроватого рта)
То ли тайну свою постигает и этому рада,
То ли полуулыбкой зияет её пустота,

Что с зачатием досталась костистому крупному телу,
Драгоценному мозгу в бугристой броне черепной...
Большеглазая мать нелюдимо и оцепенело
Наблюдает вагонов бренчащий, струящийся строй —

Так внимательно, словно нутром устремляясь за ними.
И на кольчатых лапах, зобы раздувая в тоске,

Семенит по асфальту, прицельно наметив своими
Янтарями очей позабытую булку в руке,

Стайка страждущих птиц. На перроне и шумно, и тесно.
Босоножки шуршат и сливаются в гул голоса.
На скамье рядом с девочкой — ненаселённое место,
А у матери — серая прядь в молодых волосах.

* * *

Был хмурый день. Капризничали дети.
Собака отрешённо грызла кость.
Мы ссорились. Над крышей плакал ветер.
И вдруг — звонок.
И вдруг — неожиданный гость.

Стеснительно помедлив, в дом вошёл
С потёртой сумкой, в курточке дорожной
Почти что незнакомый, осторожный,
Совсем неброский, тихий, небольшой.

Был день как день.
Каких, скажи на милость,
Наш шумный дом не видывал гостей!
Был день как день... Но что-то изменилось
Неуловимо... Бойких новостей

Он не привёз. Он говорил немного —
Он о совсем обычном говорил!
Не пил вина и вовсе не курил,
Не обличал, не пел, не юморил,
Не материл снабженье, слава богу.

Но в воздухе какой-то тихий свет
Возник с его приходом. Он пролился
На детские внимательные лица,
На тихое течение бесед.

Но день прошёл. Под вечер он уехал.
И долго — словно искорка в золе —
Светилось в доме тающее эхо
Его шагов, и голоса, и смеха —
Его существованья на земле.

* * *

И жизнь, и блузу красками пятна,
Он у холста свои проводит годы,
Пока считает звонкие доходы
Вокруг него крикливая родня.

О плоских кругляшей летучий звон!
О нём — о них! — легенды сочиняя,
Его друзей завистливая стая
Оплаченный им пьёт «Наполеон».

Но вот ведь легковерье чудака:
Ему неведом краткий жест иудин —
Его любовью меченые люди
Показывают пальцем у виска.

А может быть, всё зная наперёд,
Его душа так запредельно зряча,
Что, зря себя не тратя и не плача,
Глядит на всех сквозь суетный налёт?

Всего одна печаль ему дана —
С ней зренье заострённое и суше:
Успеть до дна свою исчерпать душу,
До им самим не познанного дна...

* * *

Нет милей для женщин дела, чем вязание на спицах.
Отрешённые и серьёзные их внимательные лица.
Головы наклон спокойные, и как будто спят ресницы.
Только кисти рук подобны в облаках летящим птицам.

Петли белой и пушистой пряжи тянутся друг к другу
и ложатся на колени — как при полном солнце вьюга
намела холмы и складки посреди цветного луга.
Ниже петли, словно чётки — круг за кругом, круг за кругом.

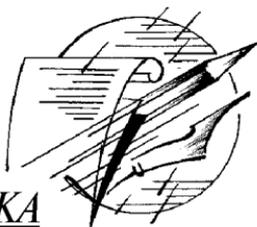
То, что выйдет — шальда кофта, — лишь предлог, одно название.
Спицы бьются в ритме сердца, словно предзнаменование.
Хочешь, чтобы стало полным о твоей любимой знанье?
Последи за ней тихонько в час вечернего вязанья.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Уходит в прошлое год, на первый взгляд ничем особенным не примечательный, почти не отмеченный громкими событиями, если не считать пригожинского «недоворота» и неожиданного обострения еврейско-арабского конфликта. Но это обострение нас затрагивает лишь постольку-поскольку, не напрямую. А та русско-украинская война, которая касается каждого из нас самым непосредственным образом, превратилась в нечто будничное, повседневное и уже не будоражит общественное сознание. Рутина... И именно это я склонен считать первым важным итогом года, достойным анализа.

Нужен перелом

Кто бы мог подумать, слушая в феврале-мае 2022 года победные реляции представителя Минобороны Игоря Конашенкова, что наступательная и победоносная поначалу СВО обернется затем переходом нашей армии от наступления и освобождения территорий — к глухой обороне и отдаче части уже освобожденных земель. Всё так хорошо начиналось...

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Обидно, но приходится признать, что при подготовке СВО противник был серьезнейшим образом недооценен во всех отношениях, в первую очередь — в идейно-политическом, но также и в военном, учитывая, что за его спиной оказалась военно-промышленная мощь стран НАТО. В итоге СВО обернулась вязкой войной на истребление человеческого ресурса и экономическое истощение обеих сторон, а значит, ее самым главным фактором стал фактор времени. У кого раньше надломится дух, надорвутся силы, закончится оружие? И не будет ли в итоге победа, кто бы ни победил, — пирровой? Вот какие стоят теперь вопросы.

Надо также понимать, что поскольку за русско-украинской войной определенно просматривается силуэт прокси-войны России с Западом, то наша гипотетическая победа над конкретным ближайшим противником в лице киевского режима вполне может оказаться лишь прологом к войне с НАТО. Желание у противника, похоже, есть, а предлог всегда найдется. И это соображение вновь обращает нас к проблеме сроков.

Противостояние зашло так далеко и глубоко, что всем уже ясно: нас может удовлетворить только полная и безоговорочная капитуляция Киева с последующим взятием под контроль российской армией и государством большей части Украины. (По моему убеждению, Западная Украина должна быть отделена кордоном наподобие Берлинской стены в качестве заказника украинских националистов, бандеровцев, которых мы не можем ни перевоспитать, ни полностью истребить, тем более после войны.) Всё остальное будет лишь полумерой, которая отсрочит решение проблемы, но сама ничего не решит.

Но чем дольше тянется война, тем туманнее ее перспективы. Да, мы перемалываем вражескую технику и людские вооруженные контингенты. Но ведь и сами несем немалые потери. И пока мы «рубим по частям хвост собаки», тем временем западная оборонка, снабжающая Украину, обогащается и перестраивается, наращивает ресурс. Ее опустошенные арсеналы вскоре начнут наполняться заново. Протянем время — она вновь начнет снабжать противника необходимыми объемами самых современных вооружений, заставляя воевать до последнего. Едва мы успеем доразгромить уже поставленную технику, как подоспеют новые поставки. А Киев дополнительно мобилизует еще сотни тысяч бойцов. Чем мы заплатим за это, сколько жизней своих ребят отдадим?

В силу сказанного вопрос надо ставить так: что нужно сделать, чтобы добиться капитуляции Киева в рекордно корот-

кие сроки, поскольку время работает против нас. А ответ на этот вопрос предельно прост: сделать надо всё, что способствует достижению этой цели, включая применение любых боеприпасов, кроме ядерных, а также уничтожение мостов, туннелей и вообще всех морских и сухопутных трасс, связывающих Украину с Европой. И включая массивированный единовременный удар с воздуха по всей без исключения верхушке украинской армии и государства. Кто бы ни выжил после этого удара из украинского истеблишмента, кто бы ни пришел на смену армейскому и правительственному руководству, эти люди наверняка будут сговорчивее уничтоженных. Нам нужен быстрый и решительный перелом в войне, это вопрос нашей жизни, а как это будет достигнуто — нас не должно волновать. Совсем. Только целесообразность, а не гуманитарные соображения, должна определять средства. Не по частям рубить хвост, а отсечь его одним махом, и дело с концом — вот в чём видится мне наша задача.

Только быстрая и убедительная победа над Украиной может прекратить войну и отбить у НАТО охоту ее продолжать. Только она обеспечит мир на наших условиях. А также сэкономит нам (и, кстати, Украине тоже) людей и материальные ресурсы, восстановит веру в себя и оптимистический взгляд в будущее.

Сдается мне, что обычным способом ведения войны типа марша на Киев этого не добиться. У нас элементарно нет для такого марша достаточного количества войск. Противник сделал выводы из провала своего «контрнаступа» и готовит нам зеркальную ситуацию, выстраивая оборонительные укрепления, чтобы мы разбили об них лоб, как разбили украинцы свой собственный об «линию Суровикина». Так что есть опасность поменяться с ними местами, перейдя от тактики обороны к тактике наступления — притом на неопределенное время. Конечно, можно вспомнить, как танки Гудериана во Вторую мировую войну просто обошли с флангов защитную «линию Мажино», но времена и методы изменились, и сегодня такой танковый маневр может запросто сорваться. Следовательно, война становится предприятием с непредсказуемым результатом как в смысле длительности, так и в смысле наших жертв и потерь. Пока что ситуация в Авдеевке, Крынках и под Бахмутом не дает яркого ощущения победы; сказывается отсутствие такой штурмовой бригады, какой была ЧВК «Вагнер», взявшая Артемовск (Бахмут). А если даже в этих критических реперных точках, куда стянуты наши огромные ресурсы, перелома нет уже многие месяцы, то на что можно рассчитывать в будущем? Украинцы ярост-

но и умело сражаются, особенно в обороне; западное оружие, весьма современное, всё прибывает к ним и прибывает. А недобитые Залужный с Будановым одним только фактом своего существования ставят под сомнение умелость наших спецслужб. Нам нужно сделать что-то такое, что радикально изменит ситуацию в нашу пользу. Нужен перелом.

Положим, до мартовских выборов президента России терпения у страны хватит, но к лету, по моему субъективному ощущению, может возникнуть кризис ожиданий и усталость от войны. Не дай бог, если в нашем обществе возникнет стремление к миру любой ценой, потому что это уже будет капитуляция с нашей стороны, и ее негативные последствия мне страшно даже мысленно вообразить себе. Не раз звучала уже мысль о том, что на кону стоит вся будущность России, ее жизнь и судьба. Это воистину так, и потому мы не имеем права проиграть.

Итак — вот герой 2024 года: время. Оно будет решать судьбу войны, а с нею судьбу России и мира. Так дает понять ушедший 2023 год.

Испытание на единство страны

Второй важный итог минувшего 2023 года — это тест на единство России, который она, на мой взгляд, прошла успешно. И это очень важно, в этом залог нашей победы. Которая придет, только если мы сохраним это единство.

В этом году нас дважды испытывала судьба на единство. Первый раз — во время так называемого «мятежа» Пригожина. Я взял это слово в кавычки потому, что хотя дело не обошлось без человеческих жертв, настоящим мятежом, бунтом это назвать нельзя. Пригожин не планировал ни государственного переворота, ни смены лидера страны, это был не марш («на Москву»), а демарш, вызванный чувством несправедливости и опасением за судьбу свою и вверенного ему контингента. На мой взгляд, вина за произошедшее полностью лежит на руководстве нашей армии, взявшемся ломать через колено людей, к тому не предназначенных, и вызвавших этим закономерную реакцию. Не берусь судить, насколько эта вина распространяется на гибель самого Пригожина, но я обнажаю голову над его могилой и горько сожалею о том, что такого человека и военачальника больше нет с нами. Отсутствие на фронте ЧВК «Вагнер» очень заметно в нынешних обстоятельствах, увы.

Между тем, если бы этого мятежа не было, его следовало бы выдумать, потому что с ним страна прошла проверку на

прочность. Ведь — что скрывать? — в России накопились немалые протестные настроения, и настоящий мятеж, настоящий «русский бунт» вполне мог бы их аккумулировать и превратить в страшный разрушительный механизм. Я помню, какую неслабую поддержку в опросах получили «вагнеровцы» в первые же часы своего выступления. Но кончилось всё миром, явлением Пригожина и его команды в Кремль — не в качестве захватчиков, а с повинной головой — и разрушением конфликта, так и не потрясшего основ российской государственности и общественного порядка. Да, признаться надо, нас всех как следует потряхнуло именно потому, что подсознательно все понимают: предпосылки бунта имеются, и все его боятся небезосновательно. Но хотя горючий материал в наличии, пожар все-таки не вспыхнул, народные массы не примкнули к мятежникам, не влились в их ряды. Нежелание «великих потрясений» и, напротив, желание консолидации общества, которое в конечном счете продемонстрировали и сами пригожинцы, превозмогли опасность.

Вторым тестом на единство страны, который успешно прошла Россия, я считаю то поистине всенародное, массовое возмущение по отношению к национал-предателям, бросившим нашу страну в трудную для нее минуту, бьющим ей в спину, предающим ее словом и делом, открыто или тайно вставшим на сторону врага — Запада, киевского режима, бандеровцев и др. Это возмущение охватило все слои населения — от депутатов Госдумы до комментаторов в пабликах и даже совсем уж простых людей, обывателей. Правду сказать, русофобствующая «элитка» сама сделала всё возможное для собственного саморазоблачения — взять хоть интервью Быкова и Акунина или тексты их разговоров с пранкерами Вованом и Лексусом. Или взять многочисленные высказывания таких персонажей, как актеры Назаров или Хаматова, режиссер Рейхельгауз, историк моды Васильев, преподаватель истории Тамара Эйдельман и др. — имя им легион. Радует, что на этот раз дело не ограничивается словесными баталиями — пожурили-де и забыли; нет, следуют конкретные меры, от приостановки продаж книг «лидеров общественного мнения» и отказа от их концертов, творческих встреч — до прямых юридических санкций. «Релокантов» не только не жалуют в СМИ и интернете, им открыто дают понять, что возвращаться в Россию им не стоит, их тут никто не ждет и видеть не желает, и заработков былых им больше не видать. Некоторые из тех, что поспешно бросили страну, теперь поскуливают, как побитые щенки за дверью, и просят обрат-но, но я бы не советовал им возвращаться, потому что, во-

первых, нам без них тут лучше (воздух чище), а во-вторых, атмосфера в обществе для них уже токсична, а будет еще токсичнее, это несомненно. Затяжной и безобразный скандал, разразившийся в связи с «голой вечеринкой» блогерши Ивлеевой, говорит о том, что времена терпимости по отношению к извращенцам, антинародным элементам и предателям закончились. Примирения сторон не будет.

Кто-то скажет, возможно: о каком единстве России можно вести речь? Вот же он — раскол нации, вот противостоящие друг другу «две России». Нет, не надо путать раскол с отщепенством. В Отечественную войну был феномен власовщины, но он не привел к расколу страны. Отщепенцы были, есть и будут. Но расколоть страну им не дано: великая Россия одна и едина.

Массовое возмущение нравственными и политическими переверсантами — это лишь верхушка того айсберга, который стала консолидация России. А ее подводной частью, не столь заметной, но всё определяющей, стало сплочение народа в ходе войны, выражающееся в очень многих показателях — начиная от рейтинга президента Путина и заканчивая набором добровольцев на фронт и деятельностью волонтеров и донаторов. Не осталась без последствий и многотрудная работа журналистов и пропагандистов: цели и задачи войны, вначале неясные многим нашим гражданам, сейчас в значительной степени прояснились и стали приняты большинством населения, как свои. На это во многом повлиял ушедший год: у нас было время для раздумий.

Поворот к русскому

Важнейший итог 2023 года — реабилитация русской темы. Символически она выразилась в триумфе песни «Я — русский!» в исполнении певца Шамана. Песня мгновенно покорила интернет и широкую публику, стала настоящим хитом. Это показательно. Но дело не только в ней.

Как человек, состоящий в эпицентре Русского движения с 1992 года, я прекрасно понимаю огромное значение происходящего. Десять лет я издавал «Национальную газету», шесть лет был сопредседателем Национально-Державной партии России, состоял оргсекретарем Русской национально-культурной автономии (Минюст так и не зарегистрировал ее под давлением В.Ю. Суркова), входил в оргкомитет Русских маршей, защищал в судах наших соратников, преследуемых прокуратурой и милицией за причастность к Русскому движению и т.д. Полжизни отдав служению этого рода,

пережив на этом пути и радость свершений и горечь разочарований, я в состоянии почувствовать и оценить те огромные сдвиги в общественном сознании и в общей атмосфере, которые свидетельствуют о том, что русская тема вышла из подполья и становится мейнстримом. Ее локомотивом, без всякого сомнения, стала СВО и неотделимая от нее идея Русского мира.

Песня Шамана «Я — русский!», где в припеве звучат знаковые слова «Я — русский! Я иду до конца. Я — русский! Моя кровь от отца. Я — русский! И мне повезло. Я — русский! Всему миру назло!», прозвучала оглушительно и отозвалась в миллионах душ, потому что выразила всю суть настоящего времени. Всю нашу боль и борьбу, всю нашу решимость и надежду. Показала всему миру, что мы выстоим в навязанном нам противостоянии, выстоим — и победим!

Неожиданным откликом на эту великолепную песню прозвучали слова президента Путина, сказанные 28 ноября с высокой трибуны XXV Всемирного Русского Народного Собора: «Русский мир — это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас. Русский мир — это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращает, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава. Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности. Но хочу подчеркнуть: без русских как этноса, без русского народа нет и не может быть Русского мира и самой России». Слова, прямо скажем, долгожданные, но пришедшиеся, как и песня, как нельзя вовремя.

Путин, однако, на этом не остановился, а продолжил тему на пресс-конференции 14 декабря, посвященной итогам года: «По поводу советов, напутствий: надо верить в великий русский, российский народ, в этой вере залог успеха в возрождении, в становлении и развитии России», — сказал он в ответ на вопрос, какой совет он дал бы себе в 2000 году, заступая впервые на пост президента. Конечно, он мгновенно политкорректно поправился насчет «российского» народа, но первым-то с его уст сорвалось слово «русский», а первое слово, как говорится, дороже второго.

Оба выступления Путина, последовавшие с всего лишь двухнедельным перерывом, — это не только и не просто привычная пропагандистская «артподготовка» перед президентской кампанией, это показатель важного поворота во внутренней политике. В данной связи надо вспомнить, что летом

2020 года именно по инициативе президента в конституцию было внесено представление о русских как о государствообразующем народе России (президент, кстати, не случайно напомнил об этом в том же выступлении на ВНРС). Это вызвало у некоторых критиканов бурю негодования; представители татарской общественности во главе с депутатами Меджлиса даже обратились в Конституционный суд с просьбой установить соответствие этой поправки Конституции России. И 16 марта 2020 года произошло поистине историческое событие: Конституционный суд вынес разъяснение, что — да, именно русский и никакой другой народ является единственным государствообразующим народом России.

Всё это говорит о том, что «поворот к русскому» назначен и вдохновлен с самого верха нашей общественной пирамиды, а потому, как это обычно случается в России, он имеет шанс на успех. Теперь только от нас, самих русских, зависит, чтобы этот импульс не пропал втуне, не ушел в вату, чтобы он получил развитие. Например, в виде каскада законодательных актов, вытекающих из официально признанного положения государствообразующего народа. Об этом пора говорить всем, везде и всюду во весь голос. И не просто говорить, а и предлагать необходимые законы, начиная с закона «О русском народе», который уже был однажды подготовлен Комитетом по делам национальностей Госдумы, но потом положен под сукно по велению В.Ю. Суркова. Или с закона «О разделённом положении лезгинского, осетинского и русского народов и их праве на воссоединение», давно подготовленного русской общественностью. Будь этот закон своевременно принят, никому не понадобилось бы объяснять, «что мы забыли» в Крыму или Новороссии.

Но законодательная инициатива — это не всё, что требуется от русского актива, есть и другие насущные задачи. К примеру, напомним, что наша эпоха не только возродила слово «нерусь», но и породила замечательно точный и выразительный термин «вырусь» — то есть человек, родившийся русским, но не помнящий родства, не знающий и не желающий знать своего кровного призвания, о котором поет Шаман. Человек, формально русский, но предающий свою кровь, свою национальность, свое русское племя. Сколько их, таких, нынче развелось! Как надо нам чистить свой народ! Или, по крайней мере, прочищать мозги выруси (не говоря о простых несмышленишках), которую мы встречаем во всех слоях и поколениях общества. Вот этой чисткой нам непременно придется заняться в виду окончательной консолидации народа и одержания победы через это.

Вновь скажу, что надо поблагодарить судьбу, пославшую нам СВО для пробуждения и возмужания. Процесс трудный, болезненный (потери заставляют сердце истекать кровью), но совершенно необходимый, как бывает необходима дорогая и опасная операция на нездоровом организме. Главное — чтобы наши потери и убытки не пропали даром, а принесли победу..

В завершение этой темы напомним, что такой же «поворот к русскому» недаром совершил Сталин в 1930-е годы в предвидении тяжелой войны с Западом. Потому что русский здоровый, правильный национализм, то есть любовь к своему народу, — это был тогда и всегда будет необходимый фактор нашей победы, без которого — никак.

Итак, перемены во внутренней политике, открывающие для Русского движения новые перспективы, не случайны, и 2023 год лишь вывел русский вопрос на новый, более высокий уровень.

Миграционная проблема

Одной из сторон русского вопроса давно уже стала проблема миграции нерусских контингентов в Россию, как легальной, так и нелегальной. Но 2023 год вывел дискуссию по данному поводу на новый уровень — как по накалу страстей, так и по уровню осмысления. Да и по уровню участников дискуссии, к которой подключились высшие чины многих правоохранительных органов, депутаты, члены общественных организаций и пр. Были попытки даже со стороны руководства и МИДа Таджикистана вмешаться в положение дел внутри России в связи с наведением порядка среди мигрантов. То есть проблема неожиданно вышла на международный уровень.

Знаковым и рубежным стало октябрьское прошлого года выступление Патриарха Кирилла в Педагогическом университете, где он напомнил, что ядром России «является русский народ», и что «если иная вера, иная культура будут так распространяться, что в какой-то момент они сравняются или, не дай Бог, станут доминировать, то мы потеряем страну, мы потеряем свою идентичность». Говоря о мигрантах, он подчеркнул: «Такого рода люди не становятся нам близки ни по вере, ни по культуре. У них своя вера и своя культура» и предостерег: «Межрелигиозная, межнациональная напряженность, которая в будущем может очень сильно ранить наше общество, формируется как бы из мелочей, которые сейчас очевидны, но завтра эти мелочи окажутся уже не ме-

лочами». Патриарх не обинуясь указал на главную опасность, которую несет с собой увеличение численности мигрантов: «Речь идет о демографических процессах, которые могут радикально изменить природу нашей страны и нашего государства».

Вслед за Патриархом коснулся мигрантской темы и президент Путин, который стал самым высокопоставленным участником общественной дискуссии. На декабрьской пресс-конференции под титлом «Итоги года с Владимиром Путиным» он, отметив, что количество мигрантов в России уже, возможно, превысило 10 млн. человек, высказался двояко, в своей излюбленной манере. С одной стороны, в коротком спиче по поводу мигрантов он дважды подчеркнул, что проблемы экономики и рынка труда не должны решаться «в ущерб коренному населению России» и что «представители всех направлений и уровней власти» должны прежде всего «руководствоваться интересами местного населения, граждан Российской Федерации». И нужно, «чтобы все мигранты, без всяких сомнений, уважали все законы и традиции народов Российской Федерации. А соответствующие органы власти следили бы за соблюдением и своевременно бы реагировали на нарушения». Но с другой стороны, он выступил за адаптацию семей мигрантов в российское общество: «Надо создавать человеческие условия для этих мигрантов. Я здесь видел на экранах вопрос: сколько мы будем тратить денег на решение социальных вопросов членов семей мигрантов? Да, конечно, я понимаю чувствительность этого вопроса, но разве будет лучше, если мы вообще бросим этих людей — детей, жен мигрантов... Во что это превратится? Нам лучше влиять на них».

Как видно, у Путина даже в мыслях не возник вопрос: а что тут, в нашей России, делают жены и дети мигрантов, зачем они нам здесь нужны? Почему мы должны на них как-то «влиять» и тратиться вместо того, чтобы просто не допускать их в нашу страну, где они — незваные гости, явно лишние? Может быть, Путин хочет решить вопрос «по-христиански» или по-общечеловечески? Одну такую общечеловеческую христианку мы уже видели — Ангелу Меркель, которая сдала свою родную Германию на произвол цветных банд. Причем из самых лучших и высоких христианско-демократических побуждений и соображений. Она самонадеянно твердила: мы-де с этим справимся. А теперь немцам обратно уже не отыграть, это конченная нация, которой нет спасения. Боюсь в этой связи, что в рамках христианских подходов, христианской морали данная проблема не может быть решена в принципе.

Однако слова — словами, а дела — делами. Не успели ин-формагентства разнести весть о том, как президента заботит положение семей мигрантов в России, как тот же Путин подписал 25 декабря один за другим два закона, которые мигрантов отнюдь не порадовали. Во-первых, это закон об изменении правил выдачи материнского капитала. А во-вторых — закон об изменении правил депортации мигрантов.

Дело в том, что многие мигранты приезжают в Россию, уже имея детей у себя на родине. И все предыдущие годы выходцы из республик Средней Азии и Кавказа по упрощенной схеме получали здесь наше гражданство и сразу подавали документы на получение материнского капитала на всех своих несовершеннолетних детей, в том числе рожденных на территории других стран. После чего совершенно легально получали довольно крупные денежные суммы. Возник целый промысел под названием «родовой туризм», весьма прибыльный для «туристов», но убыточный для России и ее граждан, чьи налоги уходили на содержание пришельцев.

Но теперь, с 1 января 2024 года, эта халява закончится. И материнский капитал будет выплачиваться только если ребенок является российским гражданином по рождению и только родителям, имеющим гражданство России на момент рождения ребенка. А те, кто родил детей у себя дома в Средней Азии или Закавказье, а потом переехал в Россию, получил здесь гражданство и присосался к российскому бюджету, потеряли дармовую кормушку. И даже если у него здесь, в России, еще кто-то родится, то на предыдущих детей ему выплат не положено. Профессор Финансового университета при правительстве России Александр Сафонов считает, что все эти меры дадут ежегодную экономию в десятки миллиардов рублей.

Забавно, но мигранты, внимательно следившие за пресс-конференцией Путина и заранее знавшие о готовящемся законе, написали в чате под трансляцией: «Мат капитал срочно не запрещать таджикам и узбекам они любят России» (сохранена орфография этих «граждан России»), — сообщил Первый русский канал «Царьград». Что ж, кошка всегда знает, чье мясо съела.

К сожалению, Госдума отклонила предложение депутата М. Матвеева, чтобы маткапитал выдавался только людям, не имеющим второго гражданства и не обремененным двойной лояльностью. Это также сэкономило бы нам немало бюджетных средств, да и политически было бы верно.

Что касается второго закона, то перед нами — сильно затянувшееся решение вопроса, поставленного давным-дав-

но, еще в ноябре 2017 года (внесен в Госдуму правительством). Суть его в том, что иностранцы (мигранты и лица без гражданства), помещенные в спецучреждения, не должны находиться там свыше двух лет. В случае, если они подлежат выдворению, судья может по ходатайству судебного пристава-исполнителя или уполномоченного должностного лица назначить срок содержания под стражей не более 90 суток. Кроме того, документ позволяет заменять депортацию штрафом до 50 тысяч рублей либо обязательными работами на срок до 200 часов, если суд посчитает выдворение мерой, ограничивающей право на уважение частной жизни, а также в случае отказа другого государства принять человека. Однако заменять выдворение штрафом не планируется для нелегальных мигрантов, а также лиц, виновных в нарушении правил поведения на официальных спортивных мероприятиях, в пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений и так далее.

Миграционная проблема, резко обострившаяся в 2023 году, вызвала к жизни два важных последствия, оба пролонгированного действия.

Во-первых, она стала козырной политической картой, которую охотно разыгрывают государственные и общественные деятели разных рангов, объединившие свои голоса в согласном хоре, создавшие популярный политический тренд. Правду сказать, численность мигрантов и новых нерусских граждан России (одних только таджиков в 2023 году получило российское гражданство свыше 100 тысяч) давно превысило все пределы допустимой концентрации. Выросло количество преступлений, совершенных мигрантами, их поведение часто становится наглым, вызывающим, нередко попытки приезжих диктовать свои порядки местным жителям — причем с позиций воинствующего ислама. Насилие, этнический и религиозный фанатизм, откровенная русофобия — всё это вызывает законное и справедливое возмущение коренного населения, причем в таких масштабах, что любой более-менее чуткий политик не может не реагировать на это. И мы слышим соответствующие заявления то от главы МВД Колокольцева, то от главы СК Бастрыкина, то от руководителя ЛДПР Слуцкого, то от главы Национального антикоррупционного комитета Кабанова, не говоря уж о фигурах меньшего масштаба. Заявлениями дело не ограничивается: следуют обширные полицейские рейды, отлов и депортация нелегалов и т.п.

Волна возмущения, в которой объединился порыв населения снизу и политический расчет сверху, не собирается, я

думаю, спадать и будет приводить всё к новым последствиям. Поскольку проблема реальна, долгосрочна, значительна и опасна для общества (мы это видим на опыте Европы и США), значит, дело тут не может ограничиться краткосрочной кампанией. Так что инициативы по пресечению мигрантского беспредела наверняка будут поступать еще и еще.

Большой резонанс вызвало, к примеру, предложение депутатов мобилизовать и отправлять в зону СВО мужчин призывного возраста из числа мигрантов, получивших гражданство России. Стал нашим гражданином — будь любезен, ступай в военкомат, вставай на учет (когда началась эта кампания, многие новоявленные наши сограждане побежали к себе домой: получать деньги в России — это всегда пожалуйста, а в российской армии служить — это увольте). Власть должна тут быть бескомпромиссна.

Или вот: в Госдуме уже предложили отменить безвизовый режим со странами Средней Азии и начать высылать мигрантов из России семьями, если один из них совершит преступление. Кстати, всего в 2023 году из России было депортировано 15 тысяч мигрантов. Между прочим, введение визового режима — давнее требование Русского движения, но до поры оно было гласом вопиющего в пустыне, а теперь время пришло. Хочется верить, что визовый режим будет, наконец, введен. Это решение давно назрело.

Итак, констатирую: идея приведения мигрантов к ограниченному числу и к соответствию законам и обычаям России стала важным инструментом, мобилизующим политический и электоральный ресурс страны. Политик, пренебрегший этим вопросом, не имеет сегодня перспектив.

И здесь необходимо сделать логический переход и вновь вернуться к русскому вопросу.

Итак, во-вторых: на волне сопротивления коренного населения мигрантскому беспределу оживилось и обновилось Русское движение. Это уже вторая волна процесса, первая была в 2000-е годы, когда возникло явление скинхедов — русских партизан — и русское подполье, а также самое большое, организованное и мощное объединение русской молодежи — Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) во главе с братьями Александром и Владимиром Поткинскими (они же Белов и Басманов). На схожих позициях стояли Русское общественное движение во главе с Константином Крыловым и Натальей Холмогоровой, а также Славянский союз во главе с Дмитрием Демушкиным. Со временем последний объединился с ДПНИ в организацию «Русские». Но всё это было сурово подавлено сверху, полицейскими мерами: по-

рядка 2000 русских ребят, включая Белова и Демушкина, было отправлено в тюрьмы и на зону, Крылов по «русской» 282 статье был приговорен к общественным работам, остальных разогнали, заставили поспрашивать и оставить политику. К 2015 году всё было кончено. Население, оставшись без защитников, не могло сопротивляться беспределу «иностраных специалистов», которые стали наводнять Россию и диктовать тут свои порядки. Следствием чего во многом и явилось то нетерпимое положение в обществе, о котором теперь говорят с высоких трибун.

Но свято место пусто не бывает. В 2023 году о себе громко заявили новые организации русских, которые действуют грамотно и эффективно, явно с учетом прошлого опыта, хотя возглавляют их новые люди, а не ветераны Русского движения. Это, в первую очередь, такие объединения, как «Северный человек», «Русская община» и др. Особенное внимание привлекает организация «Северный человек», во главе которой стоит дипломированный юрист, спортсмен и популярный рок-музыкант и блогер, выступающий под псевдонимом «Миша Маваши» («маваши» — это специальный удар в одном из восточных единоборств). Имея филиалы в примерно 70 регионах России, эти люди ведут грамотную легальную борьбу против мигрантского беспредела и продажных полицейских и чиновников, покрывающих этническую преступность. Они обеспечивают защиту, в том числе юридическую, и оказывают материальную помощь лицам, пострадавшим от приезжих инородцев. И делают это настолько грамотно, что вынуждают власти разных уровней не только мириться с их деятельностью, но и идти на сотрудничество. Во многом потому, что значительная часть сотрудников правоохранительных органов — тоже русская по происхождению и внутренне сочувствует борьбе с деструктивным антирусским элементом. Аналогичным образом, пусть и не так эффективно, действует «Русская община», выдвигающая следующие требования: «запретить выдачу гражданства трудовым мигрантам — только рабочие визы; провести ревизию присвоения гражданства 100 % получивших гражданство РФ, а те, кто получил его незаконно, должны быть привлечены к уголовной ответственности и депортированы; немедленно депортировать семьи мигрантов с территории РФ после любого административного нарушения, совершенного любым членом семьи; всех, не работающих официально на предприятиях РФ иностранцев, отправлять обратно на историческую родину; прием иностранцев в ВУЗы РФ только на общих основаниях, без всяких квотных привилегий; жесточенная

ответственность чиновников, нарушающих миграционное законодательство».

Признаем разумность и законность данных требований, с которыми невозможно не согласиться. Внутренняя правда, которая стоит за словами и делами «Северного человека» и «Русской общины», позволяет им добиваться соблюдения законов не только от мигрантов, но даже от некоторых безответственных чиновников и правоохранителей, забывающих о своих прямых обязанностях. Резонансом становятся уголовные дела, которые возбуждаются Следственным комитетом и Прокуратурой против тех, порой высокопоставленных, лиц и даже депутатов, которые с корыстной целью организовали незаконное прибытие в Россию и получение гражданства сотням тысяч (!) мигрантов из ближнего зарубежья. Эти громкие уголовные дела — отрадная новация, которой должен быть помянут 2023 год. Отрадно прежде всего то, что власть и народ выступают тут заодно, и можно надеяться, что такого противостояния между ними, каким были отмечены 2000-е и 2010-е годы, больше не будет, а будет сотрудничество в той или иной форме. Лишь бы не было слишком поздно.

Для меня несомненно, что и в этом отразилась СВО, резко стимулировавшая пробуждение национального самосознания русского народа в условиях защиты и продвижения концепта «Русского мира». Русские организации просто обязаны поймать эту волну и на ней влететь в политическое пространство России, чтобы в нем закрепиться и начать новый подъем. Я желаю «Северному человеку» и «Русской общине» дальнейших успехов с опорой на опыт ветеранов Русского движения.

Законы против ЛГБТ

Коль скоро в повестку дня встал вопрос об очищении российского общества, и это движение стало мейнстримом минувшего года с переходом в год 2024-й, то необходимо отметить законы, принятые в защиту элементарной человеческой нравственности. Против грязи и мерзости, к каковым я, вслед за нашим президентом, нашими законодателями и всеми нормальными людьми, отношу сторонников «однополой любви». Я был едва ли не первым, кто поднял этот вопрос в российской прессе, опубликовав еще в 1995 году статью «Агрессивное меньшинство, или Заговор педерастов», которую перепечатывали многие издания. Статья заканчивалась такими словами: «Я не призываю к расправам, к гетто, хотя

необходимость и правомерность лепрозориев для прокаженных не оспаривает, кажется, ни один разумный человек. Что же в таком случае делать, чтобы остановить «злонамеренную эпидемию», чтобы не потерять уже в ближайшем будущем сыновей, братьев, внуков?.. Мир гомосексуализма — это своего рода тень нормального мира. Мы не должны позволять никому дурачить нас и маскировать эту сущность. И мы должны иметь твердость и сознание своей правоты, чтобы сказать, глядя в глаза этой тени, заносчивой и хищной: «Тень, знай свое место!». Невероятно, но мне, кажется, удалось дожить до реализации этого пожелания, чему я очень рад.

5 декабря 2023 года в силу вступили подписанные президентом законы «о запрете ЛГБТ-пропаганды», как их именует пресса вслед за авторами законопроектов. А если брать точную формулировку оригинала — 1) о «запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, педофилии и смены пола»; 2) о запрете распространения материалов, которые «пропагандируют нетрадиционные сексуальные отношения или предпочтения», в рекламе, книгах, кино и СМИ.

В отличие от действующей статьи 6.21 КоАП РФ, новые законы запрещают — и это очень важно! — пропаганду ЛГБТ среди граждан любого (!) возраста, а среди несовершеннолетних — еще и демонстрацию, в том числе изображение (!) и описание словами. Под это определение подпадают, кстати, публичные лекции, в том числе в интернете. Кроме того, добавился запрет на пропаганду смены пола.

Соответствующие изменения внесли в пять законов: об информации, СМИ, государственной поддержке кино, рекламе и защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Безусловно, судебная практика по новым статьям потребует осмысления и, скорее всего, разъяснений Верховного или Конституционного суда. (К примеру, в 2014 году Конституционный суд постановил, что научные исследования, произведения искусства и публичные обсуждения не противоречат закону.) Хотя бы потому, что в принятых законах нет четких определений «нетрадиционных сексуальных отношений», «смены пола» и «распространения информации», и судьям придется принимать решения, исходя из собственных представлений обо всем этом. Но это не беда, лишь бы неуклонно двигаться дальше в намеченном направлении.

К сожалению, ответственность за ЛГБТ-пропаганду пока что остается лишь административной, поскольку Госдума отклонила поправку, которая вводила бы уголовное наказа-

ние за неоднократные штрафы по статьям КоАП РФ за ЛГБТ-пропаганду. Но лиха беда начало, возможно, мы и к этому придем. А тем временем штраф за пропаганду педофилии в интернете вырос для граждан до 800 000 руб. (рекорд для физических лиц). Для бизнеса альтернатива штрафу в размере от 800 000 до 5 000 000 руб. — приостановка работы на срок до 90 суток. За другие виды пропаганды штрафы меньше, но всё же чувствительны: за ЛГБТ-пропаганду среди взрослых штраф от 50 000 до 100 000 руб., а если среди несовершеннолетних, то от 100 000 до 200 000 руб. Штрафы за пропаганду в интернете еще выше.

Приятно было прочитать, что наказание налагается и на иностранцев (кто же не знает, сколько их, представителей нетрадиционной ориентации, орудует в России, распространяя, как заразу, свои омерзительные вкусы), причем их могут не только оштрафовать, но и дополнительно выдворить из РФ или вместо штрафа арестовать на 15 суток, а уже потом выдворить.

Законы еще только-только приняли, а многие осиные гнезда российского книжного бизнеса, без зазрения совести делавшие деньги на распространении именно запретной отныне литературы, уже засуетились, зажужжали, почувствовав опасность. Приостановлены некоторые продажи магазина «Лабиринт» (например, скандально знаменитых книг «Лето в пионерском галстуке» и «Щегол»). Издательство *Popcorn Books*, которое специализируется на таких темах, как проблемы самоидентификации, расизма, сексизма и отношения к собственному телу, пообещало, что их книги с ЛГБТ-персонажами больше не будут продаваться. Книжный сервис «Лайвлиб» убрал с сайта две книги (в том числе «Лето в пионерском галстуке»). И т.д.

Процесс, как говорится, пошел. Он коснется и кино; многие фильмы, надо надеяться, просто не смогут получить прокатное удостоверение.

Напомню, что президент в своей речи на Русском Соборе объявил, что «уже подписан Указ: объявить 2024 год в России Годом семьи». Вот и хорошо, всё одно к одному. Ведь семья, во всяком случае в России, — это папа, мама и дети, которых надо защитить от гнили и болезни, поразившей страны западной демократии. Что и делают новые законы.

О международном контексте

До недавнего времени мировая повестка дня определяла для нас российскую повестку, и свой ежегодный анализ я

обычно начинал с нее. Сегодня все изменилось: Россия сама стала оказывать влияние на международную жизнь, исходя, наконец-то, из собственных интересов и приоритетов, как подобает суверенной стране. Президент Путин, начавший 24 февраля 2022 года СВО, сломал привычный алгоритм и проложил реальную дорогу к многополярному миру.

Не буду много говорить здесь о том, какое бешеное возмущение вызвала у т.н. хозяев мира — стран Запада, то есть США и их сателлитов — решимость России быть собой, идти своим путем, стремиться к достижению собственных целей и решать свои задачи без оглядки на Вашингтон. Это и так всем видно через наблюдение за украинским полигоном.

Скажу лишь, что процесс перехода от всевластия США к многополярному миру, инспирированный Россией, явно набирает обороты. И каждый такой оборот — нам на руку, будь то мировое сокращение долларového обращения, или тенденция к расширению БРИКС, или события на Ближнем и Дальнем Востоке, или консолидация стран бывшего «третьего мира» (Африки, Азии и Латинской Америки), объективно направленная против американской и в целом западной гегемонии. Всё отмеченное и кое-что неотмеченное — элементы единого процесса, который в общем внушает надежды. Остановлюсь поэтому лишь на паре моментов.

Во-первых, заслуживает внимания выход ряда стран Африки из зоны влияния Франции, что лишает последнюю важнейшего ресурса в виде урановой руды и может критически ослабить ее экономику и, соответственно, позицию в ЕС. А поскольку порыв африканцев к суверенитету во многом опирается на вооруженную силу российских ЧВК, всё это обостряет российско-французские отношения. Что выражается в упертой позиции французского правительства, обвиняющего Россию в агрессии и всемерно помогающего воюющей с нами Украине. Воевать с нами Франция не может сама ни в Африке, ни в Европе, но делает это руками украинцев.

Франция, ее отношение к России важны не только сами по себе, но прежде всего потому, что она — влиятельный член ЕС. Ее ослабление нам лишь на пользу. Но надо, к сожалению, признать: не только Франция, а и почти весь Евросоюз занял такую же непримиримую позицию по отношению к России. И дело, на мой взгляд, не только в том, что эти сателлиты США дружно выполняют волю хозяина. Но еще и в том, что историческая память европейцев не может простить нам подвига советского народа, разгромившего Гитлера и тем самым лишившего Европу «счастливого» будущего. Ведь не просто так вся Европа, кроме Великобритании, поддержива-

ла Германию во Второй мировой войне — поскольку им, западноевропейцам, Гитлер обещал светлые перспективы, в отличие от славян, которых не ждало ничего хорошего. Поэтому сегодняшняя бандеровская Украина, открыто выступающая в качестве идейной наследницы третьего рейха, вызывает у европейцев симпатию и чувство солидарности вместе со смутными мечтами о реванше. Отсюда и всемерная поддержка киевского режима — не только по указанию Вашингтона.

Неудивительно, что Россия вынуждена противостоять странам ЕС фронтально, в том числе в Африке и где бы то ни было еще. Пока нам сопутствует успех в этой необъявленной мировой войне. Уйти от нее в сторону мы не можем, остается побеждать. Не впервой. Надеюсь, что, победив на Украине, мы заставим Европу одуматься.

Во-вторых, неожиданным событием, объективно играющим нам на руку, оказался взрыв арабско-еврейской затаившейся ненависти, чреватый затяжной арабо-еврейской войной. Для нас, объективно равноудаленных от евреев и арабов, главный смысл события в том, что внимание и силы Запада во многом вынужденно переключились с Украины на Ближний Восток. Чем дольше будет длиться там конфликт, чем больший размах и ожесточение он примет, тем меньше помощи от Запада получит Украина, а мы в этом кровно (буквально кровно) заинтересованы. Не мы сотворили ближневосточный конфликт, так что ничто не мешает нам пользоваться теми преимуществами, которые он для нас создает.

В-третьих, главные события, которыми определяется наше будущее, это, конечно же, события не в Африке или Израиле, а в Китае. Поэтому надо отметить такие важнейшие моменты, как укрепление позиций Си Цзиньпина на внутривнутриполитическом поприще, упрочение русско-китайских отношений, твердость и непреклонность председателя Си, проявленная в переговорах с Байденом, однозначная ориентация КПК на воссоединение с Тайванем. Россия, что скрывать, ждет этого воссоединения с нетерпением, как манны небесной, поскольку такое событие изменит международную обстановку в нашу пользу гораздо сильнее, чем ближневосточный конфликт (это как водородная бомба в сравнении с атомной). 2023 год явно обозначил движение в данном направлении. Конечно, всем известно, что «Китай умеет ждать», но вряд ли придется ждать слишком долго. И председатель Си не может не понимать, что тайваньскую проблему нужно решать, пока Запад завяз на Украине и в Израиле, потом может быть поздно.

Напоследок — пару слов об Америке, где обратная тень от грядущих президентских выборов уже накрывает страну, которую начинает лихорадить. Пока что явно определились оба лидера гонки — Трамп и Байден, что бы о них ни думать, и при этом Трамп на данном этапе обгоняет, по опросам, Байдена. Напрягается в данной связи весь мир, потому что все ждут от президентства Трампа, буде оно состоится, значительных, даже судьбоносных политических перемен. Мы помним по его прежней каденции главную внешнеполитическую линию, предложенную им США: отказ от мировой гегемонии и сосредоточение на внутренних национальных проблемах (национальных в обоих смыслах слова). Для России это было бы однозначно благом, совпадая по вектору с нашими стратегическими интересами да и с требованием момента мировой истории. Но для всего мира это будет означать серьезную перенастройку как глобальной, так и региональной политики. Так что если в первый раз Трампа нередко воспринимали как нечто не очень-то серьезное, маргинальное, то на этот раз он становится глобальным фактором Большой игры. Потому что осознанный курс на маргинальность, если он будет принят Америкой, заставит менять правила игры, прежде всего в Европе, а там и во всем мире. Так что пожелаем Трампу удачи.

На мой взгляд, 2023 год был «подготовительным», «прове­рочным», в ходе которого сформировались и проявились важные тенденции, которым предстоит развернуться и сработать в полную силу в 2024 году. Главная из них — консолидация России и ее стремление к самоочищению и оздоровлению.

ЗАКЛИНАНИЕ СТАРЫХ МОГИЛ

РАССКАЗ

1

Шали медленно освобождался от тягучей липкости сновидения. Вначале он увидел уголок окна, потом всё окно, окрашенное в серый тяжеловесный цвет, потом стол и кровати, кровати...

Шали перевел взгляд на ближнюю кровать, где лежал желораненый швед Соберг, и увидел, что он с головой укрылся белой простыней.

— С чего бы ему так укрываться? — подумал Шали. И тут же внезапно понял: Соберга больше нет. Есть его труп, который вот-вот должны унести санитары.

И действительно, почти тут же пришли два пожилых санитары в коричневых халатах, смахивающих на сирийских туркмен, и унесли Соберга на носилках.

— Вот и еще одного не стало. Хороший был волонтер, отзывчивый и смелый. На родине у него осталась мать с младшей сестрой. Интересно, как сообщат о его гибели? Или никак? Странно, что Соберг никогда не говорил, есть ли у него девушка.

ПРОЗА

Запоздало почувствовался трупный запах. Шали подумал, что его не должно быть, прошла только ночь, как умер Соберг. Нервы ни к черту. Пора бросать эту чёртову работу. Он все еще лежал на кровати, думал о судьбе таких, как Соберг, о себе, о бесконечных, жестоких войнах то там, то здесь, о деньгах, которые ему должны заплатить за ранение, сверхположенных по контракту. Рана, признаться, была пустяковая, бывает и похуже, как у Соберга, но если предусмотрено, что за ранение в боевых условиях положено платить, то неважно, какое ранение: деньги на бочку.

Потом он стал думать о завтраке, что бы ему хотелось, как почти тут же подошла санитарка, укутанная в белый балахон, закрывающий всю ее, кроме глаз, по которым Шали понял, что ей вряд ли больше тридцати. Она сказала на скверном английском:

— Ээр, что вам принести?

— А что у вас есть?

В другой раз Шали перекинулся бы с ней фривольной шуткой, но сегодня, после того, как не стало Соберга, он был настроен мрачно. Санитарка назвала сок манго, рис и лепешки.

— Принеси сок и лепешку.

Едва она ушла, как пришла другая и стала перестилать кровать Соберга.

«Значит, — подумал Шали, — будет пополнение. Хорошо бы француз, а то я скоро разучусь говорить на родном языке».

К вечеру с помощью солдата-араба приковылял с забинтованной ногой по самый пах среднего роста блондин лет сорока. Шали подмывало спросить, откуда он, сразу же, как только тот лег в постель, но это ему показалось неприличным, и Шали дождался ужина, когда им принесли по тарелке мжадары и по нескольку абрикос.

— Откуда, приятель? — сказал Шали по-французски как можно деликатней, хотя он этому почти разучился.

Сосед ничего не ответил, и Шали повторил вопрос по-английски.

— Из Дери, — так зачастую наемники называли город Дерья, — откуда же еще? — на плохом английском ответил сосед.

— Роберт, — протянул он руку Шали.

— Шали. Вы немец?

— Нет. Поляк из Кракова.

— А я думал, что вас привезли из Абу-Кемаля.

— Не люблю пустыню. Лучше сидеть на раскаленной сквороде, чем воевать в песках.

— Значит, вы из оппозиционных? Как же вас привезли сюда, в сирийский госпиталь?

— Так уж вышло, — грубовато ответил сосед и принялся за ужин.

Наскоро проглотив его, Роберт, как бы извиняясь за несдержанность, предложил:

— Давай, приятель, обращаться попроще. Мы же не военные дипломаты, чтобы строить из себя аристократов.

— Согласен, — улыбнулся Шали, — я тоже так думаю.

— Ты давно здесь?

— Десять дней. Обещают через пару недель поставить в строй. Рана так себе, но могло быть и хуже, если бы не повезло. Главное — осколок не задел сустав, хотя и вырвал из предплечья кусок мяса.

— Вот и у меня пуля прошла насквозь под самым задом. Если бы не большая потеря крови и потеря сознания, я вряд ли бы оказался здесь. Думаю, что со мной не будут долго возиться.

— Ну да. Здешние хирурги умеют латать дыры в теле и отрезать лишние части. А если что посложней, то отправляют долечиваться к Господу Богу, как шведа, который лежал на твоей кровати еще вчера.

Шали замолчал, устав от столь долгого разговора, да и Роберт был тоже не прочь помолчать.

Перед сном медсестры осмотрели их повязки, сделали уколы и заставили выпить какую-то горькую жидкость.

Ночь наступила мгновенно. Шали никак не мог привыкнуть к почти внезапному наступлению темноты. Вот, кажется, только что было еще светло, а через пятнадцать минут ночной мрак полностью поглощал окрестность. Как будто опускал кто-то черные небесные шторы. Жизнь практически замирала, особенно здесь, в госпитале, и только бесшумные тени медсестер да редкие стоны раненых нарушали ночной покой.

Шали лежал и думал, что делать дальше, когда он выйдет из госпиталя.

Гражданская война в Сирии затягивалась и становилась все кровавей. Увеличился поток беженцев из крупных городов, и помогать им переносить тяготы их неизбежного ухода из родных мест в соседние государства становилось все тяжелее и опаснее. Их толпы, где в основном были старики, женщины и дети, понуро идущие по дорогам пустыни с навьюченными животными или тележками со скарбом, бомбили и обстреливали оппозиционные войска.

Шали видел разорванных в клочья детей, старух, проклинающих убийц, и тупо, бессмысленно глядящих себе под ноги седых стариков.

Когда он вступил в ряды волонтеров Международного Красного Креста, он попросил направить его в Сирию. В немалой степени Шали привлекало прошлое этой страны, и ее нахождение когда-то в составе Франции, и победы генерала Шарля де Голля в войне с фашистской Германией здесь, на полях Сирии, и непримиримость сирийцев к Израилю, захватившему Голландские высоты, и отношение правительства Асада к своему народу. Правда, последнее он узнал здесь от местных жителей. По закону им полагалось бесплатное образование, медицинская помощь, и даже пенсия умершего главы семьи выплачивалась его жене или детям, если жены не было. Шали сперва даже не поверил этому, но всё оказалось правдой.

Ему нравились простые сирийцы, хоть курды, хоть арабские туркмены, черкесы и армяне, и то, что в городах встречались католические храмы. И всё же видеть горе и смерть этих людей становилось совсем уже невмочь. В конце концов всем не поможешь. Он и так отдал этому два года, и теперь с чистой совестью может вернуться в свой родной город Гере, в родительский дом. И если встретит хорошую девушку, то и женится. Денег должно хватить и на свадьбу, и на небольшое дельце в Лиможе. Слава Богу, что ранение оказалось не опасным, но больше испытывать судьбу ему не хотелось. Уснул он с легкой душой и твердым решением вернуться во Францию.

Дня через два Шали и Роберт говорили между собой, как старые приятели. Роберт рассказал, что он еще во время службы в армии познакомился с ребятами, которые, уйдя в запас, через какую-то фирму в Кракове заключили контракты по оказанию военной помощи в странах Ближнего Востока. Деньги обещали хорошие, да еще сверхконтрактные за выполнение особых заданий.

— Они рекомендовали меня, и я был отправлен в Ливию инструктором. Сперва чуть не сдох от тоски, обучая тупых азиатов владению оружием. Но однажды напросился на особое задание. Я знал, что это такое. И после уже не мог жить без вылазок в тыл противника, засад, коротких схваток, когда перестаешь чувствовать страх, а кровь врага опьяняет и действует, как наркотик. И убийство становится просто работой, как любая другая. И неважно, что иногда большая часть группы не возвращалась. Ты жив, значит, победил.

У Роберта в глазах, когда он говорил об этом, поблескивали желтоватые точки, как бывает у собак, когда они рычат на чужого.

— Мне везло, — говорил он, — пока однажды в пылу боя не ранил случайно своего командира. Меня вернули в инструкторы, а потом и вовсе предложили Сирию. Я не представлял себе, что буду делать в Кракове, и согласился пойти в оппозиционную армию наемником. Постепенно азарт боя вернулся ко мне, и всё стало о'кей, как говорят наши друзья американцы.

Шали не понимал, шутит Роберт или нет, и осторожно спросил:

— Ты разве не видел, кого вы убиваете? Ты не видел разорванных минами детей и обезображенных женщин? Разве это может опьянять?

— Война есть война, а я просто солдат.

Шали, который насмотрелся этих ужасов, не стал продолжать разговор.

И в дальнейшем по молчаливому согласию они избегали разговоров о войне. И всё же однажды Шали сказал, как бы между прочим, что он признает участие только в справедливых войнах.

Через неделю им разрешили выходить на прогулку в прилегающий к госпиталю сад — уголок Гуты, зеленого пояса вокруг Дамаска. И всегда на небольшом отдалении маячил солдат регулярной армии.

Немного пройдясь по аллее, Шали и Роберт садились на скамью в тени оливкового дерева и рассказывали о своей жизни на родине, но чаще молчали, думая каждый о своем.

Во время очередного молчания Шали спросил однажды:

— Ты умеешь созерцать мир?

— Что это такое? Я вижу: вот дерево, вот идет человек, там, дальше, госпиталь, трава и цветы на газонах... А созерцать... Я и слова такого не знаю.

— Учитель Ашур мне говорил: «Тот, кто не умеет созерцать мир, живет напрасно». Я с ним познакомился здесь, в Сирии, когда мы несколько дней жили в небольшой деревне, ожидая колонну с продовольствием. Вот, посмотри: на скамье лежит каштан. Вглядишься в него, отмечая, какого он цвета, формы, что у него есть трещинка. Затем переведи взгляд на ствол оливкового дерева, и ты найдешь на нем похожие трещинки и цвет, а после посмотри на тропинку, что уходит от скамьи налево, и на ней будет что-нибудь общее с каштаном и деревом. Постепенно, переходя с одного на другое, ты увидишь их общность. Мир неделим. Он принадлежит всем: каштану, дереву, тропинке, тебе... И ты в нём, как часть целого, которое нельзя разрушить, не повредив себе.

Роберт рассмеялся:

— Большой фантазер твой учитель Ашур. Если я займусь этим самым созерцанием, то меня тут же укокошит какой-нибудь расторопный араб. Может быть, с девушкой на природе и можно этим заняться, если другого не умеешь делать.

Шали не стал защищать учителя, а продолжал с той же убежденностью:

— И еще говорил учитель Ашур, что время к нам приходит из прошлого, и тот, кто умеет понимать знаки, которые оно посылает нам, тот владеет будущим.

Нельзя клясть прошлое, чтобы тебя не прокляло будущее. И нужно его знать и помнить. Вот, например, ты помнишь своих предков?

— Каких предков? Отца и мать?

— Ну, их-то, я надеюсь, ты помнишь. А деда, прадеда, прапрадеда? Как они жили, чем занимались, где их могилы?

— Слушай, Шали. Какая муха тебя укусила? Или этот Ашур зашаманил? От этих азиатов всего можно ожидать.

Роберт поднялся со скамьи, потирая зажившую почти рану.

— Давай лучше пройдемся. Это полезнее, чем говорить о могилах предков.

— Как знаешь, — Шали не скрывал легкой обиды на поляка. — Неплохо бы знать, посмотреть хотя бы на те места, где похоронен твой прапрадед. Может, это помогло бы лучше понять настоящее...

...Прошла еще неделя. Врач, осматривая рану Шали, сказал что-то на сирийском и улыбнулся, похлопав по розоватому шраму на предплечье. А часа через два пришла женщина — представительница Красного Креста и почти официальным тоном сказала, что лечение благополучно завершено, и Шали может вернуться в свою группу или домой, во Францию.

— Мадам, я много думал о том, куда мне возвращаться, и решил, что мне не помешает небольшой отдых на родине.

Женщина сочувственно улыбнулась, взгляд потеплел, однако тон разговора не потерял своей строгости:

— Я так и предполагала. Вы, должно быть, устали от войны. Это естественно. Поэтому я приготовила для вас все необходимые документы. Правда, самолеты в Европу летают крайне нерегулярно, можно долго прождать случая. А вот в Москву летают почаще. Подумайте, как вам поступить.

— Спасибо, мадам. Я подумаю.

Женщина передала Шали пакет с документами и величественно удалилась в сопровождении медсестры.

После отбоя приятели долго не могли уснуть, ворочаясь и вздыхая, но почти не разговаривали, думая о предстоящих проблемах.

Шали, в конце концов, решил лететь в Москву и главной причиной этого выбора было желание посмотреть на те места, где воевал и погиб его знаменитый прапрадед, командир полка императорской армии Наполеона Бонапарта. Слова учителя Ашура о влиянии прошлого на будущее запали в душу Шали и то и дело вновь и вновь занимали его мысли.

«Нет, — решил он, — я все-таки должен увидеть те места, где покоятся косточки моего предка». И тут же ругал себя: что я привязался именно к нему? Разве мало других на кладбищах Франции? И всё же он не мог освободиться от странного предчувствия, что эта поездка повлияет на его дальнейшую судьбу.

У Роберта обстояло всё проще: сирийский офицер сообщил ему, что если он подпишет клятвенное обещание не воевать против Сирии, его просто депортируют из страны. Если же он такого обещания не даст, то его поместят в тюрьму как военнопленного.

Выбора не было. Конечно, свобода. И Роберт зло добавил: — И пошла она к черту, проклятая война!

При прощании он сказал Шали:

— Значит, по домам. Прощай оружие! Как сказал один любитель острых ощущений. Ну а ты что решил?

— Не знаю. Но скорее всего я поеду посмотреть, где покоятся косточки моего предка. В Москву. А там разберусь.

Роберт от неожиданности свистнул:

— Знаешь, если бы я занялся таким поисками, то мне пришлось бы обшарить пол-России и в придачу часть Европы. Мои предки только и делали, что воевали, и в основном с Россией. Так что желаю удачи. Не мешало бы нам, Шали, выпить на прощанье хотя бы араки. О виски я уже изрядно подзабыл.

— Да, — отозвался Шали, — я тоже не прочь выпить чего-нибудь покрепче. Все-таки госпиталь лечит не только тело, но и душу. И может быть, мы еще встретимся, как старые приятели за столиком уютного ресторанчика.

— Вряд ли. Я не могу тебе этого обещать, хотя ты и хороший парень и пришелся мне по душе. Но жизнь, Шали, гениальный комик, и не знаешь, что она выкинет.

2

В Московском аэропорту Шали встретила высокая, длинноволосая девушка в легкой курточке, которая держала в руках картонку с его фамилией.

Они познакомились, и Шали узнал, что Ольга представляет Красный Крест России, который входит в Международный Комитет Красного Креста. Ольга сказала, что их предупредили из Дамаска и попросили помочь французскому волонтеру в его розысках.

Машину вела сама Ольга и попутно рассказывала о Москве и ее достопримечательностях. Стояла прохладная, тихая осенняя погода, но даже сплошная облачность не могла приглушить краски своеобразной красоты старой Москвы.

Время от времени они попадали в плотный поток машин и двигались не быстрее пешехода.

«Совсем как в Париже после рабочего дня, — подумал Шали, — и вообще есть что-то общее в больших городах».

Гостиница оказалась вполне приличной с информационными указателями на двух языках — русском и английском, и это помогло Шали ориентироваться и после отъезда Ольги. Перед уходом она сказала, что утром за ним придет, а сегодня надо отдохнуть с дороги.

Шали поужинал в ресторане, разменяв доллары на рубли, принял душ и блаженно окунулся в прохладную свежесть просторной постели.

Утром его разбудил телефонный звонок, и немолодая женщина сказала на французском, что через час придет машина, чтобы привезти его в офис Красного Креста, где и будет составлена программа его пребывания в Москве.

Шали подумал, что часа будет, наверное, мало для сборов. К тому же ему хотелось купить что-нибудь потеплее его рубашки и свитера. На улице было вряд ли больше плюс десяти. Это не Дамаск, где хватало одной рубашки.

И действительно, душ и легкий завтрак в ресторане заняли почти час.

Едва он вернулся в номер, как снова позвонили и сказали, что на стоянке гостиницы его ждет темно-синяя «Тойота» с номером А50599.

На этот раз в машине был водитель и девушка, которая говорила на английском похуже Ольги. Шали пошутил, что Ольга вчера, наверно, устала от него и от работы одновременно водителем и экскурсоводом.

— Нет, просто у нее другие дела. А меня зовут Настей, и я буду сопровождать вас в поездках. Водителя зовут Алексеем, можно просто Леша, он еще молодой.

Леша повернулся вполборота и улыбнулся, сказав что-то по-русски.

До офиса добрались быстро, и Настя провела Шали в просторный кабинет, в котором за большим письменным сто-

лом, уставленном экранами, какими-то безделушками и стопками папок и бумаг, сидела пожилая женщина, очень просто и строго одетая. Она поднялась навстречу Шали и мило, по-домашнему поздоровалась на французском.

— Ко мне будете обращаться мадам Мария Викторовна или просто мадам Мария.

Потом были вопросы, как долетели, как чувствуете себя, не беспокоит ли рана, хорошо ли устроились в гостинице, не холодно ли вам в Москве, все-таки уже осень. Без теплой одежды не обойтись, а на вас только рубашка и свитер. Надо утепляться. Не нужна ли помощь в денежном вопросе и не хотите ли позвонить родным?

Шали был в растерянности от такого внимания к себе. Может быть, не за того принимают? Он просто волонтер — добровольный помощник несчастным жертвам войны. Нигде такого внимания к себе он не встречал.

— Итак, мсье Шали, какие ваши планы? — спросила Мария Викторовна. Мне сказали, что в 1812 году ваш предок воевал в составе наполеоновской армии.

— Да, мадам Мария. Я понимаю, что место захоронения не найти, но в нашем роду говорили, что он погиб в большом сражении под Москвой на каком-то поле. Мне бы хотелось увидеть это поле. И больше ничего. Я расскажу дома, что там сейчас.

— Я думаю, что это Бородинское поле. Там действительно было самое большое сражение той войны. И оно недалеко от Москвы. Мы дадим вам машину с водителем и экскурсоводом, и вы сможете увидеть место, где погиб ваш предок. Кроме того, я бы рекомендовала посетить Бородинскую панораму в Москве. Там вы, может быть, увидите своего предка с саблей в руках.

— Нет, мадам Мария, он был артиллеристом.

— Ну, это неважно. Теперь давайте решать проблемы, о которых я вам сказала.

Когда они уже заканчивали разговор, в кабинет вошла молодая женщина, сразу обратившая внимание на Шали. Ее правая бровь вопросительно поднялась, глаза приняли округлую форму и матово засветились. Она прервала фразу, с которой вошла в кабинет, и только после короткого молчания продолжила ее.

Шали ничего не понимал и только глупо улыбался, глядя на женщину.

Мария Викторовна лукаво посмотрела на вошедшую.

— Что же ты стоишь? Садись рядом с мсье Шали, он только вчера прилетел из Дамаска. Знакомьтесь, — она повела

взглядом на женщину, — это наша спасительница детей в Донцке, где сейчас идут бои. Она привозит тяжелораненых в Москву на лечение и скоро опять улетаеь в Донцк.

Шали протянул руку и представился, задержав слегка руку женщины.

Она ответила по-французски:

— Очень приятно. Меня зовут Татьяной.

— Я чрезвычайно рад, мадам, нашему знакомству, очень рад, — несколько раз повторил Шали.

— Мадемуазель, мсье Шали. Увы, так.

— Я рад еще больше, — смутился француз.

Татьяна обратилась к Марии Викторовне, и они стали говорить о чем-то по-русски.

Шали продолжал сидеть, не в силах уйти от этой удивительной мадемуазель с темно-голубыми глазами и стройной фигурой, которая угадывалась под ее удлиненным плащом.

Мария Викторовна, закончив разговор с Татьяной, снова обратилась к Шали.

— Мы обо всем договорились. Если будут вопросы, обращайтесь ко мне, — она протянула визитку, а сейчас отправляйтесь во французское консульство, а потом... словом, Настя вам поможет в ваших делах. До свидания!

— До свидания, мадам Мария! Я вам очень благодарен за внимание, за...

Шали не знал, как принято у русских благодарить, и закончил шаблонными словами:

— За ваши советы, за помощь...

Он вышел в приемную. И только тогда Мария Викторовна вполголоса сказала Татьяне:

— Смотри, девочка! Будь осторожной. Эти французы известные ловеласы.

— Что вы, Мария Викторовна, с чего вы взяли?

— Да уж взяла. Ну иди. У тебя еще много дел. А в Минздрав я позвоню. Всё будет улажено.

Шали как будто ждал Татьяну, сразу же подошел к ней и стал рассыпаться в любезностях:

— Вы так хорошо говорите по-французски, мадемуазель Татьяна. Вы учились или жили во Франции?

— Нет. Я изучала французский язык в институте, а потом с помощью Марии Викторовны. В Донцк я напросилась волонтером, чтобы помогать раненым детям. Вы слышали о Донцке?

Шали как будто вдруг вернулся на развалины дома в сирийском Абу-Кемале, где лежали трупы четверых детей, изуродованных взрывом мины. Он впервые тогда произнес про-

клятие убийцам, обратив искаженное гневом лицо к небу. И сейчас после слов Татьяны дрожь охватила его, и он не смог сразу ответить на ее вопрос:

— Что с вами?

Наконец, успокоив себя, он коротко ответил:

— Так, ничего. Воспоминания.

Подошла Настя.

— Мсье Шали, вы готовы ехать?

— Да. Только еще минуточку, и я буду у машины.

Он снова обратился к Татьяне, смущенно улыбаясь, как будто в чем-то провинился перед ней.

— Я бы очень хотел увидеться с вами. Может быть, вы покажете мне панораму? Или мы поужинаем сегодня вместе? Не бросайте меня одного в Москве.

Татьяна ответила подчеркнуто сухо:

— Во-первых, у вас есть Настя. А во-вторых, сегодня у меня много дел, а завтра не знаю, как сложится. Позвоните. У Насти есть мой телефон.

Шали не мог, не хотел остаться в неопределенности. Он продолжал искать возможность встретиться.

— А где вы остановились, мадемуазель Татьяна? Наверно, у друзей, у вас их так много.

Татьяна улыбнулась, поняв уловку Шали, но не стала изменять своему правилу: говорить всегда правду.

— Друзей у меня, как и у всех людей, немного. Но чтобы не стеснять их, я остановилась в гостинице. И машинально произнесла название отеля.

— Я тоже там проживаю, — обрадовался Шали, — это знак судьбы. В это нельзя не верить. Вы согласны?

— Не знаю. Это сложный вопрос. До свидания, мсье Шали. Вас ждут. В гостинице мой номер 512.

И она пошла по коридору в противоположную сторону от выхода.

...В машине, пробирающейся к французскому консульству, Шали спросил Настю:

— У вас все говорят на каком-нибудь иностранном языке? Я такого еще не встречал.

— Что вы, мсье Шали! Это большая редкость даже в Москве. Просто в нашей организации часто приходится работать с иностранцами, поэтому подбирают таких людей. А Мария Викторовна вообще свободно владеет пятью языками.

— Значит, мне просто повезло. Это тоже хороший знак, правда? — и он весело рассмеялся.

В консульстве довольно долго расспрашивали Шали о Сирии, как он туда попал, в какой группе Красного Креста

работал, просили назвать несколько фамилий и какие у него дальнейшие планы. Потом попросили подождать в соседней комнате.

Минут через сорок ему вручили временное удостоверение сотрудника консульства и пластиковую банковскую карточку.

— Надеемся, это поможет вам передвигаться без больших затруднений. Как только решите ваши проблемы, зайдите к нам сдать удостоверение и получить билет на родину, по которой, думаем, вы соскучились.

— Всё, теперь я вольная птица на целых две недели, — сказал он Насте, — теперь едем в панораму.

Машина вначале петляла по узким улочкам центра Москвы, но потом выехала на просторный проспект с красивыми домами по сторонам и вскоре остановилась у круглого здания на небольшой площади, посреди которой возвышался памятник фельдмаршалу Кутузову.

Они вошли внутрь, и Шали сразу почувствовал приглушенную торжественность, исходящую почти от всего: молчаливо приветливых служащих панорамы, старых картин на стенах, старинной мебели, лестничных маршей... После прохода через контроль, Настя увлекла Шали в правую часть первого этажа, где висели картины батальных сцен, портреты людей эпохи Александра I, образцы оружия, амуниции солдат и генералов, предметы быта...

Шали привлекли портреты Кутузова, Наполеона и Александра I. Настя рассказывала обо всем, но Шали торопился увидеть скорее панораму самого сражения, и они поднялись на смотровую площадку.

Шали остолбенел. Вокруг него раскинулись сцены знаменитого сражения — шли в атаку или отбивались пехотные полки, летели всадники с поднятыми саблями, стояли в ряд пушки, горела изба почти у его ног, торопились штабисты с донесениями, то там, то здесь шли рукопашные схватки, а вдали темнел лес, и свинцовым блеском светилась вода небольшой речки.

— Я ничего подобного не видел, — наконец тихо произнес он, глядя на Настю. Расскажите мне, что это такое и где французская армия, где русские и чем закончилось это сражение?

Настя подозвала дежурного сотрудника музея и объяснила ему, что хочет узнать мсье из Франции.

Настя переводила рассказ пожилой, опрятно одетой в подобие формы музейного работника, женщины, которая переносила огонек лазерной указки с одного места на другое, и сама, не отрываясь, смотрела на грандиозную картину Бородинского сражения.

— А что это за всадники, — спросила Настя, — со странными головными уборами?

— Польская дивизия легкой кавалерии. Она воевала в составе французских войск.

Настя перевела Шали, и он вдруг рассмеялся:

— Один поляк говорил мне, что они всегда воевали с Россией. Видел бы Роберт своих предков и чем это закончилось для них. А где стоит французская армия?

И красное пятнышко указки уткнулось в ряд пушек за врагом, затем около одной, только что выстрелившей. Судя по дымному облачку около пушки, Шали увидел офицера, который мог быть его прапрадедом, полковником, погибшим в этом сражении.

Странное чувство охватило Шали: с одной стороны гордость за соплеменников, одержавших в этой битве пусть пиррову, как говорят, но победу, а с другой — вину за развязанную Наполеоном нелепую, несправедливую войну с Россией, закончившуюся крахом Франции. Его предок выполнил до конца свой долг офицера, но ради чего он погиб?

Обо всем этом Шали думал, возвращаясь в гостиницу. Но едва он вошел в номер, как другая мысль — о Татьяне вытеснила все другие.

Было шесть часов вечера. В справочнике Шали нашел телефон номера Татьяны, но решил, что звонить еще рано, вряд ли она вернулась в гостиницу. Он включил телевизор. На одном из каналов показывали разрушенные дома, убитых людей и труп девочки, сжимающей в руках куклу. Он не понимал, что говорит ведущий программы, что отвечают ему, но по различным признакам понял, что показывают войну в Донцке. Шали смотрел и думал, что война имеет везде одно и то же лицо: горе и смерть, разрушения и отчаяние написаны на нём. А гражданская война умножает трагедии и бессмысленность жертв. Он видел вплотную лицо гражданской войны, искаженное злобой и ненавистью к своим ближним. Он продолжал смотреть, надеясь, что покажут волонтеров, спасающих детей.

Так прошло почти два часа. На всякий случай он все-таки позвонил в 512 номер.

К его радости, Татьяна уже вернулась и после короткого раздумья согласилась пойти поужинать в ресторан с Шали.

Потом, через много дней в состоянии невесомости между жизнью и небытием, он в минуты просветления сознания будет видеть именно эти мгновения: вот открываются двери лифта, и она выходит в нарядном длинном платье с широкими рукавами, делает шаг, потом другой и еще несколько

шагов, у нее строгое выражение глаз, и только в глубине их светятся радужные искорки, она протягивает руку, на которой нет никаких украшений, и только тогда улыбается и говорит:

— Здравствуй, Шали!

Именно так, а не мсье Шали. Потом берет его под руку, и они медленно идут по огромному вестибюлю, и на них смотрят, пока они не входят в двери, над которой сияет зеленым светом слово «ресторан».

Когда они сидели за столиком и говорили, и спрашивали друг друга, и рассказывали о себе, Шали потерял ощущение времени. Всё слилось в один чувственный поток блаженства, в котором каждое слово и каждый взгляд имели тайное значение, и понять это значение можно было только сердцем, но не разумом. Этот поток выносил их иногда на берег реальности, где они обретали способность обсуждать, что будет завтра и потом, но поток снова подхватывал их и уносил в водоворот необъяснимых чувств.

...Выйдя из ресторана, они расположились в удобных креслах вестибюля, и Шали снова вернулся к планам на ближайшие дни:

— Завтра я поеду на Бородинское поле. Ты действительно не сможешь поехать со мной?

— Нет, не смогу. Мне многое нужно успеть сделать завтра, чтобы выехать послезавтра в Донецк.

— Пусть так, но я поеду с тобой.

— Это невозможно. Я не могу взять на себя ответственность за твою безопасность. К тому же тебя просто не пустят на пункте пограничного контроля.

— У меня удостоверение сотрудника консульства. Вот посмотри! Ведь ты говорила, что там есть французы среди представителей Совета Европы.

— Да, есть. Но они прошли регистрацию как официальные наблюдатели.

— Я уверен, что договорюсь с пограничниками. Я должен увидеть своими глазами, что происходит в Донецке. И мне страшно за тебя. Я обязательно поеду с тобой.

— Нет, Шали. Я не могу тебя взять.

— Тогда я поеду один.

И они снова и снова убеждали друг друга каждый в своей правоте.

Наконец, Татьяна сказала:

— Уже поздно. Я устала и пойду в номер. Перед завтра нужно отдохнуть. И тебе тоже.

Шали проводил ее, но зайти в номер она не разрешила.

Придя к себе, Шали позвонил ей:

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Шали!

...Утром машина пришла рано, в девять часов, и Настя позвонила:

— Мсье Шали, вы готовы ехать в Бородино?

— Я готов ехать хоть на край света, лететь на Луну, на Марс и даже дальше, — Шали не хотел скрывать своего хорошего настроения, которое, черт возьми, не так уж часто было у него за последние пару лет.

Дорога показалась недолгой, с неожиданными впечатлениями, начиная от состояния дорожного покрытия, которое вопреки распространенному мнению было не хуже, чем в Европе, и кончая видом многочисленных коттеджей, назойливо бросающихся в глаза показной роскошью и архитектурным кичем.

Но более всего неожиданным оказалось само Бородинское поле. Зажатое между жилыми постройками и лесом, в переплетении дорог и дорожек, оно походило на связанного пленника.

Шали смотрел на знаменитое место, где сошлись в смертельной схватке две самые великие армии начала девятнадцатого века, и странное чувство охватило его: ему показалось, что он уже был здесь, но тогда поле было другим, больше похожим на то, которое на панораме. Он мысленно убрал дороги и постройки, заполонившие поле, наполнил мутной, с красными пятнами водой русло речки, и поле ожило в его памяти орудийным грохотом, взрывами и свистом ядер, истошными криками и ржанием коней, ружейными залпами и дымом.

Задвигались какие-то большие и малые серые тени, и он ощутил горьковато приторный запах и вязкий солоноватый привкус во рту.

Да, он был здесь. Если подойти вон к тому бугру, то там будет траншея и бруствер, за которым стояли орудия. В этом чувстве ирреальности он забыл, зачем приехал сюда. Голос Насти прозвучал будто из другого мира:

— Мсье Шали! Вы, наверно, устали и не слушаете меня.

Он очнулся и отрешенно ответил:

— Да, Настя. Я слушаю прошлое.

— Подойдите, я покажу памятник французским солдатам.

Но сначала они подошли к величественному памятнику русским воинам, павшим за Отечество, обошли более скромные в память о сражавшихся здесь полках, батареях, мест героических сражений русской армии и только потом подо-

шли к невысокой стеле, увенчанной одноглавым орлом, на которой была надпись на французском языке: «Мертвым великой армии».

Шали снова погрузился в раздумье. Учитель Ашур говорил, что наша душа приходит в родившуюся плоть с памятью о прежней нашей жизни. Но только очень редко, может быть, всего несколько раз в новой жизни она приоткрывает окошечко в жизнь прошлую, чтобы человек осознал что-то важное в своей судьбе и исправил ее во спасение своей души.

Не случайно у многих народов существуют особые дни посещения могил предков, когда их души, по преданию, наиболее открыты для духовного общения с живыми.

И еще говорил учитель Ашур, что души умерших обитают вблизи праха своей плоти до самого судного дня, когда и решится их участь. Если они видят человека родного им по крови, то приближаются к нему, принимая вид живых существ — птиц, бабочек, жуков, пчел... Может быть, он забыл какие-нибудь подробности, но суть, кажется, такова.

Шали стал вглядываться во всё, что его окружало, и увидел странную птицу, похожую на воробья, но немного крупнее и с более длинным клювом. Она порхала вблизи него, то улетаала, то вновь приближалась, издавая слабое попискивание.

Шали заметил, что она летала в одно и то же место, где рос небольшой кустик, и как будто звала его к нему.

— Извините, Настя, я сейчас вернусь.

Он подошел к этому кустику, и птица защебетала громче, кружась буквально рядом. Он почувствовал в ее голосе какую-то тревогу и предостережение. Непроизвольно это сказалось на его настроении и, подойдя к Насте, Шали сказал, что он уже всё посмотрел и можно возвращаться в Москву. Но если найдется поблизости ресторан, то хорошо бы вместе пообедать.

Миновав пару придорожных кафе, они свернули в сторону Можайска и вскоре остановились у ресторана.

Шали попросил Настю и водителя заказывать всё, что им хочется, себе же заказал овощной салат, красную икру, стейк семги и двести граммов водки.

Он заставил себя говорить с Настей о Бородинском поле, о дорогах, о Москве, хотя с удовольствием бы помолчал и подумал о том, что же с ним произошло на месте сражения французов и русских, о чем тревожилась птица, и почему на обелиске написано «Мертвым великой армии», а не погибшим?

Водка мало-помалу вернула утреннее настроение, особенно при мысли, что вечером он увидит Татьяну. По дороге в

Москву Шали попросил остановиться у цветочного киоска и купил Насте большой букет роз. Хотел было купить и для Татьяны, но вовремя вспомнил мужскую заповедь: никогда не покупать подарки для одной женщины в присутствии другой.

— Это вам, Настя, от всего сердца. Спасибо вам за помощь, за терпение к моим чудачествам. Спасибо!

У гостиницы они попрощались, и Шали сказал, что завтра он, видимо, уедет из Москвы, а мадам Марии позвонит или приедет попрощаться, если позволит время.

— Она так много сделала для меня!

Было уже полшестого, когда он вошел в номер. Решил, что звонить Татьяне еще рано, и прилег на диван. Водка все-таки действовала. Очнулся Шали ото сна только в восемь вечера и сразу позвонил в 512 номер. Татьяна не отвечала. Он позвонил через пятнадцать минут, потом снова, но телефон молчал. Постучали в дверь. Шали торопливо открыл ее, но на пороге стоял посыльный. Он передал конверт, на котором по-французски было написано его имя.

3

Татьяна в тот день, когда Шали уехал на Бородинское поле, занялась оформлением документов на выделенную для Донецка машину реанимационной помощи. В ней крайне нуждались тяжелораненые ополченцы, дети и просто жители провозглашенных республик на востоке Украины. По договоренности с Минздравом (спасибо Марии Викторовне) к машине было прикомандирована бригада опытных врачей. Реа-мобиль был оснащен современным медицинским оборудованием и позволял производить в нем сложные операции, которые невозможно было сделать в условиях полуразрушенных больниц Донецка.

Сперва предполагалось, что два врача поедут на этой машине, но потом один из них отказался, присоединившись к двум другим, летевшим на самолете. Мария Викторовна предложила Татьяне ехать вместо него. Отъезд машины был назначен на четыре часа вечера. Татьяна едва успела собраться и написать короткую записку Шали:

«Дорогой Шали! Я срочно выезжаю в Донецк на автомашине. Прости, но дожидаться тебя не смогу. Может быть, это к лучшему? Ты же веришь в судьбу. Оставь свои координаты Марии Викторовне. Я найду тебя. Татьяна!»

Из Москвы выехали еще засветло, но за пределами Московской области машина окунулась в ночь, и Татьяна напряженно вглядывалась в дорогу. Она не любила ночные поездки на автомашине, особенно дальние.

В памяти осталась трагедия семьи студента, с которым она дружила, когда их машина ночью столкнулась лоб в лоб с трейлером. Все они погибли, и Татьяна надолго замкнулась в себе, не принимая ухаживаний мужчин.

Всю дорогу до Ростова она не сомкнула глаз, поэтому в первой же гостинице сняла одноместный номер, приняла душ и легла спать. Через три часа, послушный заданному режиму, организм освободился от сна, а еще через час Татьяна была уже в офисе Красного Креста, где ее ждал реамобиль.

В Донецк отправились под вечер, загрузив машину лекарствами и перевязочным материалом. Всё это делалось оперативно, без лишних формальностей, в ритме военного времени, к которому Татьяна успела привыкнуть за последние полгода. Она ловила себя на мысли, что часто забывает, что она женщина, ее не смущают мужская форменная одежда, грубый военный жаргон, случайные места ночевки и даже попытки мужчин добиться близости.

Наследственные гены (отец был командиром эсминца, а мать спортсменкой), занятия фехтованием, в котором она стала мастером спорта, настойчивые усилия поступить в медицинский и вот уже полтора года работы в Красном Кресте после окончания Первого медицинского института закалили ее характер и создали свою шкалу ценностей. В институте Татьяна продолжила изучение французского языка, начатое в школе, в чем ей помогло общение с франкоговорящими студентами из стран Ближнего Востока. И потом, когда она пришла работать в Красный Крест, ее просили быть переводчицей при встречах с представителями Франции. Командировки в Ливию, Сербию, Палестину, где она была в составе делегации российского Красного Креста, обострили ее болевое восприятие человеческих трагедий, горе и страдания людей заслонили личные интересы, и она полностью отдалась работе. Когда началась война в Донбассе, она, не раздумывая, напросилась поехать туда волонтером помогать попавшим в беду. Всё это отодвинуло в лучшие времена поездку домой, к родителям в Мурманск и тем более традиционный отдых на море.

Встреча с Шали в кабинете Марии Викторовны пробудила в ней давно забытое чувство интереса к мужчине. Что-то было в нем необычное, незнакомое для ее понимания чувственных отношений, которое отзывалось приятным беспокойством в ее сердце. Может быть, его простодушная улыбка или вопросительный открытый взгляд или что-то другое заставило ее по-особенному посмотреть на незнакомого француза. Дальнейшее общение с ним только усилило желание

узнать его ближе и видеть, и чувствовать его внимание к ней как к женщине. И всё же, когда Мария Викторовна предложила ехать в Донецк на реамобиле, что изначально встречу с Шали, она почти без колебаний ответила согласием. «Пусть будет как судьбе угодно» — подумала она, изменив собственному правилу полагаться только на себя. И лишь в записке Шали оставила чуть приоткрытой возможность продления дальнейших отношений.

...Донецк встретил разрушенными домами, почти безлюдными улицами и торопливо идущими редкими прохожими. Взгляды их были настороженными, если не сказать испуганными. Ближе к центру города, на Университетской улице, людей было больше, среди них выделялись ополченцы с автоматами и даже с охотничьими ружьями. Здесь люди выглядели более спокойными и решительными.

Работали магазины, ходили трамваи, троллейбусы, но не было привычного шума и людской суеты, не было того хаотичного ритма, свойственного большим городам. Донецк дышал тревожным, прерывистым дыханием, как больной человек, ожидающий врачебной помощи.

Татьяна зашла в свой офис в административном здании, где работали еще три человека — волонтеры, двое из России и один из Харькова. Они обступили ее:

— Танечка, с возвращением! Какие новости привезла?

Она рассказала о реамобиле, о лекарствах, о том, что скоро приедет колонна с гуманитарным грузом, о Москве и встрече с Марией Викторовной... Потом спросила:

— Какие планы на завтра?

— Какие тут планы! Работаем по звонкам, по вызовам, по взрывам, по пожарам... В Путиловском районе опять большие разрушения от обстрелов из аэропорта. Люди гибнут, горят в домах — смотреть страшно. Да, ты всё сама знаешь. Ты скажи, русские придут защитить нас от этих фашистов?

Татьяна смотрела на двоих парней, каждому из которых было не больше двадцати пяти, и девушку лет двадцати и думала: что же их привело сюда, где они рискуют жизнью, не получая каких-то больших денег или выгод? У каждого из них есть видимые причины, как, например, у этого парня из Харькова, Стаса, у которого старший брат со своей семьей — женой и двумя детьми были убиты в собственном доме в Славянске. Но сколько таких трагедий сделало из несчастных людей покорных и безвольных перед силой обстоятельств, не способных понять истинных причин зла и проклинающих порой своих защитников! Но основная часть населения двух непокорных республик делила с ополченцами и доброволь-

ными защитниками все тяготы борьбы за достойную жизнь на своей земле. Они терпеливо переносили разрушения своих жилищ и гибель близких от беспрерывных обстрелов войсками новой киевской власти.

Татьяна видела, как они ютились в подвалах многоэтажек без бытовых удобств, помогая друг другу и поддерживая в беде. Старики, женщины, дети находили какие-то неведомые силы и терпение переносить свалившиеся на них горе и потерю почти всего, что нажили за долгие годы.

...Предложив разъехаться по домам и отдохнуть до утра, Татьяна отправилась в свою комнатку, которую она снимала у одинокой женщины, Нины Павловны, живущей почти в центре в семиэтажном доме, в трехкомнатной квартире. Муж Нины Павловны, шахтер, погиб в шахте в 2002 году, а дочь после замужества жила в Изюме, работая на опытно-механическом заводе. Но в девяностых завод прекратил существование, и дочь с мужем перебивались мелкой торговлей, воспитывая сына — внука Нины Павловны, которого она не видела уже года три.

Нине Павловне было далеко за шестьдесят. Она лет пять тому назад ушла с работы, живя на небольшую пенсию и деньги, которые получала от сдачи внаем комнаты.

— Ты, доню, — говорила она Татьяне, — будь осторожна в городе. Мой прежний постоялец попал под обстрел, щоб они сказылись, тай погиб. Царство ему небесное.

Нина Павловна говорила на смеси русского и украинского языков, что нередко встречается у живущих на Украине на прежних русских землях, у тех, чьи русские родовые корни переплелись с украинским, у тех, кто жил и работал долгое время в России или часто общался с русскими. Однако их речь была понятна как украинцам, так и русским.

Татьяне нравилась хозяйка своей опрятностью во всём, кроткой добротой и заботливым отношением ко всему, с чем ей доводилось сталкиваться в своих всегдашних заботах. Сказывалась ее долгая работа няней в больнице и вечная потребность русской женщины заботиться о ком-нибудь, не важно, близкий это человек или чужой.

— А я вам привезла подарок из Москвы, — и Татьяна подала Нине Павловне полиэтиленовый пакет.

— Ой, доню! Да хйба ж у тэбэ у Москви было мало забот, чтобы думать о бабке в Донецьке? — причитала она, выкладывая на стол колбасу, сыр, шпроты, ветчину, лекарства...

— Ой, спасибочки тоби, донечка, ой спасибочки! Сама-то небось и не вечерила ще? Сидай, у меня есть варена картоха да огурчики, что с лета посолила.

Татьяна вдруг почувствовала, что она до потемнения в глазах голодна и набросилась на картошку, чередуя её с хрусткими огурчиками из банки.

— Ну, а як же в Москви, чи думают за нас? Как нам житя? А то ж поубивают усих киевски зверюги.

— Не поубивают. Есть кому защитить Донбасс. Только бы народ поддержал, не отвернулся от своих защитников. Как вы думаете?

Такие разговоры редко возникали у Татьяны с Ниной Павловной. Больше всё о новостях, о родичах, о бытовых нуждах... Татьяна и спросила-то ее больше от усталости, ее уже клонило в сон. Организм, сбросив напряжение последних дней, требовал отдыха. И она, поблагодарив за ужин, ушла к себе в комнату, забралась в постель и мгновенно уснула.

Утро было пасмурным с неприятным порывистым ветром. Он кружил опавшие листья, обрывки бумаг и разный мусор, сквозняками гулял меж домов и в проемах разбитых дверей и окон. Дома потеряли прежний цвет и выглядели серыми и безжизненными. Горod оделся в защитную форму, как и его жители, чтобы раствориться в осенней распутице, не привлекая чужих глаз.

Для Татьяны утро началось с посещения травматологического центра, к которому приписали реамобиль. Она не застала его, но с удовлетворением узнала, что бригада врачей уже выехала на нем по вызову к тяжелораненому.

Татьяна вернулась в офис. Стационарный телефон, так же, как и мобильный, работали с перерывами, затрудняя связь, поэтому часто приходилось пользоваться машиной Стаса там, где можно было обойтись звонком. И на этот раз телефоны бездействовали, поэтому пришлось просить Стаса поехать по делам в самые разные места.

Во время пауз Татьяна ловила себя на том, что думает о Шали. «Этого только не хватало — влюбиться во француза». Она еще не понимала глубину своих чувств и вообще как выглядит настоящая любовь. Наверно, не так, как было у нее в школе, но и не так, как случилось сейчас в Москве. И она уходила в дела, как в спасительную зону, куда мыслям о Шали вход был строго воспрещен.

Вечером в офисе они все четверо поужинали, купив кое-какую еду в магазине. И почти уже допивали чай, когда пришло сообщение, что на южной окраине Донецка разбит миной автобус с людьми. Когда они подъехали, там уже была машина «скорой помощи». Две женщины и мальчик лет восьми лежали на обочине, накрытые черной пленкой.

Пожилая женщина в куртке с разорванным рукавом и испачканным сажей лицом говорила, срываясь иногда на плачь:

— Прямо в автобус... Страшный взрыв — как полыхнет, как полыхнет! Мы побегли вперед, к дверям... Уси падали, хорошо, шофер помогал, а то б... Ой, лихо, лихо!

Татьяна со своими помощниками занялись ранеными, обрабатывая и перевязывая легкие осколочные раны и порезы. Тяжело раненых «скорая помощь» увозила в 3-ю городскую больницу и снова возвращалась. Кого-то из легко пострадавших Стас отвозил домой. Только трое под черной пленкой остались на обочине. Нужно было найти и сообщить их родственникам о беде.

Татьяна смотрела на своих, особенно на молодую пару из Армавира, и удивлялась их деловитому спокойствию. «Когда же они успели привыкнуть к убитым и раненым, к крови и стонам?»

Вернувшись домой и наскоро хлебнув чая, она легла спать. А рано утром пришел ополченец и сказал, что ее спрашивает какой-то француз на пограничном пункте.

В первый момент на Татьяну обрушился целый вихрь чувств — от страха и недоумения до приятного удивления и неосознанной радости. Но когда она вышла из дома, сердце уже освободилось от сиюминутного, и осталось только радостное ожидание встречи с Шали.

4

Он стоял перед шлагбаумом и всматривался в дорогу, идущую в Донецк. Холодный ветер только усиливал его озноб. У него не было уверенности, что бородатый человек в военной форме с охрипшим голосом правильно понял его английскую речь, хотя и кивал головой, и сказал в конце о'кэй! И найдет ли он Татьяну?

Изредка к шлагбауму подъезжали машины, но ни в одной из них Татьяны не было. Его звали погреться пограничники, он улыбался и продолжал ходить по небольшому кругу. Прошло три часа тревожного ожидания. Шали стал по-настоящему замерзать.

Наконец, он увидел, как из небольшой машины вышла она и торопливо пошла ему навстречу. Шали сорвался с места и побежал, потом подхватил ее, но она вырвалась, взяла его под руку и повела в погранпункт. Она долго говорила с офицером, взяла у Шали удостоверение сотрудника французского консульства и показала его. Офицер посмотрел и начал звонить, потом снова говорил с Татьяной и снова звонил. Наконец, она, улыбаясь, подошла к Шали и сказала, что можно ехать в Донецк.

Шали смотрел на дорогу, избитую осколками, в воронках от мин и снарядов, на разрушенные постройки и дома, упав-

шие опоры проводов и думал, что все это похоже на то, что он видел в Сирии. Но прошлое уходило, растворялось вдали во влажной дымке, как эта раненая дорога, а новая реальность всходила приближающимся городом, и он держал руку Татьяны, боясь отпустить ее даже на миг, чтобы не потерять связующую нить его судьбы с ее судьбой. С этого момента его жизнь как бы распалась на эпизоды, связанные между собой присутствием любимой женщины, и пустоту, когда ее не было рядом.

Они подъехали к гостинице «Киев», и Татьяна быстро все уладила с размещением Шали. Администратор предупредила, что могут быть перебои с водой и электричеством, иногда пропадает связь и возможны обстрелы. Тогда нужно опускаться на нулевой этаж.

Шали пошутил:

— Меня защитит любовь.

Татьяна не стала переводить эти слова, но администратор, видимо, догадалась.

— А он у вас веселый.

— Французы все веселые, особенно при женщинах, — парировала Татьяна ее намек.

...Номер гостиницы. Широкая кровать, укрытая синим покрывалом. Стол у окна. Тумбочка у кровати. Журнальный столик, на котором справочники и телефонный аппарат, искусственные цветы в вазе. Два кресла. Татьяна и Шали сели в них, придвинув почти вплотную.

— Как тебе удалось приехать сюда? Я просила не рисковать.

— Мне помогла мадам Мария. Я едва уговорил ее помочь. Ты не хотела меня видеть?

— Шали, ты знаешь, что я не безразлична к тебе. Мне радостно видеть тебя, но здесь война. Настоящая война, и я не имею права подвергать твою жизнь риску.

— А ты сама, а твоя жизнь разве не подвергается опасности? Для меня лучше самому погибнуть, чем увидеть тебя даже раненой, — Шали встал, прошелся немного по комнате и остановился возле Татьяны, — Ты тоже знаешь, что я люблю тебя. Люблю больше, чем жизнь. Это не красивые слова, а факт, это самый лучший подарок судьбы — встретиться с тобой.

Татьяна сидела, склонив голову, потом подняла ее и улыбнулась губами, глазами, маленькими ямочками на щеках...

Они говорили о насущных проблемах: нужно купить местную sim-карту для мобильного, зарегистрироваться, приобрести зимнюю одежду, вот-вот похолодает, позвонить в Геру матери и успокоить ее...

Провожая Татьяну, Шали обнял ее и поцеловал в губы, и она почти не сопротивлялась.

— Можно, я буду называть тебя Тат, как никто другой не зовет?

Потом был офис, где работала Татьяна со своей группой волонтеров. Она представила им Шали.

— У нас пополнение — француз Шали из города Гере. Он приехал из Сирии, где работал волонтером два года. Был ранен. Я думаю, что его опыт поможет нам в работе.

Стали знакомиться:

— Вадим из Армавира.

— Оксана, тоже из Армавира.

— Мы уже знакомы, — Стас пожал руку Шали.

— А что такое Армавир? — спросил Шали Татьяну.

— Это город в России, наверно, такой же, как Гере.

...Они выехали в один из поселков, недалеко от Донецка, где ночью был артиллерийский налет и погибли целые семьи. Там уже находились несколько ополченцев с миноискателем и служебной собакой. Осматривали долго и тщательно каждый разбитый дом вместе с оставшимися живыми жителями, но под развалинами находили только мертвых.

Иногда все замирали и слушали тишину. Шали увидел во дворе одного разрушенного дома небольшой холмик с черным проемом сбоку и вспомнил, что крестьяне в Сирии иногда прятались в погребках под грудой песка. Он подошел к холмику и заглянул в проем. Послышался крик:

— Не убивайте нас, дяденька!

Шали полез внутрь холмика и вытащил яростно сопротивляющегося мальчика лет шести.

Шали успокаивал его, но от этого мальчик кричал еще громче, пока не подошла Татьяна. Ее тихие, ласковые слова понемногу успокоили малыша, и он сказал, что в погребе осталась его сестренка Галя.

Шали достал девочку лет четырех. Она вся дрожала и испуганно смотрела на них.

— Где ваша мама?

— В доме. Ее убило бомбой.

— А папка?

— Батьки немає.

Дети заплакали, причитая о маме.

— А вы где были, когда снаряд взорвался?

— В огороде. Морковку ели.

Дом был разрушен почти полностью. Часть крыши обрушилась. Из-под нее достали мертвую женщину, но детей к

ней не пустили. Стас забрал их в машину, и они с Татьяной и Шали увезли сирот в Донецк в детский приют.

— Давай зайдем в церковь. — Татьяна взяла за руку Шали и повелительно повела ко входу в храм.

— А мне можно, Тат? Я ведь католик.

— Все равно ты христианин. Просто постоишь, помотришь. Сейчас нет службы.

В храме никого не было, кроме свечницы в иконной лавке и одинокой маленькой, покрытой черным платком старушки.

Шали с удивлением рассматривал иконы на стенах, подсвечники, иконостас и алтарь. Всё было красиво и торжественно.

Ему не хотелось ни говорить, ни спрашивать, а просто стоять и смотреть на строгие лица святых на иконах, на взыскующие глаза Иисуса Христа, на милосердный взгляд Девы Марии.

Татьяна поставила свечки у распятия, у Владимирской иконы Богородицы и святого Георгия Победоносца и беззвучно помолилась.

Они выходили из храма вместе со старушкой. Уже на улице она сказала Татьяне:

— Вы еще не венчаны, но ты, доченька, не переживай. Вас Господь обвенчает.

Эти слова запали Татьяне в душу, но только через много времени она поняла, о чем сказала старушка.

...Осень уходила медленно, нехотя уступая зимнему ознобу леса, укутывая поля туманами и подмораживая ночами многочисленные лужи на дорогах.

Татьяна, хотя и не имела врачебной практики, все-таки не забыла то, чему учили в мединституте. И участвовала в операциях, в уходе за ранеными, выезжала с бригадами «скорой помощи».

Шали, оставаясь один, чувствовал себя неудобно, случайным, необязательным помощником Стаса в перевозке людей и грузов. «Хорошо бы, — думал он, — научиться русскому языку, хотя он и намного сложнее английского». Рядом с Татьяниной жизнь его обретала смысл и необходимость. Мало-помалу он разобрался в причинах войны Новороссии с Киевским режимом, считал ее справедливой и верил в победу народа Донбасса.

...В тот день, в декабре 2014 года, он спросил Татьяну:

— Ты сможешь выполнить мою просьбу?

— Да, Шали. Если это в моих силах.

— Я тебя приглашаю в гостиницу отметить мое тридцатилетие.

— У тебя сегодня день рождения? Что же ты молчал?

И она обняла его, поцеловала в щеку.

— Поздравляю! А что тебе подарить?

— Главное, чтобы ты пришла. И если можешь, то англо-русский словарь. Ведь франко-русский здесь не найдешь.

Когда Татьяна пришла в номер Шали вечером, у него уже был накрыт по-праздничному стол, а на журнальном столике стояли живые цветы.

Шали был в клетчатой рубашке свободного покроя и джинсах. Он ухаживал за Татьяной с истинно французской галантностью и нескрываемой влюбленностью, предлагая то вино, то коньяк, то закуску.

Татьяна принесла ему в подарок франко-русский словарь и теплый свитер.

— А еще сюрприз: я случайно встретила среди ополченцев двух французов-добровольцев. И завтра мы поедем с тобой к ним на блок-пост.

— Тат, ты просто волшебница. Ты — судьба моя! Я это понял еще на Бородинском поле.

Коньяк, интимная обстановка и главное — обоюдная влюбленность разрушили последние бастионы сдержанности, и пир застолья превратился в пир любви, безудержный, пылкий, нежный, сжигающий все преграды к обладанию друг другом. Время остановилось для них.

Потом они лежали усталые и счастливые, не разнимая соединенных рук и не произнося ни слова. И только за полночь Шали проводил Татьяну домой.

— Тат, я люблю тебя! Единственная моя!

— Я тоже люблю тебя, Шали! Будь осторожен, милый!

Когда он вернулся в гостиницу, дежурная укоризненно посмотрела на него:

— Не надо бродить ночами, мсье. Это опасно.

...Они приехали на блок-пост и Татьяна, спросив о чем-то одного из ополченцев, повела Шали в укрытие, подобие блиндажа.

— Вот и твои земляки. Знакомьтесь.

Двое в армейском камуфляже быстро поднялись, подошли и после нескольких слов обнялись с Шали. Они говорили, перебивая друг друга, хлопая по плечам и улыбаясь, и Татьяна вышла, чтобы не мешать встрече соотечественников.

Возвращаясь в машину Стаса, Шали сказал Татьяне:

— Тат, не сердись на меня за то, что я скажу. Мне это необходимо сделать, иначе я перестану себя уважать. Мы все равно будем рядом. Это ничего не меняет в моем отношении к тебе. Я люблю тебя с каждым днем всё сильнее. Но я должен был это сделать.

— Шали, ты меня пугаешь. Что случилось?

— Тат, я решил пойти в ополченцы. Мужчины должны быть воинами, когда нужно защитить справедливость. У нас есть поговорка: *a la quen somte a la quegge*, воевать — так по-военному, можно так сказать. И мне будет стыдно перед земляками, если я буду просто волонтером, не взявшим оружие в руки. Ты должна меня понять, ты же умница.

Татьяна была не в силах сказать ни «да», ни «нет». Непонятное, необъяснимое предчувствие беды мешало ей. Она понимала, что иначе поступить Шали не мог, он чуть ли не с первых дней после приезда в Донецк испытывал неловкость перед людьми с оружием в руках. Но почему ей тревожно за него?

Расставаясь, она обняла его и долго не отпускала, тихо говоря:

— Милый мой! Наверное, ты прав. Я не имею права переубеждать тебя. Но у меня почему-то болит сердце от мысли, что может случиться с тобой. Я не переживу этого.

— Тат, у нас все будет хорошо, и мы с тобой поедем в Мурманск и Гере, чтобы нас благословили наши матери.

5

Приближался Новый год. Бои почти не стихали, принося всё новые жертвы. Шали и Татьяна встречались то на переездовой, когда она привозила продукты и перевязочный материал, то в гостинице, куда изредка приезжал Шали, то в городе. Оставаясь наедине, они давали волю чувствам, которые только усиливались в их коротких разлуках.

Уже невозможно было это скрывать от посторонних глаз, и Нина Павловна говорила Татьяне:

— Доню, не всяка любовь свитэ яко солнышко. Бывает, что тьмой ляже на душу. Храни тэбэ Боже от этого лиха.

«Тьма на душе, когда в ней нет любви» — думала Татьяна, вспоминая свое состояние до встречи с Шали. Но ее беспокоило другое. По делам устройства детей-сирот надо было ехать в Москву, но она всё откладывала поездку, будто ждала что-то. И это «что-то» случилось.

Ей позвонили с блок-поста, где воевал Шали, и попросили срочно приехать. Лучше бы на машине «скорой помощи». У нее непроизвольно защемило сердце и подступили слёзы. Она бросилась разыскивать реамобиль, и уже через четверть часа мчалась на нём к Шали. Она была уверена, что именно с ним что-то произошло. И молилась: только бы был живой, только бы живой!

Он лежал на носилках под байковым одеялом. Глаза были закрыты, на лице застыла болевая гримаса. Татьяна кину-

лась к нему, сдернула одеяло и увидела, что вся правая нога в крови, кровь была на шее и на плече. Шали отнесли в реабилитацию, он тихо стонал, и Татьяна зарыдала. Силы оставили ее. Она упала, теряя сознание. Ее перенесли на топчан, где обычно спал Шали, врач поднес к носу ватку, смоченную нашатырем, и Татьяна очнулась.

— Нельзя же так, милая! Вы медик и не должны падать в обморок при виде крови, — сказал ей врач. — А я нужен там, раненому.

Он ушел, а Татьяна не находила сил, чтобы пойти к Шали. Она сидела и трогала свои ватные ноги, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Наконец, спросила:

— Как это случилось?

— На нашей mine подорвался киевский БТР, видимо, ходил в разведку. Мы заметили, что около него копошились двое, похоже, раненые. К ним пошла группа, в которой был и Шали. Когда подошли к БТРу, по нему начали садить из миномета. Они часто добивают своих раненых, чтобы те не попали в плен. Шали потащил одного, вроде как поляка, и в это время близко разорвалась мина. Наверно, Шали прикрывал его, потому что раны со стороны спины. А поляк еще до обстрела был тяжелым, когда подорвался БТР. Второй ихний, легко раненый, хотел сдаться, но попал под прямое попадание.

Когда мы тащили Шали, он спрашивал:

— Где Роберт?

Татьяна ничего не понимала. Только в Донецке, в травматологическом центре, куда положили Шали, она вспомнила, как он рассказывал про поляка, с которым лежал в больнице Дамаска.

Хирург из реомобиля, уезжая, сказал Татьяне, что раны у Шали серьезные и предсказать исход борьбы за его жизнь он бы не взялся.

— Осколки, что были в нем, мы вытащили. Трудно будет спасти ногу, сильно повреждена голень. Теперь многое зависит от его организма.

Шали лежал в палате, где было еще пятеро раненых. Он то приходил в сознание — ясное, незамутненное болью, рассматривал палату, людей, пока взгляд не находил Татьяну, сидящую рядом на стуле, то снова проваливался в болевой морок. Потом вдруг боли отступали, и он мог произносить отдельные слова:

— Тат...

— Что, милый? Не говори ничего. Тебе нельзя. Я с тобой, всё будет хорошо.

— Тат... Прости... Мина.... Роберт...

— Да, родной. Я все понимаю. Поляк тоже здесь, на соседней кровати.

Боли усиливались, и Шали снова проваливался в забытьё, и ему виделся вестибюль московской гостиницы и как из лифта выходит Татьяна в длинном платье с широкими рукавами...

Приходила сестра, делала укол, и Шали засыпал.

Татьяна уходила домой, покупала по дороге курицу и просила Нину Павловну сварить бульон. Потом снова шла в больницу и всю ночь сидела рядом с Шали, меняла простынь, бинты, вытирала ему лицо влажной салфеткой...

Дня через три лицо Шали вдруг посветлело, глаза наполнились живым блеском, и он стал тихо говорить.

— Тат, я понял, о чем тревожилась птица на Бородинском поле. Она предупреждала меня, заклинала меня не ехать. Но мертвые не всё знают о живых. Они забывают, что такое любовь.

— Шали, не надо о мертвых. Жизнь принадлежит живым. И ты будешь жить.

— Не знаю, Тат. Под болью, глубже ее, я чувствую холод, он постепенно охватывает мое тело. И я боюсь его больше, чем боюсь боли. А что с Робертом? Я бы хотел задать ему один вопрос.

— Ему плохо. Он держится на уколах и капельницах. Наши предлагали взэсушникам забрать его без обмена, но они отказались.

— Тат, не сообщай маме, если меня не станет. Пусть она думает, что я сражаюсь где-то за справедливость. Ты любишь меня?

— Да, Шали, я очень тебя люблю.

— Не оставляй меня, Тат.

— Я не оставлю тебя.

...Прошел еще день. Люди готовились встречать Новый год. В палате повесили елочные игрушки. В шарах отражались капельницы, кровати и «утки» возле них.

Очнувшись от тяжелого сна, Шали не увидел рядом Татьяны. Он повернулся в другую сторону. Лежащий на соседней кровати чуть приподнял забинтованную голову и тихо спросил:

— Это ты, Шали?

Между бинтами виднелись нос и глаза, но Шали узнал его.

— Роберт! Как ты оказался здесь? Ты же говорил, что больше никогда не будешь заниматься грязным делом.

— Деньги, Шали. Здесь хорошо платят наемникам.

— А убитые дети, старики?

— Слюнтяйство всё это. Каждый делает деньги, как может. Но всё кончено. Если выживешь, сообщи родителям в Краков. Адрес под подушкой.

Появилась медсестра и что-то резкое сказала Роберту. Потом сделала ему укол. Подошла к Шали, посмотрела ногу и быстро ушла. Вскоре пришел врач. Снял бинты с ноги и позвал медсестру.

После укола Шали стал проваливаться в радужное, светлое облако и не слышал, как пришла Татьяна, как ему сделали еще укол и перевезли в операционную.

...Очнулся он через двое суток. Татьяна держала его руку, сжимая запястье. Он попытался улыбнуться, но вышла какая-то несуразная гримаса. Шали повернул голову к Роберту. Он лежал укрытый с головой белой простынёй.

Шали машинально подумал: «Вот так же лежал Соберг в Дамаске. Значит, Роберта больше нет, и его скоро унесут». Эта мысль никак не затронула Шали, пришла, скользнула, как тень, в пустоту и забылась.

Татьяна что-то говорила, но он сосредоточился на ощущении, что боль в ноге поднялась выше, к самому колену и стала другой.

— Тат, что со мной? Я долго был без сознания?

— Лежи, милый. Теперь будет всё хорошо.

— Почему теперь?

Татьяна гладила его руку и молчала. Потом подошла медсестра, сделала укол и равнодушно сказала:

— Завтра будем встречать Новый год. Дай Бог, чтобы он был лучше этого. Нет уже мочи всё это видеть.

— Хирург в больнице? — спросила Татьяна медсестру.

— Лёг отдохнуть. Ночью была операция. Он придет к вам.

Чтобы успокоить Шали, Татьяна стала рассказывать, как они встречали однажды Новый год в институте.

— Мы большой компанией уехали в Подмосковье, в лес. Нашли хорошую поляну, развели костер, на ближнюю ель навешали яблоки, мандарины, конфеты, а в снег попрятали подарки для каждого. Пели песни под гитару, зажаривали на костре сосиски, шашлык, картошку... Потом искали свои подарки в снегу.

Татьяна смеялась, но глаза у нее были грустными, мысли — о чем-то другом, и она то и дело поглядывала на дверь.

— Шали, я пойду к врачу, — сказала она не в силах больше ждать, когда он придет сам.

Хирург пил чай в ординаторской. Полноватый мужчина с толстыми пальцами не очень-то, по ее мнению, походил на хирурга. Но репутация у него была превосходная, пациенты ему доверяли, будучи уверенными в благополучном исходе, если операцию проводил он.

— Олег Николаевич, ампутация голени у Шали была неизбежна?

— Да. Мы затагнули с этим. Надо было бы раньше сделать. Кость была повреждена в нескольких местах. Но меня в настоящее время больше беспокоят его легкие. Осколок изъяли, но правое легкое в безнадежном состоянии.

— Хватит ли у Шали сил перенести две операции? Я боюсь за него.

— Если операцию не делать, сил потребуется еще больше, чтобы жить на этом свете. Сейчас его нужно поддержать. Вы, Танечка, успокойте его, подкормите. Не говорите о проблеме с легкими. Так будет лучше.

...Шали лежал с закрытыми глазами, по щекам медленно сползали слёзы, и он не вытирал их, ощупывая руками правую ногу. Лицо было напряженным и бледным. Он открыл глаза.

— У меня отняли ногу, у меня отняли ногу... — повторял он, словно хотел убедить себя в этом факте. — Тат, что теперь будет? Как я смогу жить?

Татьяна прильнула щекой к его лицу, чтобы он не видел ее слез.

— Шали, милый мой, не надо отчаиваться. Сейчас протезы делают так, что они лучше ног. Ведь колено осталось, а это главное. Прошу, не мучай себя.

Она снова повторила:

— Теперь будет всё хорошо.

Татьяна хотела покормить его, но он отказался. Снова закрыл глаза и молчал.

Только на следующий день, когда она принесла еловую пахучую веточку и письмо от земляков с блок-поста с пожеланиями счастливого Нового года и подарки, Шали успокоился, улыбнулся и попросил что-нибудь поесть.

— Тат, я бы сейчас выпил виски или водки. Ты сможешь принести?

— Я уже принесла.

Она налила полстакана коньяка, на тарелку положила домашний пирожок, помидор, ломтики ветчины, сала, сыр и конфеты.

— А ты разве не выпьешь?

Татьяна покачала головой.

К ночи пришли к больным и раненым родственники, друзья, палата наполнилась шумной суетой, запахами домашней еды и новогодних свечей, приглушенным смехом и тихим плачем.

— Тат, какое желание ты загадала на Новый год?

— Чтобы ты был живым и здоровым и чтобы пришел мир на землю Донбасса.

— А что загадал ты, Шали?

— Чтобы ты была счастлива.

Долгая новогодняя ночь прошла в разговорах, полудремоте и отдаленных взрывах: война напоминала о себе.

Татьяна ушла утром в тягостном состоянии, оставив заснувшего Шали.

Потом она приходила к нему каждый день, принося еду, но он почти ничего не ел, в забытьи стонал, а когда открывал глаза, молча смотрел в пространство за окном.

— Тат, — иногда тихо говорил он, — Не уходи, Тат.

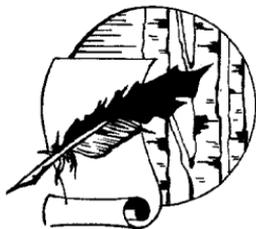
В канун православного Рождества его не стало.

Похоронили Шали на братском кладбище, где хоронили погибших ополченцев.

А еще через неделю Татьяна уже знала, что у нее будет ребенок.

Она уехала в Москву и стала собираться во Францию, в Гере, к матери Шали.

Редакция «Молодой гвардии» от всей души поздравляет нашего многолетнего автора, замечательного поэта и прозаика Николая Васильевича Беседина со славным 90-летним юбилеем! Желаем ему неиссякаемого творчества, крепкого здоровья, новых книг и вдохновений во славу русской литературы!

Леонид САФРОНОВ, протоиерей

В КРАЮ СВОЁМ РОДИМОМ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Чтоб снова выполнить свой долг
Перед любимой Родиной,
Опять идёт Бессмертный Полк
На бой дорогой пройденной.

Он в бой идёт в сердцах солдат
С решительными лицами,
Что день и ночь не спят — следят
За мирными границами.

Тот Полк спешит на кораблях,
Идет с пехотой сушею.
И веет от солдатских блях
Окопной правдой сушею.

Тот Полк летит меж облаков
Над мирною Россиею,
Средь сонма ангельских полков
Воздушной Божьей Силою.

Пугает грохотом сапог
Врага орду отпетую.
Вперед идёт Бессмертный Полк
Венчать войну победою.

* * *

В одном заграничном отеле,
Где каждый Европою сыт,

Картина «Грачи прилетели»
У самого входа висит.

Хоть с виду она небольшая —
Ей рамка любая тесна.
Висит возле входа, лишая
Приезжего сладкого сна.

Как будто заместо матрасов,
Апрельская сырость да лёд;
А тут ещё этот Саврасов
Приезжему спать не даёт.

Подходит художник к постели
Попавшему в сей передел:
«В Россию грачи прилетели,
А ты из неё улетел...»

И ходит приезжий ночами,
Не спит, потерял аппетит,
Душою за теми грачами
В Россию летит и летит...

* * *

Волнуется рожь яровая.
Кипит за волною волна.
А в мире идёт мировая,
Последняя Третья война.

А после — не будет Четвёртой
И Пятой не будет уже,
От гордости гордой-прегордой
У каждого в грешной душе.

На фронт отправляются с помпой,
Решимостью лица полны...
И пахнет уж атомной бомбой
От этой последней войны.

Легко забывают про беды:
Всё ищут каких-то утех.

Поверьте, не будет победы
В войне ни у тех, ни у тех.

Чего ухмыляетесь криво
В надежде на вечный «авось»?
Вот-вот — и от грозного взрыва
Земная сломается ось.

И всё же вздохни до упора,
Последний свой выдохнув вздох...
За вами — Содом и Гоморра.
За нами — Москва, с нею Бог.

ГЛЯЖУ, ЗАМЕЧТАВШИСЬ...

В тетрадке в линейку косую,
Взяв в руки простой карандаш,
Сижу за столом и рисую
Придуманный мною пейзаж.

Рисую я синюю речку,
Рисую зелёный лужок,
И в белых кудряшках овечку,
И жёлтый на небе кружок.

И маленький домик у речки
И садик, и в садике том
Прижались к земле огуречки,
Зелёным своим животом.

Рисую я бабку и дедку
С медалью «За доблестный труд»,
Которые милого детку
К себе на каникулы ждут.

И тянет любимого внука
В родную деревню, туда,
Где ждёт его тоже наука —
Наука земного труда.

Гляжу, замечтавшись, в окошко,
В далёкую близкую даль,
Где солнце похоже немножко
На бабкину с дедкой медаль...

ЖИВЁТ МУЖИК...

Живёт мужик в заброшенном селенье.
И я в себе никак не разберусь:
Иль это — жизни промелькнувшей тленье,
Иль это всё — нетлеющая Русь?..

Ведь с этой каждой брошенной избою,
Куда-то в бездну времени летя,
Он с детства связан всей своей судьбою,
Как пуповиной с матерью дитя.

Уже давно живёт всем этим детством
С неистребимой горечью во рту,
Что лечит души всем известным средством:
Мол, все у нас лекарства на спирту.

Живёт прошедшим, с настоящим споря,
Дитя, доживший до седых годин.
Давно не пахарь он в заросшем поле
А если пахарь, то давно один.

Махнув в сердцах крестьянской рукою
На весь «нас возвышающий обман»,
Живёт легко, как будто над рекою
По вечерам клубящийся туман.

И всё ж, порой, в минуты просветленья
Я вижу свет, сияющий над ним:
Лишь им одним и держится селенье,
Как он селеньем держится одним.

ЖУКОВ

Под звуки военного марша
Глядит гордо Родина-Мать,
Как скачет прославленный Маршал
Победы Парад принимать.

Под цокот копыт по брусчатке
Наш Жуков въезжает в века.
Над площадью в белой перчатке,
Как голубь, взлетает рука.

По всей необъятной России
Из каждого настежь двора
Как выдох немереной силы
Гремит громогласно «Ура!».

По замершим спинам — мурашки.
И конь переходит в галоп.
И твердый околыш фуражки
Врезается маршалу в лоб.

Вкруг лика затянутый тренчик
С той Первой ещё Мировой.
Победы нетлеющий венчик
Горит над его головой.

* * *

Весь век рогатая корова
Мычит одно и то же слово
Но я ни разу не пойму
Что означает это «му».
И бессловесная овечка
Всё блеет лишь одно словечко
И сроду не понять тебе,
что означает это «бе».
И только крошечные дети
Поймут слова, словечки эти.
Понятно всё для человечка,
не произнесшего словечка.
Так проживает жизнь немая,
Язык животных понимая,
Так лишь глубокое молчанье
Поймет коровие мычанье.
И бессловечье человечье
Постигнет бляенье овечье.
Животный мир стоит пред вами.
Его не вымолвишь словами.

* * *

Когда в святые горестные даты
Мы памяти молитвенной полны,
Тогда войной убитые солдаты
Живыми возвращаются с войны.

Они приходят с той последней битвы,
Как пахари усталые с полей,
И говорят: «Спасибо за молитвы!» —
Жене своей иль матери своей.

А та стоит, от радости немая,
Как будто сон какой её морит,
В слезах руками крепко обнимая
Бесценный плод святых своих молитв.

И думает, быть может, виновато:
«Им там на фронте много тяжелей»,
Пока душа воскресшего солдата
Глядит с любовью прямо в душу ей.

КРЫСИНЫЙ ИСХОД

Всё своё захватив до рубля,
Словно в шторм, корабельные крысы
С боевого бегут корабля:
И певцы, и шуты, и актрисы...

А пока их по морю везут,
То они корабельные стены
С диким писком и визгом грызут —
Хорошо эти стены толстенны.

Точат зубы, чтоб грызть новый корм.
Крепко спят корабля командиры...
И когда начинается шторм,
Тут и там открываются дыры.

И, сбегая, плывут в тихий порт,
На корабль огрызаясь при этом.
Лишь виднеются кончики морд
И хвосты над водой пистолетом.

В тёмном трюме оставшийся рис,
Перемешанный с гречкой и просом,
В первый раз мимо них, мимо крыс,
Переходит на службу матросам.

А сбежавшие крысы плывут
Сбившись в стаи, отары и своры.

Если вдруг повезёт — в Голливуд
И в другие крысиные норы.

Получив за потоп по рублю,
Незаметно сойдут за кулисы.
Но скажите: зачем кораблю
На борту корабельные крысы?

КТО-ТО ЕДЕТ ПО СТАРОЙ ДОРОГЕ...

Кто-то едет по старой дороге,
Раздвигая покой неземной.
И стою я в неясной тревоге:
Кто-то едет, быть может, за мной.

Жизнь есть нить, но у нас не те нити:
Нить моя не выносит скорбей.
Приезжайте скорей, не тяните!
Или прочь проезжайте скорей!

Вот ко мне изо тьмы кто-то вышел,
Весь крылатый и светлый такой...
Вот над нами всё выше и выше
Раздвигается вечный покой.

Вот к кладбищу свернули с дороги...
Там следов обрывается нить.
Не мои ль это смертные дроги?
Не меня ли везут хоронить?

ПОД РАДУГОЮ ЯРКОЮ

Под радугую яркою
Под праздничный денёк
С молоденькой дояркою
Столкнулся паренёк.

На ней такое платьице:
Цветы по нём горят.
Большие деньги платятся
Лишь за один погляд.

Красивая, опрятная,
С душевной глубиной,
Стоит и руки спрятала,
Краснея, за спиной:

Сколь ими дров наколото,
Искошено травы...
А паренёк из города
Ей говорит на «Вы».

Стоит его попутчица,
Проста, как ивы куст,
А он, поди ж ты, учится —
Кончает пятый курс.

А у дороги спелые
Хлеба стоят стеной.
И прячет руки белые
Учёный за спиной.

А руки, будто холодом,
У них в жару свело,
Как будто в поле с городом
Столкнулося село.

Под радугою яркою
С пылающим лицом
Стоит студент с дояркою,
Как будто под венцом.

СРЕДИ РОССИЙСКИХ ДАЛЕЙ

Среди российских далей
В наитии простом
Живут Серёга с Галей
В родном селе пустом.

А кроме огорода
Да бросовых монет —
Давно уж у народа
В селе работы нет.

Последнюю лопату
Сдадут в металлолом

И, словно на зарплату,
Пируют за столом.

Давно для них нет дела
У всей моей страны.
И им давно нет дела
До всей своей страны.

Живут, не зная Бога,
Но тот же Бог им дал,
Не мало и не много,
Необходимый дар:

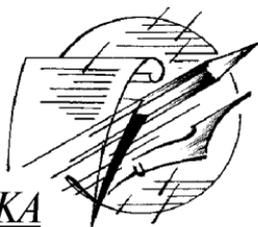
В краю своём родимом,
В пустом селе родном
Греть небо тёплым дымом,
Светить во тьме окном.

п. Рудничный Кировской обл.

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН?

В жизни России в этом месяце произошли два важных события, отстоящих друг от друга всего на сутки. 14 декабря прошла традиционная ежегодная «Прямая линия» президента Российской Федерации Владимира Путина, которая длилась более четырех часов. А на следующий день проходило заседание Совета директоров Банка России, на котором решался вопрос о ключевой ставке Центробанка. По итогам заседания выступила председатель Банка России Эльвира Набиуллина и сообщила о повышении ключевой ставки с 15 до 16%.

После указанных этих событий я невольно сравнил их. Значительная часть того, что сказал Владимир Путин в ходе «Прямой линии», касалось экономики страны. Затрагивал он совершенно разные аспекты нашей экономической жизни, но чаще всего прибегая к очень осторожным (а порой и двусмысленным) формулировкам. Честно признаюсь, я не заметил в выступлении Путина каких-то признаков того, что экономический курс страны будет меняться или, по крайней мере, существенно корректироваться. В целом в словах Путина звучал оптимизм по поводу сегодняшнего и завтрашнего нашей экономики.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

«Запас прочности у российской экономики достаточный, чтобы не просто уверенно себя чувствовать, но и идти вперед», — заявил Владимир Путин. И далее: «Этот запас прочности обеспечен несколькими составляющими. Первая, и самая главная, — высокая консолидация российского общества. Второе — это устойчивость финансово-экономической системы страны. Как оказалось, это было удивлением для наших так называемых партеров и для многих из нас, что за предыдущие десятилетия Россия накопила этот запас прочности и устойчивости финансов и экономики...»

А вот еще пример такого оптимизма: «Особенно настраивает на позитивный лад — это 10 процентов роста инвестиций в основной капитал. То есть сегодня у нас рост промышленности и ВВП очевидный, плюс 10 процентов инвестиций в основной капитал говорит о том, что гарантированно будет развитие в среднесрочной перспективе. Производство будет расширяться, рабочие места будут создаваться». И далее в таком же духе.

А вот буквально через сутки, когда госпожа Набиуллина докладывала о результатах заседания Совета директоров Банка России, мне слышались уже совершенно другие ноты. Собственно, минорный настрой и у меня, и у многих моих коллег возник еще до выступления главы ЦБ — в тот момент, когда информационные агентства сообщили о том, что принято решение о повышении ключевой ставки на 100 базисных пунктов, т.е. до 16 процентов.

О том, что предыдущие повышения ключевой ставки Банком России уже начали душить российскую экономику, говорилось и писалось предостаточно. Предпоследнее повышение произошло 27 октября нынешнего года, когда ключевая ставка была увеличена на 200 базисных пунктов до значения 15%. Между прочим, по итогам второго и третьего кварталов 2023 года имели место неплохие приросты инвестиций, ВВП и других макроэкономических показателей. Но октябрьское повышение ключевой ставки заставило даже самых отъявленных оптимистов из экспертного сообщества пересмотреть свои прогнозы на четвертый квартал 2023 года и на следующий год. Естественно, в сторону снижения темпов экономического развития. Это лишь один наглядный пример того, что траекторией экономического развития управляет не правительство (и уж тем более не Минэкономразвития), а Банк России. Который любит напоминать, что он является институтом, «независимым от государства». Очевидно, что решение ЦБ от 15 декабря о повышении ключевой ставки заставит экспертов еще раз скорректировать свои прогнозы по экономике России в сторону снижения темпов.

О том, что именно Банк России управляет экономикой, говорит и сама госпожа Набиуллина. В своем выступлении по итогам последнего заседания совета директоров она, в частности, заявила: «Новые данные дают основание считать, что рост экономики сильнее отклонился от траектории сбалансированного роста, чем мы оценивали раньше. Именно это отклонение и проявляется в усилении устойчивого ценового давления. Для противодействия ему требуется не только высокая ключевая ставка, но и длительное ее удержание на повышенном уровне». Из этих слов следует, что, во-первых, именно Банк России определяет, какой должна быть траектория экономического развития страны. А, во-вторых, именно он и управляет этой траекторией.

Кстати, госпожа Набиуллина несколько раз использовала словосочетание «сбалансированный рост». Только непонятно, какой смысл она вкладывает в это понятие. Когда я учился, нам также говорили про «сбалансированное» развитие экономики. Что имелося в виду? Поддержание баланса между денежной и товарной массами. Для того, чтобы не было ни инфляции, ни дефляции. А сегодня, в России действительно нет никакого «сбалансированного роста». Президент В. Путин огласил, что экономика России по итогам прошедшего года может иметь прирост ВВП в размере 3,5%. А прирост денежной массы (наличные и безналичные деньги — денежный агрегат М2), согласно предварительным данным Банка России, может составить не менее 20%. Яркая выраженная разбалансировка. Денежная масса в экономике растет очень быстро. А прирост товарной массы — медленно (при том, что прирост ВВП в 2023 году — один из самых рекордных за многие годы). Следовательно, ЦБ создает инфляцию, а потом делает вид, что с ней борется — повышая ключевую ставку.

Центробанк занимается вредительской деятельностью, дестабилизацией экономики. В чем проявляется вредительский характер его деятельности? В его полном бездействии. В том, что он (вместе с коммерческими банками, которые также эмитируют деньги) не контролирует целевое использование выпускаемых денег. Большая часть денег не участвует в создании товаров и услуг (что означает увеличение ВВП), это деньги «паразитические». Часть из них — деньги «отдыхающие» (коммерческие банки триллионы рублей размещают на депозитах Банка России). Часть денег — «играющие», они направляются не в реальную экономику, а на биржу и участвуют в иных играх спекулятивного характера. Вопрос о целевом использовании эмитируемых денег — за пределами интересов российского Центробанка и тех обязанностей, ко-

торые на него возложены Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации». Я об этом достаточно подробно писал в статье «Инфляцию следует подавлять не ключевой ставкой, а обеспечением целевого использования выпускаемых рублей».

В выступлении госпожи Набиуллиной есть и откровенная дезинформация, и разные искажения. Целый ряд комментаторов совершенно справедливо обратили внимание на следующие ее слова: «На сегодняшнюю инфляцию всё в меньшей степени влияет произошедшее ранее снижение курса... Основной рост цен сегодня происходит в компонентах потребительской корзины, которые слабо зависят от курса».

Сегодня уже даже те люди, кто далеки от экономики, понимают, что ослабление валютного курса рубля неизбежно ведет к росту рублевых цен на российском рынке. По той причине, что половина российского рынка так или иначе формируется за счет импорта (в том числе даже в товарах так называемого «локализованного» производства имеется немало импортных компонентов). Вот, например, на канале «РИА Катюша» читаем:

«Среди самых подорожавших товаров этого года, согласно Росстату — помидоры — 53%+, импортные помидоры, которые рванули вверх именно из-за падения курса рубля. Дальше бананы — без комментария, яйца — как мы писали, они подорожали из-за импортного сырья, импортных кормов, импортных лекарств, повышения цены на ГСМ и повышения процентов в банках из-за повышения ставки ЦБ.

В списке подорожавших лидеров — автомобили, как сказал президент, они подорожали из-за импортных комплектующих. Кто врет Путину: Вы или Мантуров, идите и разбирайтесь с ним, нам это неинтересно, но президент сказал именно это. А теперь хотелось бы увидеть перечень товаров, к удорожанию которых курс рубля не имеет отношения. Хотя бы из десяти позиций». В заключение автор публикации прямо обвиняет Набиуллину во лжи.

В выступлении 15 декабря Набиуллина несколько раз сослалась на то, что решение о повышении ключевой ставки принималось с учетом «инфляционных ожиданий». А это что такое? Как разъясняет Банк России, это ожидания физических лиц и бизнеса относительно того, какой может быть инфляция в будущем. Общая картина ожиданий создается за счет опросов, проводимых Банком России. Кухню получения блюда под названием «инфляционные ожидания» Банк России не раскрывает. Кого опрашивают? Какова численность респондентов? Как конкретно формулируются вопро-

сы? — всё это покрыто завесой таинственности. А, может быть, сидит в Банке России какой-то эксперт и рисует те цифры «инфляционных ожиданий», которые нужны руководству ЦБ (с таким «творчеством» Банка России я знаком не понаслышке, поскольку десять лет работал экономическим советником в этой организации)?

Постоянно слышу мантру от чиновников ЦБ насчет того, что, мол, экономика России «перегрета», и ее надо «охлаждать» с помощью ключевой ставки. Если спрос обгоняет предложение (как это постоянно говорит Набиуллина), то согласно всем учебникам рыночной экономики (а у нас других нет), надо пользоваться ситуацией и быстро наращивать предложение, т.е. производство. Набиуллина вроде бы себя позиционирует как сторонницу экономического либерализма. Но ее стремление подавлять предложение (производство) находится в вопиющем противоречии с догматами экономического либерализма. Для «рыночной экономики» гораздо более типичной и неприятной является противоположная ситуация: когда спрос вялый и не дает возможности развиваться производству.

К слову сказать, растущее предложение при грамотной денежно-кредитной политике как раз и может подавить инфляцию. Ведь это будет означать наращивание товарной массы и восстановление баланса между денежной и товарной массами (о чем я сказал выше).

В заключение хочу обратить внимание на один из тезисов выступления Набиуллиной, который не дает российской экономике никаких надежд и который уже погрузил многих руководителей компаний реального сектора экономики в минорное состояние. Глава Банка России полагает, что высокая ключевая ставка в России — «всерьез и надолго» (известные слова В.И. Ленина, сказанные им в 1921 году в связи с введением в стране нэпа).

Именно на такой ноте руководительница Банка России закончила свое выступление: «Пока мы не увидим, что складывается устойчивая тенденция к замедлению роста цен и к снижению инфляционных ожиданий, ключевая ставка будет оставаться высокой столько времени, сколько потребуются».

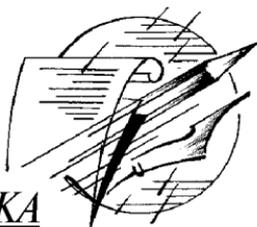
Закончу свои размышления с того, с чего начал. А именно со сравнения выступления президента РФ В. Путина на «Прямой линии» 14 декабря и выступления председателя Банка России после принятия решения по ключевой ставке 15 декабря. И у меня мелькнула страшная мысль: может быть, Россией управляет совсем не президент РФ, а глава Банка России?

ЭТО НАЦИЗМ

Нет конца сообщениям вроде: «В результате израильского авиаудара по лагерю беженцев Джабалия погибли... 47 человек»... «ЦАХАЛ нанесла удар по лагерю беженцев «Аль-Магази», более 20 человек погибли... «Десятки мирных жителей погибли при ударах Израиля по Газе...». По состоянию на 25 декабря число погибших мирных палестинцев в Секторе Газы в результате варварских бомбардировок и других террористических действий израильтян превысило 20 тысяч 400 человек. Количество раненых и контуженных вряд ли поддаётся подсчёту.

Нет сомнений, нынешние правители Израиля пытаются подражать Израилю древнему, Библейскому. Подлинный холокост, акт всеожжения, устроенный ими на землях Палестины в 2023 году, внешне вполне подобен Божиим карам, известным нам по Священному Писанию.

После выхода из Египта богоизбранного народа, в котором через века явлен миру будет Мессия Христос, геноциду были подвергнуты мадианитяне, родственное евреям племя, поклонявшееся Ваал-Фегору: «И сказал Господь Мои-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сею, говоря: отмсти Маданитянам за сынов Израилевых... И послал их Моисей на войну.. И пошли войною на Мадиама, как повелел Господь Моисею, и убили всех мужского пола... и все города их во владениях их и все селения их сожгли огнем... И сказал им Моисей: [для чего] вы оставили в живых всех женщин?.. Итак, убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте...» (Чис. 31: 2, 6, 7, 15, 17).

При завоевании Земли Обетованной Иисус Навин, возглавивший народ после смерти Моисея, при взятии первого ханаанского города, Иерихона: «И предали заклятию всё, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [всё] истребили мечом» (Нав. 6: 20).

О взятии Давидом города Раввы — царственного города аммонитян, семитского народа, заселявшего земли от восточного берега Иордана до Аравии, поклонявшихся Молоху — читаем в Священном Писании: «И собрал Давид весь народ и пошел к Равве, и воевал против нее, и взял ее... А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигаемые печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими. И возвратился после того Давид и весь народ в Иерусалим (2 Цар. 12: 29, 31).

Современные железные молотилки, огненные пилы и тротильные печи нынешних израильтян методично перемалывают и перемешивают с землёй города палестинцев, дом за домом, с людьми внутри — с детьми, стариками, женщинами, исполняя, несомненно, не волю Божию, но радуя антихриста. Мессия, Спаситель мира Иисус Христос был явлен в еврейском народе 2024 года назад. Та часть народа, которая не приняла Христа, ожидая царя земного, а с ним себе всемирного владычества, ожидает явления Машиаха, антипода Христа, антихриста. Нынешний иудаизм родился тогда же, 2024 года назад, под крики «распни его, распни», в час зверской казни Иисуса Христа.

Правительство Нетаньяху, пришедшее к власти в декабре 2022 года, является самым националистическим за всю 75-летнюю историю искусственного существования Израила.

Они спешат. Они намерены окончательно решить палестинский вопрос, как в своё время Гитлер пытался решить вопрос еврейский. Останавливаться на уничтожении Сектора Газы не собираются. Палестинские земли Западного берега Иордана в прессе Израила иначе как Самарией и Иудеёй не называют. Тон задал оголтелый иудейский нацист Итаман Бен-Гвир, министр безопасности Израила. Внимание к

себе он привлёк «прогулкой» по Храмовой горе, и лишь только стал силовым министром, напомнил о необходимости возведения третьего храма.

Цитируем религиозный израильский ресурс «Иудаизм и евреи»: «Сказано в Иерусалимском Талмуде (Йома, 1): «Каждое поколение, при жизни которого не отстроен Храм, виновато [перед Всевышним] не меньше, чем то, за грехи которого он был разрушен». Ибо любое поколение имеет достаточно духовных сил, чтобы пробудить милосердие небес, освободить Израиль из-под власти притеснителей, собрать его изгнанников со всех концов земли и выстроить Храм».

Провокация 7 октября ради этого, в конце-то концов, и совершалась. То, что это было провокацией израильских спецслужб, нет сомнений. Все знают, что американцы ставили в известность Израиль о готовящейся атаке ХАМАС. Слышали мы и рассказы удивлённых молодых израильтян, прежде служивших на границе с Газой. Тревога объявлялась, «если даже и таракан» пытался проскочить из Газы через все заборы, колючку и подземные щиты! Власти Израиля прекрасно всё знали и использовали заговор свободолюбивых палестинцев в своих целях, устроив музыкальный фестиваль на границе.

Хладнокровная жестокость израильтян времён Нетаньяху бросает вызов жестокости нацистов времён гитлеровской Германии. Арийцы, «белокурые бестии» завоёвывали себе жизненное пространство, полагая себя высшей расой, призванной повелевать и владеть миром. В каком-то смысле это было жуткой пародией на иудеев времён после Распятия. Не Моисей показал путь человеку к спасению, а Заратустра, не евреям — арийцам. Мессиянская конкуренция! Кто читал «Майн кампф», помнит, почему Гитлер нарушил завет Бисмарка не воевать с Россией. Адольф Алоизович по гордынке своей, сидя в тюрьме сто лет назад, полагал, что Россия во времена Романовых управлялась немцами и была непобедима. А после революций 1917 года ею руководят евреи, которые к государственному управлению не способны, поэтому она колосс на глиняных ногах, который не сложно обрушить.

Вопрос с мессиянскими конкурентами Гитлер решал радикально, как решали его евреи со своими врагами в древности... Но только ли в древности? ЧК времён массовых репрессий по национальному составу у нас была во многом еврейской. Сейчас второе поколение евреев управляет Украиной, и аборигенов властям не жалко. Нет, не случайно в США евреи не становятся президентами! Закон самосохранения срывает и у самих хозяев денег...

В Газе мы сейчас видим как бы кальку с кальки! Иудеи пародируют не только древних евреев, но подражают и безжалостности гитлеровцев. Однако немецкие нацисты ошиблись. Но и евреи в своей истории ошибались и прогневлили Бога много раз. Дважды разрушался Храм, они проигрывали войны, попадали в плен и рассеивались...

Как ортодоксальные иудеи относятся к тотальному истреблению палестинцев? Читаем на упомянутом ресурсе: «Раввин и даян (судья), один из ведущих талмудических авторитетов еврейского мира, рав Йеуда-Арье Динер, безусловный лидер евреев Бней-Брака (духовный центр ортодоксальных иудеев), призвал к солидарности с солдатами Армии Обороны Израиля. Сказал, что мы должны поддерживать свою армию, всячески ей помогать, ибо она противостоит одному из самых злых врагов нашего народа...» То есть авторитетный ортодокс за истребление палестинцев.

Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху его слышит. 25 декабря СМИ сообщили о встрече Нетаньяху со своими головорезами в секторе Газа. Нетаньяху под впечатлением: «Все они просили меня только об одном: чтобы мы не останавливались и продолжали идти до конца». То есть головорезам нравится убивать детей и женщин. Что же премьер? Для него слова боевика — пропагандистский аргумент: «Поэтому мы не будем останавливаться, мы будем продолжать воевать. Мы усилим нашу борьбу в ближайшие дни, и это будет долгая война, ее конец не близок».

Надо сказать, что и Резолюция Совбеза ООН от 22 декабря, подготовленная арабскими странами, направленная на облегчение поступления гуманитарной помощи в Сектор Газа, трактуется Израилем так, что военная операция по зачистке Сектора Газа будет продолжена. Устная поправка с призывом к приостановлению военных действий, внесённая РФ, заблокирована США.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

РАССКАЗ

*Светлой памяти актрисы
Нины Зоткиной*

— Только я все равно не понимаю, как
люди сходятся без любви.

Из фильма «Двое в пути»

1

Заболел он всерьез. Но болезнь его была не из тех, что укладывают в постель, не из телесных, так сказать, недугов. Это была болезнь духа, лечить которую зачастую пытаются выпивкой, не понимая, что от нее будет только хуже. Он не поддался этому заблуждению и переносил свою тоску и боль без всяких воздействий на организм извне. И все ходил и думал, ходил и думал. Ходил часами по набережной и по улицам города, преодолевая уйму километров в день, и думал, думал неустанно. Тогда он был девятнадцатилетним студентом, и временами ему самому становилось странно, как это угораздило его в столь раннем возрасте впасть в такой мрак. Мысли текли и текли сами собой, никогда еще мозги его не работали так интенсивно, никогда не возникало в них такого множества мыслей, самых разных, и он порой удивлялся: откуда они берутся? Раньше-то ничего подобного не было, жил да жил с пустой головой, и теперь жестко себя за это косте-

ПРОЗА

рил: вот именно раньше, раньше надо было задумываться о жизни и о себе в ней; глядишь, и не угодил бы в такую ловушку! А теперь вот приходится выбираться из нее всеми силами, да что-то плохо, плохо это получается, вообще не получается! «И какая ж, однако, трагедия вышла!» — думал он с горькой иронией и с издевкой над собой. Но это и в самом деле была для него трагедия, огромная, всепоглощающая — кроме шуток, серьезно! — трагедия вселенского масштаба внутри одной конкретной души, предельно чистой и, как выяснилось, способной любить по-настоящему глубоко и сильно, так что если бы та студенточка по имени Надя, с поразительной легкостью отвергнувшая его после нескольких месяцев чуть не ежедневных встреч и частых хождений по кинотеатрам, кафешкам, концертам и дискотекам, после простаивания по ночам в объятиях и поцелуях в подъезде ее дома, пришла бы к нему и велела отдать ей девяносто девять процентов своей жизни, а себе оставить один, но только чтобы прожить его с ней, а когда он закончится, уйти в мир иной, он бы согласился, ни мгновения не раздумывая — до того дорого было ему то, с чем приходилось расставаться и чего было невероятно жаль, ведь кто его знает, придет ли еще когда-нибудь такое.

Под гнетом этих мыслей и чувств Евгений (так его звали) жил весь тот период, захвативший весну и начало лета, а ведь приходилось еще и учиться, «грызть гранит науки» политехнического института, одного из самых трудных для обучения, правда, это как раз было ему на руку, поскольку груз учебы поневоле вынуждал забывать на время о своей беде, да и сама учеба увлекала его, а будущая профессия инженера-механика кузнечно-штамповочного производства была ему по душе и становилась прямо-таки лекарством, уж куда более действенным и полезным, чем спиртное. Но стоило ему выйти из глубокой погруженности в занятия, как снова наваливались те же мысли, а с ними все та же тоска и боль, и опять он ударялся в хождения по городу.

2

И в этих хождениях однажды зашел в магазин культтоваров, что располагался рядом с институтом, и остановился, сам не зная зачем, в отделе, где продавали телевизоры. Один из них, как всегда, был включен. И возле него, тоже, как всегда, сгрудились студенты. Тогда это было обычным делом, никто из продавщиц не говорил им ни слова: пусть смотрят сколько угодно — вплоть до закрытия магазина; и только на время обеденного перерыва придется попросить их осво-

бодить помещение. И он стоял среди них, опять же не зная зачем: за эти нелегкие дни успел забыть о телевизоре напрочь, да и раньше-то почти не смотрел его, тем более что родители и сестра-школьница, обожавшие телевидение, смотрели отнюдь не то, что мог бы посмотреть он. И сейчас не смотрел, а просто стоял, опустив голову, и все думал, думал о своем, лишь изредка поглядывая на экран, но ничего толком на нем не различая.

И вдруг что-то зацепило его взгляд. Он посмотрел на экран внимательней и увидел лицо девушки примерно его возраста, симпатичное, но не само лицо привлекло его, а то выражение, с которым она глядела перед собой, явно ничего не видя.

— У нее какое-то несчастье? — тут же спросил он стоявшую рядом студентку с портфелем и тубусом в руках.

Она коротко рассказала предыдущее, и дальше он смотрел неотрывно, все больше и больше погружаясь в этот фильм, сходу окутавший его знакомой ситуацией, ведь героиня по имени Варя, как и он, пострадала от безответной любви. И ему захотелось узнать, как выберется она из ловушки — такой же, в какую угодил он. Правда, у Вари, работавшей штукатуром-маляром на стройке в большом городе, не было встреч с тем, кто запал ей в душу. Он был моряком, недавно отслужил срочную службу на Тихоокеанском флоте и, немного поездив по стране, осел в деревне, где устроился на работу механизатором. В этой деревне жила замужняя сестра героини. И как-то раз, на почте, моряк увидел у нее в руках только что полученную вместе с письмом фотографию Вари, выполненную в ателье редкостным мастером своего дела, а посему была героиня очень хороша собой на этом снимке — прямо кинозвезда! Моряк сразу попросил у сестры адрес Вари и послал ей письмо, вложив в конверт свое фото, на котором был запечатлен в военно-морской форме и тоже выглядел красавцем, но не потому, что снимал его кто-то особенный: просто он был красив от природы и все. В письме же написал, что давно мечтал о такой девушке, как она, и предложил познакомиться. Подруги по бригаде разглядывали его фотографию с изумлением и восхищением. Завязалась переписка, и постепенно у Вари зародились очень хорошие чувства к нему, и на вопрос, когда они встретятся, она ответила, что в сентябре у нее отпуск, и она поедет в деревню к сестре, — там они, может быть, и встретятся.

Но встреча не состоялась, хоть героиня и увидела его в той же военно-морской форме на вокзале в райцентре, куда он приехал встречать ее на мотоцикле с коляской; да только повел себя он не по-людски: даже не поздоровался, и лишь оце-

нивающе осмотрел, проходя мимо. Ее внешность, не столь впечатляющая в жизни, как на снимке фотомастера, разочаровала его. А внешность-то как раз и была для него на первом месте. Он-таки оглянулся на нее и предложил довести до деревни, но так, будто и не было у них ни заочного знакомства, ни переписки. Варя огорченно посмотрела на него и отрицательно покачала головой (гордость — незаменимое качество для достойной девушки в подобной ситуации), а он вроде даже обиделся и сказал с гонором: «Ну, как хотите!» — и уехал на своем мотоцикле с коляской.

А потом героиня сидела в доме сестры, убито глядя перед собой. В этот момент Евгений и увидел ее. И когда со слов стоявшей рядом студентки узнал предыдущие события фильма, то, как уже сказано, смотрел, погружившись в него с головой, как погружался в учебу. И все-таки здесь было совершенно иное: если чертежи, курсовые работы, семинары и лекции лишь отвлекали от безрадостных мыслей, то вглядываясь в эту героиню, он чувствовал, как начинает развеваться мрак, заполонивший душу, как омертвевшее нутро потихоньку оживает, и в нем нет-нет да и пульсируют проблески полузабытого интереса к жизни.

И когда подошло время обеденного перерыва, и продавщицы попросили всех выйти из магазина, он почувствовал живое сожаление, и на улицу вышел в недовольстве, но не в том подавленно-мрачном недовольстве всем на свете, которое так долго одолевало его, а в недовольстве опять-таки живом, порождающем не апатию, а порыв к действию, к поиску чего-то способного уничтожить это возникшее вдруг новоявленное недовольство. Но искать это «что-то» не пришлось, оно тут же явилось само — в виде веселого голоса:

— Да не расстраивайтесь вы так! Сегодня этот фильм еще и вечером будут показывать!

— Правда? — встрепенулся он, поворачиваясь на голос. И увидел ту самую студентку, которая пересказала ему начало фильма.

— Конечно! В двадцать-двадцать пять. У меня есть программа. Вот, смотрите... — Она стала открывать портфель, сунув под мышку тубус, но он сказал поспешно, с подобием чего-то, похожего на радость в голосе:

— Не надо, не надо... Спасибо!

И пошел к остановке.

3

Дома он быстро перекусил и взялся за учебу с особым рвением, желая, чтобы день пролетел скорей. А вечером сел у

телевизора перед началом фильма, по правде говоря, опасаясь, что эффект, который был днем, уже не повторится. Но когда увидел на экране героиню, то сразу почувствовал, как продолжает в нем всё оживать, причем с новой силой, ведь в начале фильма на лице Вари не было ни капли тоски, наоборот, оно светилось радостью от пьянящего ощущения своей юности и свойственного в этом возрасте предчувствия скорого и неизбежного счастья; и она с доброй и светлой улыбкой шла по территории стройки, в рабочей одежде и белой косынке, со следами извести на щеке, и махала рукой окликнувшим ее подругам из бригады. Потом они вчетвером, нарядно одетые, успев пройти через парикмахерскую, а затем — с красивыми прическами — через фотоателье, где и запечатлел их большой мастер, шли по улице с покупками — на полученную в тот день премию. Подруги Вари одна за другой покидали ее, отдавая ей покупки и уходя со встретившимися по пути друзьями, пока она не осталась одна. И шла дальше, нагруженная пакетами. Помочь донести их вызвался ожидавший ее у общежития земляк из одной с ней деревни. Он работал на той же стройке, успел уже стать бригадиром, собирался жениться на Варе, верней, планировал, как планируют, например, поступление в вуз или приобретение машины. Да только Варя не хотела выходить замуж без любви, а к этому земляку любви у нее не было, и она отказалась и от его помощи, и от предложения сходить в кафе, сославшись на дежурство по комнате общежития.

А вскоре, после того, как она отправила в деревню свою фотографию (настолько все-таки удачную, исключительно удачную, что ее даже выставили на всеобщее обозрение в витрине фотоателье!), ее и увидел в руках Вариной сестры тот моряк...

И опять Евгений смотрел на расстроенное лицо героини, и опять ему хотелось узнать, как выйдет она из этой ситуации. А она решила немедленно уехать в город, но сестра взялась уговаривать ее остаться отдохнуть на свежем сельском воздухе. В конце концов Варя согласилась, но не отдыхать: мол, отдых не нужен ей сейчас, как раз наоборот — необходимо занять себя каким-нибудь делом, чтобы все это поскорее забыть. В разгаре шла уборочная страда, и сестра устроила ее на работу — скирдовать солому. И уже на следующее утро она тряслась в кабине трактора «Беларусь» со стогометом. Его вел Николай, заводской шофер, приехавший из города на уборочную. Он был ненамного старше Вари, но уж больно серьезный, молчаливый и хмурый, явно загруженный какими-то своими проблемами. Варя пыталась с ним заговорить,

пока ехали, да не получалось: он отвечал на ее вопросы односложно, а то и вовсе не отвечал. Когда приехали в поле, пошла работа, знаковая Варя со школьных времен, пыльная и даже очень. Но не пыль дожимала ее (тем более, что она взяла с собой респиратор и сразу надела его), а та скорость, с которой Николай подавал наверх солому. Еще ни разу не приходилось ей трудиться так напряженно.

Когда закончили первую скирду, она съехала с нее на стерню, сняла респиратор, воткнула в землю вилы и, вытирая пот с лица рукавом, спросила Николая:

— Куда так гонишь-то? Нельзя ли поубавить темп?

Он ответил, выглянув из кабины:

— Я не прохладиться сюда приехал. Если тебя не устраивает мой темп, переходи к кому-нибудь другому. — Он говорил, не глядя на нее и обмахивая кепкой вспотевшее от работы и от солнечного тепла лицо. — Я не мог отказаться ехать на уборочную, и теперь на заводе мне идет не полный заработок. Поэтому и сел не на машину, а на стогомет. На нем можно больше заработать.

— Знаю, — сказала Варя. — А если гнать, как ты, можно за уборочную и на машину заработать.

— Машина у меня есть, — ответил Николай. — «Москвич». Мне отец его отдал.

— Ну и отлично! Так я не могу понять, что ж ты не щадишь-то себя так из-за каких-то денег?

Николай только вздохнул и сказал:

— Садись, продолжим.

И когда Варя забралась в кабину и села с ним рядом, повел «Беларусь» к следующей громадной бесформенной груде соломы, которую трактористы стащили туда волокушами.

Дальше работали с той же скоростью. И получалось хорошо, слаженно.

Когда солнце поднялось в самую высь, Варя сказала, съехав с новой скирды:

— Все, Николай! Пора на обед!

— Какой там обед! — крикнул он из кабины. — Я не собираюсь тратить время на еду! Вперед!

И она не смогла ему возразить.

Но на следующий день сказала настойчиво:

— Поехали, поехали, Николай, на обед! Нельзя без обеда. Ты можешь заболеть!

Он не ответил, и только захватил стогометом очередную большущую охапку соломы и забросил ее на самый верх еще не законченной скирды.

И опять отработали без обеда.

А на следующий день в обеденное время Варя уже ничего не стала говорить ему, а просто вынула из сумки, которую взяла с собой, белую скатерть, расстелила на скiranya и быстро превратила ее в накрытый стол. И сказала весело:

— На это не надо много времени! Давай-ка заправимся!

А он так и сидел в кабине, застыло глядя на белеющую на стерне скатерть и на стоящие на ней тарелки с горячим супом из термоса, с большими ломтями тушеного мяса, на синие пластмассовые стаканы с компотом, на аккуратно разложенные на салфетках пирожки и нарезанный хлеб... В эти мгновения на лице Вари появился испуг: она, должно быть, подумала, что Николай опять закричит на нее. Но он как-то боком скорее выпал, чем вышел из кабины, деревянным шагом подошел к скатерти, сел, снял и положил рядом кепку, взял ложку и быстро-быстро стал есть, пока не сметал все ему предназначенное, а потом, взглянув на нее исподлобья, кивнул в знак благодарности, взял со стерни кепку, хотел было нахлобучить ее на голову, но тут же аккуратно положил на прежнее место и молча и терпеливо ждал, когда она закончит обедать.

Глаза его, когда он смотрел на нее, теплели.

После работы он довез ее на тракторе до дома и сказал:

— Завтра ничего не бери. Это просьба. Выполни ее, пожалуйста.

Она выполнила. И на следующий день, в обед, не сказав ни слова, Николай повез ее в столовую, и там накрыл уже настоящий стол. И они сидели и обедали неторопливо, молча. Единственное, что он сказал ей:

— Ты права, я понял. Нельзя без обеда.

В этот момент в столовую вошел Варин знакомый — тот самый моряк, как всегда, одетый в форму. Увидев Варю, он усмехнулся, прошел к буфету и о чем-то заговорил с буфетчицей. Поглядывая на него, Варя заметила, что, разговаривая, он все смотрит и смотрит — любуясь собой — в большое зеркало, стоящее на полке за буфетчицей. Ей стало все понятно. И вечером она с досадой сказала сестре:

— Пустой он!

И было ясно, что ее очень хорошие чувства к нему прошли.

А работа с Николаем продолжалась всё так же слаженно, но уже с обязательным обедом и без прежнего молчания.

Когда закончилась уборочная, Николай сказал, что послезавтра сам отвезет ее в город и чтобы она его ждала.

А на следующий день Варя узнала, что он, как и все заводчане, работавшие на уборочной, уехал. И «послезавтра» не стала его ждать, а собралась и, попрощавшись с сестрой,

отправилась на автобус. Но не поехала, а когда автобус ушел, села на свой чемоданчик — у остановки, под моросящим дождем. Возле нее затормозил «Москвич». Открыв дверцу, Николай крикнул:

— Я же говорил — отвезу!

Она, не глядя на него, огорченно ответила:

— Я думала, ты забыл... Уехал, ничего не сказал...

И по ее лицу было видно, что Николай уже не посторонний для нее человек.

Он чуть помолчал и мягко проговорил:

— Сади-ись...

И повез ее в город, до которого было километров двадцать, там остановил машину у магазина, сходил в него, вернулся с пакетом, потом подъехал к городской больнице, унес в нее пакет и, вернувшись, сказал:

— Позавчера у Тети Маши, соседки, прихватило сердце, вот я ей передачу-то и собрал... Яблок там, персиков, винограда, конфет... Врач сказал: все хорошо, ее уже перевели из реанимации... Но придется еще полежать. Так что у меня проблема.

— Что за проблема?

— Я должен срочно ехать в командировку... Да ты сейчас поймешь!

Он опять подъехал к магазину, набрал продуктов и привез Варю в свою квартиру.

В комнате, у окна, красивая девочка лет пяти сидела за столом и рисовала.

— Ну и как ты здесь одна, Аня? — спросил ее Николай.

— Я не хочу одна! — по-детски недовольно сказала девочка. — Не оставляй меня больше одну, папа!

Тут-то и стало понятно Вале, для чего Николаю так нужны деньги. Когда ушли на кухню, он сказал:

— У нас детский сад на ремонт закрыли. С Аней оставалась тетя Маша, она же на пенсии. А теперь вот некому.

— А мать где? — спросила Варя.

— Матери, можно сказать, нет. Ну, пойдем, я тебя отвезу...

— Подожди, Николай... Надолго тебе в командировку?

— На неделю.

— А у меня как раз неделя с лишним до конца отпуска. Я могу побыть с Аней.

Он вздрогнул от неожиданности и посмотрел на нее изумленно:

— Но... как же... отпуск...

— Да что он у меня, последний? Будет еще!

Он вздохнул и с виноватой улыбкой, опуская глаза, сказал:

— Навязался я на твою голову..

И началась у Вари другая жизнь. Пусть Аня и не была ее дочерью, пусть и спрашивала она, когда приедет мама, пусть даже почтальонша, приносившая заказные письма от бывшей жены Николая, говорила: «Ты б не встревала, у них еще ничего не ясно», — но эта неделя все-таки была для нее счастливой. Она часами гуляла с Аней, играла с ней, читала сказки, готовила, стирала. В конце недели тетю Машу выписали из больницы, но Варя дождалась Николая. Он приехал в тот же день, под вечер, она его накормила ужином, отдала письма бывшей жены, собралась и пошла. Он провожал ее до остановки. Шли молча, а когда она вошла в автобус, он порывисто бросился к дверцам, не дал им закрыться, держал их руками и торопливо выкрикивал:

— Она ушла от нас, понимаешь?! А теперь просится назад. Не могу, пишет, без вас! А когда уходила, могла!

— Не надо, Николай, — сказала Варя под звук автобусного сигнала. — Я и так всё поняла.

— Не все! Мне есть, что сказать тебе! Но я сейчас... как связанный...

Внезапно замолчав, он отпрянул. Дверцы закрылись, и автобус уехал.

В общезитии Варя ничего не сказала подругам из бригады — кроме того, что с моряком не вышло. Она сказала это без тени сожаления и даже весело, так что и подружки развеселились, вспоминая, как тщательно собирали они ее в ту поездку, продумывая каждую деталь одежды, накручивая ей бигуди и давая массу наставлений.

А потом Варя сидела за столиком на фоне сцены, где музыканты с мелодичными звуками настраивали свои инструменты, и пила коктейль через трубочку, поглядывая на сидящего напротив земляка-строителя. Ему все-таки удалось уговорить ее пойти с ним в кафе. Да ей и самой это надо было. Чтобы, в конце концов, как говорится, «выяснить отношения».

После того, как потанцевали, он сказал:

— Начальство обещает мне квартиру сразу, как только распишемся...

Тут-то она и спросила его напрямую:

— А почему ты выбрал меня, Игнаша? Подруги-то мои красивой. Выбрал бы кого-нибудь из них! А может, ты просто присмотрел меня? Как присматривают какую-нибудь вещь или строительный материал, чтоб понадежней был.

— Хорошо, — сказал Игнат. — Объясняю. Во-первых, мы из одной деревни...

И он стал спокойно и рассудительно, загибая пальцы, приводить свои аргументы.

Выслушав, Варя сказала:

— А я другого люблю!

Игнат мгновенно утратил спокойствие и выдал крайне эмоционально:

— Но у тебя же все равно ничего там не получилось!

Она ответила:

— Тебе-то что!

Через несколько дней к Варе на работу пришел Николай. Она штукатурила стену на одном из верхних этажей строящегося дома. Увидев его, сказала со вздохом:

— Разыскал...

В ее голосе не было радости. Да и откуда ей взяться? Уж слишком нелегкой оказалась для нее эта ситуация, куда более нелегкой, чем с моряком.

— Что, она приехала? — спросила Варя.

— С ней у меня все, — ответил Николай. — А тебя я люблю. Выходи за меня замуж.

— Ты просто обиду простить ей не можешь, — сказала Варя. — А у меня совести не хватит пользоваться этим. И потом... Игнаша! — крикнула она в проем: — Поднимись на минутку!.. Понимаешь, Николай, человек у нас один есть. Тоже замуж зовет. Нам квартиру дают. А главное... Ты уж не обижайся... Проще с ним все.

Николай стоял, опешив, и смотрел на нее растерянно. Потом сказал:

— Немного не так я о тебе думал... Ну, счастливо!

Повернулся и ушел.

А через несколько секунд появился Игнат и спросил:

— Чего тебе?

Она кивнула на стоявшее перед ней корыто:

— Смотри, какой раствор! Можно таким работать?

Он взял щепоть раствора, посмотрел, помял. И удивленно ответил:

— Раствор как раствор... Ладно, скажу, чтоб погуще замешивали. — И прикрикнул на нее: — Сама, что ль, не могла?! — И пошел было прочь, но остановился и сказал: — А квартиру мне уже и так дают, холостому..

— Да уйди ты! — крикнула она со слезами в голосе.

И когда он ушел, хотела продолжить работу. Но не смогла. Заплакала. Очень сильно, горько. И села на подоконник, плача и плача, и слезы текли и текли из ее глаз.

А Николай, выйдя на улицу, в задумчивости постоял у дома. Потом поднял взгляд и посмотрел на верхние этажи. И

увидел Варю, плачущую за оконным стеклом. И тут же быстро пошел назад, к ней.

На этом фильм закончился.

4

Когда по экрану под музыку поплыла заставка новостной программы, Евгений посмотрел вокруг просветленным взглядом (куда только и делась его тоска!), все еще замороженно, с глазами, блестящими от набежавших слез; и увидел, что сегодня у них, оказывается, был семейный просмотр: вместе с ним этот фильм посмотрели и его родители, и младшая сестра Тоня. Они сидели безмолвно, словно боясь ему помешать. И теперь молча, неподвижно и настороженно смотрели на него, как бы в ожидании, что он скажет. Тут-то и дошло, наконец, до Евгения, что они все эти дни переживали за него, ни о чем не спрашивая, но всё понимая и стараясь ничем его не задеть, ничего не добавить к его ране. Ему как-то вмиг стало ясно, что его несчастье в их дружной семье стало общим несчастьем. Он вдруг остро почувствовал, что зря отдалился от них, зря ушел в себя, забыв известную истину, что в трудной ситуации всегда следует идти не от людей, а к людям, тем более, если это люди близкие: они обязательно помогут. У него потеплело на сердце, что-то горячее подступило к горлу.

И он сказал, туго сглатывая:

— А давненько мы не играли в карты! Может, сыграем?

Тут же всплеснуло семейное оживление. Родители и сестра заулыбались и встали, заговорив одновременно и с видимым облегчением. Мать пошла на кухню — ставить чайник. Тоня освободила круглый стол от газет, журналов и книг. Отец достал из серванта колоду карт. И уже через несколько минут они сидели за игрой и попутным разговором, а чуть позже, после того, как засвистел чайник, продолжали играть под чаек с вареньем, конфетами и плюшками. О фильме говорили много. Получилось своего рода обсуждение, в котором Евгений участия не принимал, и только слушал, довольно внимательно, умудряясь при этом и о своем думать, и небезуспешно играть, а иной раз и одобрительные слова вворачивать, например, когда отец, строитель по профессии, недавно заступивший на должность заместителя начальника треста, заговорил о том, что стройка в фильме показана удивительно достоверно — с ее неиссякаемыми проблемами и сложными отношениями между людьми. С ним согласилась мать, тоже строитель, она когда-то начинала на стройке крановщицей (там они и познакомились с отцом), потом окон-

чила заочно институт, и теперь работала старшим инженером в управлении сельского строительства. Ей так же очень понравилось, как известный актер, мастер эпизода, сыграл роль преподавателя вечерней школы, в которой училась героиня. А сестре пришлось по душе веселые сцены с девчатами из бригады, и она пересказывала их слово в слово, залившись смехом. Но особенно понравилась всем героиня Варя, ее просто полюбили. Отец сказал, что в таких-то девоньках всегда самые большие сокровища и таятся, и мать согласилась: «Да, да, конечно! Душа у ней золотая!» И Тоня опять засмеялась: «Э-эх, прошляпил свое счастье морячок!» На лице Евгения появилась улыбка, и это тоже порадовало родителей и сестру, ведь они уже и забыли, когда он в последний раз улыбался. А он чувствовал наступающее, наконец, исцеление от своей затянувшейся болезни. Все окончательно оживало в нем, и ему становилось просто хорошо. «А ведь это благодаря ей!» — думал он, вспоминая лицо Вари в начале фильма, когда она со счастливой улыбкой шла по территории стройки.

И после того, как закончили игру, он, слегка утомленный, с удовольствием укладывался спать и думал, беззвучно посмеиваясь: «Будет еще всё! Будет! Зря сомневался...» И уснул почти мгновенно. Впервые за долгое время его не донимала бессонница.

5

А утром проснулся, отлично выспавшись, в настроении вполне жизнерадостном. И хоть и в этот раз ему сразу вспомнилась студенточка Надя, он не почувствовал ни тоски, ни боли, душа осталась светлой. Но самое главное: в нем не было больше зла к ней, порожденного ее злом, на которое в течение месяца с лишним нарывался он в своих тщетных попытках вернуть всё, что было между ними, прежде чем понял, что это — разрыв навсегда, и ничего не остается, кроме как отступить и пережить. Ему вспоминалась беззлобность Вари в тот момент, когда он впервые увидел ее на экране и когда, казалось бы, ее точно так же, как и его, должно было одолевать зло, ведь она попала в очень тяжелую ситуацию, но все-таки оставалась при своей доброте, ни капельки зла в нее не проникло; и он чувствовал, что и сам зарядился от нее добротой, будто испив какого-то целебного снадобья. И только любовь всё еще сохранялась в нем. Но это, подумал он, хорошо. Главное — жить без зла. Ведь оно-то, понял он, и угнетало, и вызывало тоску и боль. А любовь... Пусть будет... Она пройдет, но память должна сохранить только лучшее из того, что было

связано с ней. Теперь у него не было никаких сомнений в том, что на ее место придет другая любовь. И он поставил точку в своих раздумьях, оборвав их усилием воли. И больше не хотел к ним возвращаться.

Он поехал в институт и отсидел три лекции подряд, слушая с особым вниманием и с большим интересом, тщательно все конспектируя и постоянно задавая вопросы преподавателям. Это были самые последние лекции перед летней сессией.

Когда он вышел из аудитории и спустился на первый этаж, то увидел в фойе среди студентов ту, с которой вчера в магазине смотрел по телевизору фильм. Она стала первой за многие дни, по лицу которой он не скользнул равнодушным взглядом, а задержал его на нем, чувствуя и благодарность, и интерес, и даже симпатию, что было самому удивительно, ведь в последнее время чужие девичьи лица не только не интересовали его, но порой даже вызывали неприязнь. А ее лицо было ему приятно. И он, улыбаясь, сказал ей:

— Здравствуйте!

Она взглянула на него недоуменно и хмуро, и он подумал: не узнает, пройдет мимо. Но она узнала его и улыбнулась, правда, не очень-то весело и как бы несколько принужденно. И сказала:

— А, это вы... Здравствуйте... — И засмеялась, тоже без особой радости, но все-таки смех ее не был таким уж невеселым. — Ну и как? — спросила она, глядя на него прямо, с проблемском любопытства. — Досмотрели?

— Да, — кивнул он. — Спасибо вам! Для меня это было важно. Спасибо, — повторил он. И спросил напрямую: — А у вас, извините, что-то не так? Вчера вы были в другом настроении.

— Вчера я с удовольствием смотрела фильм, — ответила она. — Оттого и настроение было... А сейчас его протят тыщи!

Он спросил удивленно:

— Да неужели с ними могут быть какие-то проблемы?

— Могут! У меня с английским вечно проблемы. Сама не понимаю, с чего это он мне так трудно дается. — Она тяжело вздохнула. — Вот и сессия подходит, а у меня нет зачета.

— Так я могу помочь! — обрадовался он. Именно обрадовался, а не подобие радости ощутил. — У меня с этим никогда никаких проблем не было! Вы на каком курсе?

— На втором.

— И я на втором. А специальность?

— Метролог.

— А, знаю, факультет автоматизации. Тыщи-то при вас?

— Конечно. — Она качнула портфелем. И посмотрела на него с надеждой.

— Так пойдете в читалку! Вас как звать?

— Марина. А вас?

— Женя. Вперед!

И они пошли в читальный зал. Там он быстро и увлеченно, не без помощи, конечно, словаря, перевел двадцать с лишним тысяч знаков английского текста из газеты «The Moscow News». Она, глядя на текст и на ручку, которую он, произнося перевод, вел под строчками, слушала и повторяла про себя с закрытыми глазами, запоминая, и тут же аккуратно записывала в тетрадь. Закончив, он почувствовал себя на высоте, одновременно ощутив страшный голод, и вместе с тем ему было жаль, что вот сейчас придется расстаться с этой Мариной, которая — опять же ему на удивление! — всё больше и больше нравилась ему, особенно ее улыбка, напоминавшая светлую и добрую улыбку киногероини Вари; нравились и ее серые умные глаза, и ее светлые вьющиеся волосы, да и само лицо, как разглядел он теперь, очень даже симпатичное, с такими нежными очертаниями... Нет, не хотел он, чтобы всё это закончилось ничем. Ужас как не хотелось ему возвращаться в свое внутреннее одиночество! И он сказал:

— Ну что? Теперь, может, в кафе? В «Ромашку», а? Я приглашаю. Сегодня староста выдал нам степону...

— Подожди! — перебила Марина. Они уже перешли на «ты». — Сначала мне надо сдать. — Она посмотрела на свои наручные часы. — Ага. Как раз сейчас англичанка принимает хвосты. Сдам, тогда и пойдём. Только давай договоримся: это я приглашаю, а не ты. С меня ведь причитается. Нам тоже сегодня дали стипендию. В общем, жди меня здесь, отдохай, читай журналы или что хочешь. А я постараюсь скорей!

И быстро ушла. Долго ждать ему не пришлось. Марина вернулась, весело помахивая зачеткой, и сказала со смехом:

— Я еще до середины не перевела, а она мне: «Все, все! Вижу, поработали отлично, не буду отнимать время...» Спасибо тебе, Женя, огромное! Ну а теперь пойдём в «Ромашку»!

И когда сели за столик в кафе, она, удивленно осматриваясь, сказала:

— Как здесь все, оказывается, похоже на кафе в том фильме...

— А, значит, тоже досмотрела?

— Еще бы! Он так втянул меня в магазине, что я уже и не могла не досмотреть... Скажи, а у тебя-то как дела по учебе?

— Да нормально.

— Я к тому, что, может, тебе тоже надо помочь? Ну, там по сопромату, например.

— Ну, если возникнут вопросы, обязательно к тебе обращайся! Хотя кое-какие вопросы есть и сейчас...

И так они разговаривали, пока к ним не подошел официант, и Марина заказала летние коктейли, суп харчо, цыплят табака, шпроты с луком, кофе с десертом, что-то еще, и разговор продолжился. Евгений чувствовал с волнением: начинается новая жизнь, а прежняя уходит, растворяясь в прошлом и оставляя в душе все-таки только хорошее, так что когда много позже он случайно увидит Надю, и они, поздоровавшись, пройдут мимо друг друга, ему вспомнится одна лишь радость той любви, и он не ощутит ни малейшего привкуса горечи и только подумает: как хорошо, что она была; и особенно хорошо, что после нее в нём не осталось ничего худого, никакого осадка; потому-то и не было разочарования в жизни, в любви, в людях, этой глупой отравы неудач, не коснувшейся его благодаря стечению обстоятельств: из своего поражения он вышел хоть и пострадавшим, но невредимым. И когда они с Мариной сидели в кафе, эта новая жизнь, пока еще без любви, но с предвкушением ее, с надеждой на нее, втягивала его всё больше и больше. Они говорили и говорили, а когда на сцене заиграл ансамбль, танцевали; и потом шли в сумерках по улицам; он проводил ее до дома, и она как бы вскользь, прежде чем попрощаться и скрыться в подъезде, сказала, что завтра утром придет в читалку. И действительно пришла, когда уже там сидел он, приберегая для нее место за столом.

6

И полетели одна за другой частые встречи, которые он называл «деловыми», так и говорил каждый раз перед расставанием: «Ну что, продолжим завтра (или «послезавтра», или «через пару дней») серию наших деловых встреч?» А они и правда были деловыми, забытыми учебой от и до, и проходили не только в читальном зале, но и в сквере, и на набережной, и в парке, где они с учебниками и конспектами сидели на скамейке и учили каждый свое, временами справляясь о чем-нибудь друг у друга. Когда же у них почти совпал (расхождение в один день) экзамен по термеху, он пригласил ее к себе домой, и они учили уже не каждый свое, а одно и то же, и это было куда интересней и продуктивней. Его сестра Тоня, вернувшись из школы, приносила им к столу то чай, то кофе, то что-нибудь перекусить (и до чего ж довольно было при этом ее лицо!)

На следующий день готовились у Марины, в пустой квартире (родители на работе, а она у них одна), и опять же —

чисто деловая встреча, без малейшего стремления перейти грань, хоть и чувствовал он: сопротивления не будет; но сейчас это было ему не нужно, плевать он хотел на легкий флирт, его могло устроить только одно: серьезно раз и навсегда; а для этого необходимы такие же чувства, какие были у него к Наде, а они еще не полностью ушли, и в этом плотном деловом общении с Мариной он терпеливо дожидался новых чувств, которые окончательно вытеснят прежние, стараясь не думать об этом, положившись на естественный ход событий, в общем, вел себя так, как считал нужным для того, чтобы направить свою жизнь в правильное для себя русло; а нужно было первым делом расквитаться с учебой, после чего устроить хороший отдых от нее и себе и ей, и это удалось: после того, как закончилась сессия, в течение которой у них в зачетках оседали пятерки и только по одной четверке, они поехали в спортивный лагерь своего института за пятьдесят километров от города, где жили в больших брезентовых палатках, на десять человек каждая, в одних — студенты, в других — студентки; и разлучались лишь на ночь, остальное время были вместе, и это отлично работало на его идею, приближая к цели в сладко дурманящих запахах соснового бора, где так хорошо было гулять по мягкой от опавших иголок земле среди толстенных стволов в золотисто-коричневых чешуйках коры; и лежать под палящим солнцем, распластавшись на мелком белом песочке пустынного берега реки, и носиться друг за другом по мелководью в тучах брызг, и сидеть бок о бок среди студентов в полуночной темени у костра, освещавшем обрыв с соснами наверху, слушая песни под гитару и подпевая.

К концу сезона он так привык к ней, что она уже казалась ему такой же родной, как сестра, и все-таки это было еще не то, чего он ждал, чувствуя лишь приближение цели, и настроен был ждать дальше — в полной уверенности, что остается немного. Но когда вернулись в город и он проводил ее до дома, она сказала, жалко улыбаясь и глядя на него со слезами в глазах, как это бывает перед долгой разлукой, что уже не сможет нормально жить без него, ей надо и дальше постоянно быть с ним вместе. «Совсем вместе, — произнесла она шепотом и добавила торопливо и сбивчиво, опуская глаза: — У меня такого еще... не было... и вообще никогда никого не было, даже ни с кем не дружила... Для меня это не деловая серия... — И вдруг вспыхнула, густо краснея: — Ой, что я говорю! — и закрыла лицо руками: — Не слушай меня...» И заплакала. Он был натурально убит. И в оцепенении глядел на нее, на вид хрупкую стройняшку-интеллектуалку, кото-

рой только очков не хватает для полноты облика, а на самом деле сильную, способную одним мощным броском городошной биты выбить из квадрата все рюхи; да и пятикилометровую дистанцию она пробежала второй, уступив только легкоатлетке-чемпионке города; и посбрасывала всех соперниц подушкой с гимнастического бревна в лагерных играх «Комические состязания»; а теперь превратилась в слабенькую, беззащитную, и это было так неожиданно для него, что он, выйдя из оцепенения, не опустил, а выронил из рук на асфальт обе сумки и порывисто обнял ее и мягко сказал: «Успокойся. Я все решу. Но придется подождать. Вот ты-то меня слушай, слушай! Завтра в двенадцать встречаемся в центре, у дома со шпилем. Захвати паспорт!» И поцеловал ее. Это был первый их поцелуй, не входивший в его планы и потому для него преждевременный, но он тут же подумал, смеясь над собой, что ведет себя, черт возьми, как тот строитель Игнаша из одной деревни с Варей, намеревавшийся жениться на ней по расчету; и выходит, что у него вроде как тоже свой расчет, на который надо немедленно плюнуть и больше ничего не дожидаться, а действовать, действовать, а там уж все само собой должно получится, не может не получиться.

7

И на следующий день во Дворце бракосочетаний, что напротив «дома со шпилем», они подали заявление, однако до «совсем вместе» оставалось почти два месяца, такова была очередь на регистрацию брака, но это оказалось ему на руку, ибо давало время решить все свои сходу задуманные дела, и он решал их спокойно, пока еще длились каникулы, а когда вновь закрутила учеба, продолжал — в напряженном ритме по своему собственному графику, умудряясь по-прежнему каждый день хоть ненадолго, но встречаться с Мариной, чувствуя, как его тянет к ней все сильнее и сильнее; и однажды, не найдя за весь день ни одной возможности встретиться, на следующий день рискованно бежал от своих дел и примчался в лабораторный корпус, где в основном проходили занятия факультета автоматизации, вызвал ее из аудитории, с какого-то семинара и, толком не сказав ни слова, обнял и, мгновенно ощутив необходимый заряд, наполнивший его счастьем и подбросивший внутренне на огромную высоту, сразу помчался обратно, в диком ликовании твердя про себя: «Ну, вот оно! Вот и нагрянуло! Дождался!» И только когда уже выбирали обручальные кольца в магазине «Жемчужина», начал рассказывать ей, как прожил эти без малого два месяца, и рассказывал, пока шли в золотистом солнечном

свете бабьего лета до расположенного наискось через площадь Дворца бракосочетаний — а это и был день их регистрации — и она, одетая, как и он, празднично, улыбалась счастливой улыбкой и слушала, как он на следующий день после подачи заявления записался через службу занятости на сорокачасовые курсы электриков и успел за оставшиеся дни каникул не только окончить их, но и устроиться приходящим электриком в продуктовый магазин и в детский садик, на полставки и там и там. Таким образом вкуче со стипендией его ежемесячный доход был теперь больше зарплаты инженера.

— А нагрузка там не ахти какая, — говорил он, когда переходили дорогу. — Раз в день пришел, проверил, все ли в порядке. Если надо, лампочки ввернул и — до следующего дня... Бывают, конечно, и проблемы... — Он вздохнул, вспомнив тот день, когда не смог увидеться с ней из-за того, что пришлось срочно менять проводку в магазине, да и следующий, тот самый, когда, отремонтировав электропечь в детском саду, сумел вырваться к ней на несколько секунд, после чего окрыленно помчался в магазин, где его ждала новая неполадка. — Но главное — результат, — похлопал он себя по груди в том месте, где во внутреннем кармане пиджака лежала пачка денег (он уже доставал ее, когда расплачивался за кольца, и теперь футлярчики с ними оттопыривали боковой карман его новенького, купленного вчера костюма). — По-другому я и не мыслил, — сказал он, открывая стеклянную дверь Дворца бракосочетаний и пропуская ее вперед. — Мне хотелось обойтись без помощи родителей. Понимаешь?

— Еще бы! — улыбнулась она. — Мне уже кажется, я очень давно тебя знаю и очень хорошо понимаю.

Его и удивляло, и радовало, что за все эти без малого два месяца она ни разу ни о чем не спросила его, ни в чем ему не возразила и вообще не произнесла ни слова о женитьбе, и только уже после регистрации, когда сидели в центральном ресторане, сказала, разглядывая свидетельство о браке:

— Надо известить родителей.

— Само собой! — ответил он, сдирая серебристую обертку и сворачивая проволоку с пробки шампанского. — Известим после нашего тесного застолья. По телефону. По дороге туда, где нам предстоит пребывать, как ты сказала, совсем вместе.

Пробка, звонко хлопнув, вылетела; из бутылки вырвалась пенистая струя, и Евгений наполнил бокалы.

— За нас!

«Тесное застолье» протекало за разговором, интересном только для них двоих, и длилось до темноты. Потом они еха-

ли в автобусе, всё разговаривая, а когда приехали, вошли в будку стоявшего у остановки телефона-автомата и позвонили родителям — сначала она, потом он — и это были краткие сообщения с обещанием прибыть завтра к полудню и с просьбой дожидаться, не отлучаясь из дома, несмотря на то что завтра суббота.

Марина так ни о чем и не спросила его, и как будто ничуть не удивилась, когда он привел ее в обставленную без излишеств однокомнатную квартиру, и только тогда сказал, что в ней они будут жить до самого окончания вуза, поскольку это жилье он снял на три года, в течение которых будет работать в Африке ее хозяин, одинокий геолог.

— Отличный мужик! — говорил Евгений, доставая из холодильника все необходимое для застолья уже домашнего. — Наотрез отказался брать деньги. Со студентов, говорит, не могу. И как ни убеждал я его, что в состоянии платить, хоть и студент, он был неумолим. Главное, говорит, квартплату аккуратно вносите да хату держите в чистоте и порядке.

Очень быстро всеми красками засверкал накрытый в комнате стол, заиграла радиола и потекло счастье, обволакивая их пьяняще-сладостным разливом и вбирая в себя так жарко и глубоко, с такой силой, что на другой день приехали к ее родителям много позже обещанного, заставив их поволноваться, и ему пришлось, увидев их суровые лица, бухнуться на колени, протягивая матери свидетельство о браке, но его перехватил отец и, открыв, разглядывал с лицом каменным, постепенно, однако, смягчавшимся. Наконец, оно осветилось улыбкой, с которой он и сказал, покосившись на жену:

— Смотри-ка, а у них, оказывается, все по-настоящему! А ты говоришь — дети, дети...

И отдал ей свидетельство. А ему сказал, подавая руку:

— Поднимайся, юный зять, поднимайся! Перед иконостасом падешь ниц! — И помог ему подняться, крепко пожимая руку. И спросил: — Твои родители знают?

Ему ответила дочь:

— Нет еще.

Он спросил:

— А с райским шалашом определился?

И опять ответила дочь:

— На пятерку!

Отец усмехнулся несколько удивленно, однако было видно: доволен. Но сразу вновь посуровел:

— И все-таки вот что я вам замечу, мои родные! — И подиректорски заложил руки за спину. А он и был директором школы, в которой одновременно преподавал математику, как

и его жена. — Умыкнуть у нас свадьбу вам не удастся! Да-с. Сейчас все вместе поедет к твоим, Женя, родителям! Надеюсь, они правильно все оценят и не убьют тебя за самовольство...

И вызвал по телефону такси.

8

А Евгения несколько не тревожило, как там пойдет сегодня дальше, он чувствовал себя победителем, добившимся главного в жизни и идущим по ней уже не шатко, как прежде, а уверенно и твердо; и когда сидел на заднем сиденье такси между тещей и молодой женой, не выпуская ее руку из своей руки, то просто отдыхал в счастливой расслабленности, глядя сквозь ветровое стекло на летящие навстречу улицы и слушая разговор ее родителей — всё о школе да о школе, но это почему-то было ему интересно; да и в тот день, когда еще только познакомился с ними, сразу почувствовал, что они вообще люди интересные, и теперь ему очень хотелось, чтобы его родители подружились с ними.

А родители его, оказывается, тоже волновались, и не на шутку, хоть и предупредил он их по телефону, но ведь никогда еще не было такого, чтобы он не ночевал дома, мало ли что у него могло случиться, он же ничего не объяснил... В общем, когда открылась дверь их квартиры, они стояли бок о бок в коридоре, с лицами весьма встревоженными, и отец Марины вынужден был взять на себя привычную роль руководителя и в нескольких емких словах объяснить суть дела. И тут же родителей Евгения аккуратно раздвинула их дочь Тоня и, проскользнув между ними, с восторженным визгом бросилась на шею Марине, а та обняла ее и прижала к себе, прошептала: «Теперь ты и моя сестра!» А дальше всё пошло весело и ладно: родители познакомились, и за накрытым столом беседовали как друзья, обговаривая во всех подробностях подготовку к свадьбе; молодым же участвовать в этом было ни к чему, от них требовалось только сказать, по сколько гостей будет с их стороны, и больше никаких забот, кроме свадебного платья, которое они купили через неделю — опять же на заработанные Евгением деньги.

И с этим завернутым в цветастую бумагу белым платьем, которое он пухлым пакетом нес в авоське, пошли в кино. В эти дни проходил традиционный для города фестиваль фильмов центральной киностудии, снятых в последнее время, фильмов, которые нигде еще не демонстрировались. Марина сказала, что один из них, о котором она слышала утром по радио, готовя завтрак, когда он еще спал, им обязательно надо посмотреть. А в кассе билетов уже не было, но им повезло,

нашлось два лишних у паренька, бродившего в толпе возле кинотеатра, правда, места оказались слишком близко, во втором ряду, и смотреть было не очень комфортно, но это забылось сразу, как только он увидел на экране актрису, сыгравшую роль Вари в *том* фильме.

— Узнаешь?.. — прошептала Марина. — Это благодаря ей, получается, мы с тобой познакомились. А вообще — благодаря ей мы вместе. Поэтому я и сказала: нам обязательно надо посмотреть...

И он, все эти дни пребывавший в состоянии опьянения счастьем, почувствовал новый его прилив, как если бы к выпитой в меру дозе первоклассного крепкого напитка добавил свежую порцию, хоть и не имело ничего общего его опьянение с тем воздействием на организм, которое дает спиртное: ни капли не принял он после двух бокалов шампанского (первый — в ресторане, второй — дома) в день бракосочетания, так же как и она; и тем не менее оба постоянно были опьянены — опьянены любовью, и в этом-то чудесном опьянении смотрели фильм с участием актрисы, и в самом деле соединившей их в этой жизни. А она играла в новом фильме учительницу, и внешне была другой, на сей раз красивой, такой же красивой, как на снимке фотомастера в предыдущем. Глядя на нее, Евгений чувствовал что-то успешнее прочно прильнуть к сердцу... Зал был переполнен, зрители стояли в проходах... И каково же было изумление обоих, когда после окончания фильма на сцену перед экраном, где уже поставили стол и стулья, вышли, как и полагается во время фестивальных просмотров, кинематографисты: режиссер, два актера и... актриса, исполнившая роль учительницы, но для Евгения остававшаяся Варей. Не сводя с нее взгляда, теперь уже очень довольный, что так близко к экрану достались места, он отчаянно, громче всех бил в ладоши, чувствуя еще большее опьянение; а когда всё стихло, смотрел, не отрываясь, на актрису, севшую за стол между режиссером и одним из актеров, и был удивлен ее необычайной серьезности. Она, как и режиссер с актерами, коротко рассказала о себе. А потом зрители задавали вопросы. Марина, выбрав момент, встала и спросила актрису, как ей работалось над фильмом, в котором она сыграла Варю. И тут же режиссер, глядя на Марину, уже севшую, сказал, что за эту роль она недавно получила приз на международном кинофестивале, и это было встречено аплодисментами, а после них актриса, оставаясь все такой же серьезной, тоже глядя на Марину, стала рассказывать о работе над ролью Вари, которая, оказывается, давалась ей не без труда. Тут кто-то из зрителей громко

сказал: «Но сыграли вы блестяще!» Его поддержали аплодисментами. Лицо актрисы, однако, по-прежнему оставалось серьезным, и улыбнулась она только напоследок, перед тем, как киногруппа, попрощавшись со зрителями, ушла со сцены. Все вставали и шли на выход. Евгений сказал Марине:

— Жди меня у входа! Мне надо...

И не договорил, быстро пошел вперед, пробираясь в толпе зрителей. И выскочил на улицу, бросился к цветочному ларьку, стоявшему в ряду других ларьков, купил букет роз и побежал к заднему входу в кинотеатр, в одной руке — цветы, в другой — авоська со свадебным платьем. И успел. Режиссер и актеры выходили из кинотеатра, направляясь к автобусу, точь-в-точь такому же «пазику», дверцы которого держал в *том* фильме Николай, глядя на Варю и страстно выкрикивая свои слова...

Евгений подошел к актрисе, протягивая розы, и быстро проговорил:

— Это вам. Спасибо. Спасибо огромное! У меня было несчастье, из-за которого я очень сильно болел, а вы... вы исцелили меня вашей ролью Вари! Вы настоящая целительница! Если б не вы, я не знаю, как бы и жил, а теперь у меня всё, всё превосходно! Спасибо вам!

Она, приняв цветы, смотрела на него прямо и всё так же серьезно. И вдруг улыбнулась. Улыбнулась той самой улыбкой, которая вызывала в нём такие славные чувства, когда он видел ее на экране.

— Я поняла, — сказала она. — Я рада. Счастья вам!

И пошла к автобусу. Он смотрел ей вслед, а она, поднимаясь в автобус по ступенькам, обернулась и с той же улыбкой помахала ему рукой...

Он повернулся и помчался назад, крепко держа в руке авоську с платьем. И снова заскочил в ларек и купил еще один букет. И вручил его Марине, ожидавшей на площади у кинотеатра. И они пошли бродить по городу, то и дело смеясь и всё разговаривая и разговаривая. А впереди их ждала свадьба.

г. Омск

ВИДЕНИЕ

РАССКАЗ

Мы отдыхали — лежали на пригорке в тени столетней плакучей березы, курили и поглядывали на развалины деревенской церкви. Стояла самая середина лета, южный ветер нёс с цветущих лугов сладкую пыль, порою гнал по их косякам волну, и всё время, не переставая, однообразно шумела над головой могучая крона. Я поднял голову, солнце пылало почти в зените, а необозримая синева неба была настолько густой и глубокой, что казалась нездешней, тропической. «Господи, хорошо-то как», — подумал я, оглядываясь кругом. Недалеко от развалин, ближе к реке, обосновалась крохотная пасека — пяток ульев, разбросанных среди старых яблонь — а чуть дальше омшаник и домишко старика, угощавшего накануне нас медом. Поставил на пенек перед избой эмалированный таз, где вместе с тягучим нектаром плавали обломки сот, а рядом ведро ледяной воды из колодца. И, усмехнувшись, сказал:

— Без ей никак нельзя, а так в аккурат будет.

— Что ж, дед, — не скучно здесь одному на отшибе?

ПРОЗА

— А на кой она мне, деревня-то. Чего я там не видал?

— Да ведь как, сосватал бы старушку — всё, глядишь, не один.

— А на кой она мне старушка-то. Чего мне с ей делать? Мне окромя собаки да кошки никого не надо, привык.

Еще дальше за пасекой, за песчаным обрывом реки, источенным раковинами птичьих гнезд, на многие километры тянулись леса, фиолетовым обручем стягивая горизонт, и вся картина, исполненная неги, чистоты и покоя, будила мысли о временах старозаветных, загадочных...

— Когда я смотрю на эти руины, мне хочется выть от отчаяния, — сказал один из нас, художник с ястребиным носом и с бледно-голубыми пронзительными глазами. Он встал на колени, сложил на груди мускулистые руки и некоторое время стоял так, с торжественной строгостью глядя перед собой. Потом театрально закончил: — Не задумываясь, отдаю обе ноги и левую руку за возможность воочию видеть подпетровскую Русь. Эх. Не в свое время родился я, не в свое.

— Присоединяюсь! — тотчас заявил, поворачиваясь на бок, поэт — молодой человек с деланно мрачным, бородатым лицом дровосека. — Я тоже чужой на этой мусорной свалке, где давно не осталось ничего святого. И даже вера в Бога вырождается непонятно во что. Увы, поэт был прав — всё тонет в фарисействе.

— Да причем здесь вера, — с досадой возразил художник. — Дело не в вере, а в верующих, люди теперь стали не те. Они не верят в чудеса, в жизнь после смерти... То есть, может, они и хотят, да не могут, не получается. Вот вам набросок с натуры. Был я как-то под Рождество в нашем Успенском соборе, стоял, слушал пение хора и вдруг вижу: входит парень лет семнадцати и, потому как он робко приближается к небольшой группе верующих у амвона, понимаю, что в церкви он в первый раз. Подошел, остановился недалеко от меня, и замер с расширенными глазами, пораженный всем этим внутренним великолепием убранства, торжественностью и чистотой голосов, плывущих с хоров под сводами церкви. Одного он не сделал — не снял по незнанию шапки. И тут же к нему подбегает гнутая старуха в черном — из тех, что трутся там с утра до вечера — подбегает, и с силой срывает с него шапку. И столько было в глазах ее холода, когда она прошипела: «нехристь несчастный», что мне стало не по себе. Лицо парнишки побледнело, а от испуга и растерянности на глазах его выступили слезы. Он забрал у нее шапку, опустил голову и торопливо направился к выходу. Какие, скажите, понятия могла вну-

шить ему о вере эта карга с ее казарменными ухватками? А ведь именно она в ту минуту являлась для него олицетворением православного человека. Какие уж тут чудеса? Какое тут, к черту, бессмертие?

Пока художник предавался воспоминаниям, а поэт мрачно вторил ему, наш четвертый приятель, до сих пор не проронивший ни слова, сидел у березы и пил из термоса квас. О нем следует сказать особо, поскольку, собственно, благодаря ему, и ведется этот рассказ. Он приходился художнику шурином, был значительно старше нас и слыл мужчиной сугубо практическим, с успехом занимался коммерцией и другими серьезными делами, а нрав имел суховатый, несколько замкнутый, при всем этом оставаясь человеком добрым и искренним. Звали его Иваном Романовичем. Ростом он был невелик, туловищем коренаст, с большой головой и коротким, побитым сединой волосом. Он носил выпуклые дымчатые очки в золотой оправе, а лицо его было самое обыкновенное — широкое спокойное лицо учителя сельской школы. За последний месяц он уже дважды выезжал с нами на природу и, судя по нему, остался, вполне доволен. Когда художник умолк, Иван Романович поставил термос между колен, снял очки и, сдвинув брови, многозначительно произнес:

— Всё это очень неприятно, я имею в виду выходку той фанатичной старушки, но не так уж и страшно. Куда неприятней нынешнее поголовное лицедейство, когда, к примеру, разодетые в пух и прах барышни являются в церковь, как в театр, из желания не столько увидеть спектакль, сколько принять в нем участие. Невероятно, но факт: на церковь повальная мода. Сколько раз я наблюдал, как появляются там эти новообращенные грешницы, демонстрируя публике дорогие меха и сногшибательные драгоценности. И всё это с притворным смирением, с лживой скорбью лица. Быть такой грешницей — необычайно модно. Я, разумеется, не против мехов и прочего, отнюдь нет, но церковь, повторяю, не театр, и выглядеть тут нужно скромнее.

— Согласен. Для меня скромность — синоним смирения, — проговорил в задумчивости художник.

— Но всего печальнее то, — еще многозначительнее сказал Иван Романович, — что и церковь нынешнюю всё это, похоже, устраивает. И фанатичные старушки в облике надзирателей, и святая вода прихожанам напрямую из грязной бойлерной, и лицемерные господа, для которых служители божьи готовы теперь на многое — не только освятить новый комфортабельный бордель в центре города, но, как в той сказке, помните? Заплатил мужик батюшке, как следует, так он

издохшую собаку отпел в царствие небесное. Все повторяется, молодые люди, но с той лишь разницей, что батюшка со-временный куда бессовестней своего туповатого предше-ственника — анекдотического пьяницы и любодоя.

— Но женщина, всегда останется женщиной, даже в церк-ви, — с усмешкой заметил поэт. — Это у них в крови.

— А теперь относительно чудес, — снова заговорил Иван Романович, но неожиданно замолчал, задумался, покусывая стебелек одуванчика. Поэт не выдержал:

— Вы, кажется, сказали — чудес. Каких чудес, Иван Ро-манович?

Иван Романович поправил очки и смущенно ответил:

— Самых настоящих, конечно. Но, может быть, вам неин-тересно?

Мы немедленно возразили и приготовились слушать.

— Имейте в виду, рассказчик я никудышный, но уверяю вас, всё случившееся со мной истинная правда, и до сегодняшнего дня никто об этом не знал за исключением моей суп-руги. Эта маленькая тайна много лет согревает мне душу. Мне всегда казалось, если я сообщу о ней, во-первых, мне не по-верят, а во-вторых, все чары развеются, и я лишусь своего бесценного подарка, обладателем которого так неожиданно стал. Но сегодня, слушая вас и глядя на развалины церкви, я вдруг подумал: пусть люди знают, что чудеса бывают не толь-ко в библейских писаниях... Тут среди нас находится писа-тель, — добавил он, указывая на меня, — и если он напишет правдивый рассказ, отчасти похожий на сказку, я буду ис-кренне рад, потому как уверен — правда всегда отыщет путь к сердцу читателя.

— Возьмусь с удовольствием, — сказал я, польщенный доверием. — Но с одним условием.

— Каким же?

— Чтобы правда выглядела правдоподобно, ваша история будет изложена языком автора, то есть, моим.

— Согласен, — улыбнулся Иван Романович. — Но и у меня есть условие. Прежде чем рассказ будет опубликован, вы прочтете его всей нашей компании. И случится это у меня дома за бутылкой хорошего вина.

Он пустил термос по кругу, и когда мы напились и с удо-вольствием закурили, неторопливо начал:

— Случилась эта необычная история лет тридцать назад, в те времена, когда я работал в одной торговой конторе и по-путно оканчивал заочное отделение Плехановского инсти-тута. Мать моя, женщина глубоко верующая, окрестила меня, а позже и сестру в самом раннем детстве, так что сколько я

себя помню, верить в Бога для меня было так же естественно, как, например, дышать или пить воду. Я никогда особенно не задумывался, не философствовал на тему: что такое есть вера в Бога и сам Бог, просто верил и всё, но без фанатичного подобострастия, оно всегда мне претило. Отец, партийный чиновник, человек холодный и молчаливый, занимал в нашем городе ответственный пост, но и он, как я позже узнал, был крещеным и верующим. Конечно, в школе, а потом и на работе не догадывались, что я посещаю церковь, читаю Библию и по возможности соблюдаю пост. В школе меня засмеяли бы, а на работе смотрели бы, как на реликт, выброшенный морем на сушу. Такая перспектива меня не устраивала. Я знал, что быть не таким, как все, в нашем обществе крайне обременительно и потому старался не выделяться. Правда, в силу характера был необщителен, не принимал участия в коллективных дискуссиях на службе, но это только играло мне на руку — начальство не любит болтливых. И все-таки человеком я слыл себе на уме, а некоторые до сих пор видят в моей замкнутости, либо корыстолюбивый расчет, либо самое обыкновенное бездушие. Бог с ними, я не в обиде. Я и в самом деле никогда не имел близких друзей, как-то уж так получилось, а все мои знакомства не выходят за рамки практического, делового свойства. Нелегко я сходилась и с женщинами. Не то чтобы я бежал их общества, нет, но в большинстве своем они казались мне существами пустыми, болтливими, мысли и желания их были примитивны, а поведение отличалось жадной игрой, самолюбования и позы. Не отрицаю, я идеализировал женщину, вероятно, поэтому и женился так поздно. Но встретил я именно ту, о которой мечтал, и опять-таки не без Божьей помощи. А пришла эта помощь очень естественно и на первый взгляд совершенно случайно, поскольку знакомство наше состоялось в церкви, сразу по окончании службы. Мы оказались рядом, шли рука об руку к выходу, и когда вышли на обледенелую паперть, я осторожно поддержал ее за локоть, а она улыбнулась и благодарно кивнула. Да, именно так всё и было... Но, кажется, я заболтался, тем более это не относится к делу.

— К делу относится всё, — не замедлил вставить поэт. Продолжайте, Иван Романович, я весь внимание.

— В первый раз слышу, — добавил художник, покосившись на шурина. — Я часто беседую с Ириной Викентьевной на самые разные темы, вы знаете, как я ценю ее мнение. Но о вашем романтическом знакомстве узнал только сегодня.... Да и не только о нем одном, — закончил он, обиженно дернув губой.

— Ну-ну, — сказал Иван Романович, — возьми-ка вот, хлебни лучше квасу, дай бог здоровья этому пасечнику. Итак, на чем я остановился?

— На том, как вы познакомились в церкви, — ответили мы.

— Так. В церкви. Верно. Думаю, церковь и явилась связующим звеном между мной и теми странными событиями, что последовали вскоре за ее посещением. Нет, я говорю не о том дне, когда познакомился с Ириной, а о более раннем времени. В тот год я уехал в Москву на сессию, недурно выдержал экзамены и решил позволить себе вполне заслуженный отдых. Я поехал в Рославль, старинный провинциальный город километрах в трехстах от Москвы, где жила моя тетья, и там у нее в просторном бревенчатом доме с беседкой в яблоневом саду провел две чудесные и самые спокойные в моей жизни недели. Сад был старый, запущенный, по ночам в нем пел соловей, а днем среди яркой зелени переливалась на солнце паутина и на цветах по-хозяйски гудели шмели. Последний раз я был у тетки будучи школьником, и все-таки по приезду сразу отметил, как мало она изменилась — разве что сизым стал румянец на скулах, да еще уплотнилось короткое, полногрудое тело, еще тоньше и суше стали ноги, обутые в мягкие тапки без задников. Ко мне она относилась по-старушечьи ласково, но без умиления, не суетилась без толку, словом, предоставила меня самому себе, занимаясь в основном тем, что утром готовила завтрак и до обеда уходила к соседке, где за разговорами они выпивали бутылочку вина, а после сидели у калитки, покуривая папиросы. Их роднило не только то, что обе в войну потеряли мужей, но и то, что после войны они так и не вышли замуж, при этом не особенно оберегая вдовье целомудрие, которое так любили обсасывать писатели и драматурги советского времени. Но это я так, между прочим. К обеду она возвращалась, собирала на стол и часа на два ложилась вздремнуть, а после опять уходила до вечера. Таким образом, повторяю, я был предоставлен самому себе, и не скажу, что вынужденное одиночество доставляло мне огорчение, более того, оно действовало почти наркотически. С тихой беспричинной радостью, а может, со сладкой печалью бродил я по зеленым улицам древнего города, смотрел на крепкие старинные дома, на их степенных владельцев, в большинстве своем пожилых и хозяйственных, шел мощной булыжником улицей мимо красного кирпичного здания, где когда-то размещалась немецкая комендатура, и почти не встречал машин — лишь изредка мотоцикл или полупустой автобус нарушали своим рокотом этот патриархаль-

ный покой. И в таком вот счастливом однообразии прошли почти две недели. Незадолго перед отъездом, тем памятным воскресным днем я отправился в церковь, трехглавый храм, сквозивший пролетами пустой колокольни, отстояя обедню и, подходя ко кресту, обратил внимание на то, как пристально посмотрел на меня седобородый священник, должно быть, удивленный моей молодостью. И в самом деле, хотя людей собралось порядочно, все они были не первой молодости, а проще сказать, старики. Я вернулся домой, спать лег раньше обычного, и приснился мне удивительный сон: я стою внутри церковной ограды, а вокруг полным-полно празднично одетых ребятешек, ну просто как в детском саду. И все они что-нибудь держат в руках, кто кулич, кто пряник или конфету. В изумлении я огляделся, и у самой ограды, в отдалении от других, увидел мальчика лет семи, одетого в белую рубашку и черные брючки, который, не мигая, смотрел на меня, а потом сдвинулся и медленно пошел навстречу. И я тоже пошел к нему, почему-то спеша и немного волнуясь. Когда мы поравнялись, я присел и взял его за руки.

— А у тебя, почему нет ни булки, ни коржика? — спросил я его.

— Не принесли, — ответил он тихо, — уже давно не приносят. Только вот это, — он разжал пальцы, и я увидел на ладони несколько двадцатикопеечных монет. Я сжал его локти.

— Как же так, почему?

— Потому, что здесь у меня никого не осталось.

— А где же они?

— Мама и папа живут в вашем городе, — сказал он, вздохнув, — а бабушка умерла еще раньше.

— Понятно. А как же тебя звать-величать?

— Сережа.

— Так. И что же я должен делать, Сережа? — спросил я, поражаясь своему спокойствию и рассудительности.

— Как приедете, зайдите на улицу Степную, номер двенадцать, и передайте, что я жду. Я и нынче их ждал в родительский день, да только они не приехали...

— Скажу, родной, обязательно скажу. — И я поднялся, держа его за руку.

— Ну, мне пора, — сказал он, указывая на распахнутые ворота церкви, куда гурьбой устремились дети. Я проводил его до входа, за которым не было ничего, кроме могильного мрака, и напоследок спросил:

— Ты сказал, Степная двенадцать, а номер квартиры?

— Это частный дом. Там почти все дома частные, вы должны знать об этом.

— Извини, запомятовал.

— Это вы меня извините, — сказал он, и бросил взгляд на мрачно темнеющий вход. — Прощайте, спасибо за вашу доброту. И за веру. Но знайте, здесь всё не так, как вы думаете, дядя Иван.

— А как же здесь? Как? — спросил я, испытывая сильную душевную муку.

— Я и сам не всё понимаю, я ведь маленький, — ответил он, и снова вздохнул. — Прощайте. И не спешите жить, живите подольше...

— Я сказал — сон. Нет, конечно, не сон, а самое настоящее видение, поскольку не только лицо его, но и многие лица детей я до сих пор помню так ярко и отчетливо, что, будь я художником, давно написал бы их.

— Невероятно, — еле слышно сказал поэт, закрывая глаза.

— Да-да! Говорю вам — истинно так! — разволновавшись до красноты ушей, настойчиво продолжал Иван Романович. — Утром я записал адрес в блокнот, хотя, собственно, и записывать-то не имело смысла, он отпечатался в моей голове навеки. Спустя два дня я вылетел из Москвы домой и по прибытии, ближе к вечеру, отправился на Степную. Был это старый, похожий на деревню район на окраине города, где многие семьи в то время еще держали домашний скот, а кривые улицы с деревянными тротуарами и заглохшими колеями замысловато петляли, оканчиваясь то тупиком, то переулком, этаким щелью между заборами, настолько тесной, что двум встретившимся проходим, разойтись там было довольно сложно. Не без труда разыскал я в этом хаосе нужный адрес и, признаюсь, не без трепета надавил на щеколду и вошел во двор. Что ж, дом как дом, небольшой, бревенчатый, рядом баня и нечто похожее на стайку. Двор чистый, поросший кудрявой травой с песчаными залысинами, с натянутыми поперек бельевыми веревками. Всё это я разглядел, пока топтался у крыльца, не решаясь войти в открытые двери сени, в то время как в доме (я услышал отчетливо) напряженный женский голос затянул колыбельный мотив.

— Э, да у них маленький ребенок, — подумал я и решил подождать, присел на ступеньку крыльца, размышляя о сложности предстоящего разговора, ни минуты, впрочем, не сомневаясь в правдивости своего видения. Да, с того самого мгновенья в Рославле, когда я проснулся и записал адрес, я уже твердо знал, я был уверен, что всё случившееся со мной неспроста, что волею судьбы я оказался жителем города, куда за тысячу верст переселились родители мальчика, и я обязан

выполнить его просьбу. Одного я не знал: как повести разговор, не рискуя прослыть сумасшедшим. Немного погода пение прекратилось, а через минуту в глубине сеной мягко хлопнула дверь, ударил сквозняк и заскрипели крашенные половицы... Я быстро поднялся. Передо мной с вопросительно поднятыми бровями и ворохом ползунков в руках стояла невысокая смуглая женщина в пестром ситцевом платье, несколько полная, черноволосая, черноглазая, с синеватым пушком вдоль щёк и над верхней губой. И тут меня одолели сомнения. Мальчик, явившийся мне той ночью, не имел с ней ни малейшего сходства. Он был типичный славянин, русые волосы, голубые глаза, а здесь чувствовалось присутствие совсем иной крови. Мысли мои смешались, я потерялся и вместо того, чтобы хоть что-то сказать, только тупо смотрел на нее, между тем как пауза всё затягивалась. Наконец, женщина нашлась, она с вежливой усмешкой спросила:

— Почему вы так на меня смотрите? Мне кажется, я вас не знаю.

— Не знаете, — подтвердил я, выходя из оцепенения. И тут же, не сходя с места, решил покончить со всеми недоразумениями. — Скажите, вы жили когда-нибудь в Рославле? — сказал я, переставая дышать.

— О! — воскликнула она удивленно. — Конечно, жили. Я же родом оттуда. Но, как вы узнали? Мы уехали из Рославля пять лет назад.

— Всё ясно, всё ясно, — забормотал я, бесцельно шаря по карманам.

— То есть что значит — ясно? — спросила она в замешательстве. — И как вы разыскали наш дом? В Рославле у нас никого не осталось.

Я сел на ступеньку и, глядя снизу вверх в ее тревожные глаза, негромко сказал:

— Почему не осталось... А на кладбище?

Она выронила из рук ползунки и, прикрыв ладонями рот, стала пятиться, пока не уперлась в косяк.

— Кто вы? Что вам нужно? — сказала она испуганным шепотом.

— Скажите, у вас был сын Сережа? — спросил я, как можно спокойней.

— Боже! — прошептала она, — конечно, был. Он умер шесть лет назад и похоронен на городском кладбище... Но, ради бога, ответьте наконец — кто вы такой и что всё это значит?

— Сейчас объясню. Только не пугайтесь, а постарайтесь понять и, главное, поверить в то, что я расскажу.

И я рассказал ей всё до мельчайших подробностей. Закончил я приблизительно так:

— Он просил передать, что ждал вас в родительский день, ждет и сейчас, и вообще, как я понял, будет рад вам в любое время. Красивый мальчик. Только уж слишком печальным он выглядел там, среди сверстников.

— Просил передать, — повторила она, и побледнела той пепельной бледностью, что бывает обычно у смуглых. Потом села рядом со мной на ступеньку.

— Да, всё правильно, — с горечью прошептала она. — Я иногда подаю нищим мелочь, прошу помянуть Сережу.. Вот и нынче в родительский день подала. Но адрес... Он, что же, и адрес вам дал?

— Он и дал, а иначе как бы я вас разыскал?

Она вдруг жалко улыбнулась, и губы ее задрожали. Страдальчески глядя на меня, она забормотала умоляющим голосом:

— Ну, пожалуйста, прошу вас, не мучьте меня! Для чего вы всё это придумали? Что я сделала, чтобы так страшно шутить надо мной?

Я взял ее за руку.

— Успокойтесь, я редко шучу. А уж тем более на подобные темы.

— Да что же это такое, Господи!

— Между прочим, могу сказать еще кое-что. На его правом виске я заметил небольшой шрам. Вы случайно не знаете о его происхождении?

Она с ужасом взглянула на меня, и безвольно опустила голову.

— Как мне не знать, если шрам и был причиной его смерти. Мы возвращались из магазина, когда его сбил самосвал. Была зима, гололед... Он ударился виском о ледышку и умер по дороге в больницу. У меня на руках. Так, знаете, вытянулся и тут же стал холодеть...

Она оперлась о ладонь, хотела встать, но неожиданно положила голову на мое плечо и расплакалась. Потом поднялась и сказала:

— Идемте, я покажу его фотографии.

— Мы разбудим ребенка, принесите-ка лучше сюда.

— Как хотите, — сказала она покорно, ушла в дом и скоро вернулась с большим альбомом в красном плюшевом переплете. Несколько первых страниц занимали фотографии Сережи (я сразу узнал его), начиная с рождения и заканчивая последней, снятой в детском саду у песочницы, где он стоит, поджав губы, одетый в матроску и вытянув руки по

швам. Она предложила мне взять фотографию, но я отказался, объяснив тем, что в моей памяти мальчик навсегда останется таким, каким я увидел его на церковном дворе.

— Я понимаю, я понимаю, — ответила она, думая, однако, о чем-то своем, сокровенном. И тут до меня дошло: в ту минуту она находилась не здесь, она была с давно умершим и все-таки живым ребенком, смотрела на него моими глазами, говорила с ним моим голосом, а мое присутствие было уже не важным.

— Не забывайте, вы теперь человек меченый, — сказал я, прощаясь и пожимая ей руку.

— А вы? — спросила она, улыбнувшись сквозь слёзы.

— Ну что вы — я только посредник, — ответил я, и на том мы расстались.

— Но вы были еще на Степной, виделись с этой женщиной? — нетерпеливо воскликнул поэт.

— Нет, не был. Но женщину видел. И вот при каких обстоятельствах. С тех пор прошло около трех лет. Однажды зимой, в самые святки, захватила меня жгучая метель неподалеку от Старо-Никольского кладбища, которое, как вы знаете, уже лет тридцать закрыто для погребений. При кладбище имелась одноглавая, жалкая своим заброшенным видом церквушка. С отвалившейся по фасаду штукатуркой, с облезшей темно-зеленой краской купола и, тем не менее, всегда открытая для прихожан. Я решил зайти обогреться, а заодно поставить свечу «всем святым». Вхожу, и что вы думаете? В церковной лавке за деревянной перегородкой вижу ее, эту самую женщину. Стоит в белой кофточке, черной юбке и черном, по-монашески повязанном платке. Стоит и продает прихожанам свечи, лампадки, крестики, рядом ящичек для пожертвований. Она сильно изменилась, похудела и даже постарела внешне: черты ее поблекшего лица стали тонки и болезненны. Но зато как чудесны были ее темные библейские глаза, струившие тихий свет и смирение. Я было хотел подойти и поздороваться, поговорить, но, поразмыслив, решил не смущать ее, отступил в тень и незаметно покинул церковь.

— Но почему?! Почему вы не поговорили с ней, не расспросили?! — почти закричал поэт. И сокрушенно добавил: — Вы были обязаны к ней подойти.

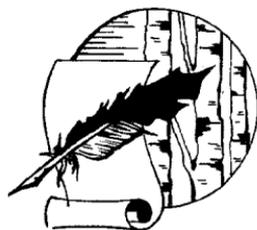
— Кажется, пахнет грозой, — предупредил художник, кивая на юг, где весь горизонт вместе с полями и лесом, накрыла тенью гигантская черно-серебристая туча, озаряемая снизу блеском ветвистых молний, и уже погромыхивало. Внезапно всё стихло, куда-то пропали птицы с их разноголосым щебе-

том, исчезли стрекозы, и лишь комары неустанно ныли в густой неподвижности воздуха, насквозь пропитанного терпкой духотой цветущих лугов.

Иван Романович открыл термос и налил себе квасу.

— А я не жалею, что поступил именно так, а не иначе, — сказал он невозмутимо и высоко поднял наполненную до краев кружку. — Послушайте, она себя обрела, нашла свой единственный путь, свое место, стала ближе и к сыну, и к Богу. И мне показалось тогда неприличным и даже жестоким напомнить ей о себе. Вы понимаете, о чём я? Ну вот и отлично. Теперь всё, спасибо, что выслушали. Ваше здоровье, молодые люди!

г. Тюмень

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

ПРИСТАНИЩЕ ДУШИ

ЛЕНИНГРАДКА

Памяти Антонины Михайловны Флярковской

Завитками позднего ампира
Стёкла разукрасила зима.
Вымершие гулкие квартиры.
Лютый холод. Утро. Голод. Тьма.

Женщина в обмотках... баба Тоня!
Ты едва бредёшь, не чуя ног,
На твоих руках уже не стонет
Крохотный двухмесячный сынок.

Ты как тень среди других страдальцев —
Еле-еле бьётся жизни нить.
Надо на Смоленском в одеяльце
Младшего в сугробе схоронить!

Скрыты звёзды напрочь туч рогожей...
Времени река не льётся вспять!
Бабушка, ах, если б было можно
Вам тепла и хлеба передать!

...Путь домой лежит в январской стыни,
Ни собак. Ни галок. Ни огней.
Да вовек твоё святится имя
В беспощадной памяти моей...

ДЕТДОМОВСКИЙ ХЛЕБ

*Моему отцу, композитору
Александру Флярковскому*

В девять лет — одиночество. Серых простынь тоска.
От отца было — отчество и вихор у виска,
А от матери — родинка муравьём над губой,
Обещание: «Родненький, я приду за тобой!»

Довоенное прошлое унесли поезда...
Но горит за окошками ночью та же звезда!
На картошке да в валенках — ничего! — проживём.
Это дома ты маленький, здесь — пока что чужой.

Шли казённые ходики. Тьма. Не видно ни зги.
С чесноком бутербродики, чтоб спасти от цинги.
Ленинградскому мальчику объявили бойкот,
Обвинили запальчиво: — Ты украл бутерброд!

Исхудавшим былиночкам было ясно до дна:
Хлеб — всем поровну, и́наче не наступит весна.
Все ребята без жалости в рот набрали воды,
И жила в нём до старости боль от этой беды!

И поклялся он истово над письмом от отца
Не горбушку, а истину отстоять до конца.
Эти нормы железные диктовала им жизнь,
Поднимала над бездною и шептала: держись!

Это кровное, генное... Так взрослела душа.
Слабость — каяться в сделанном, если не совершал!
Но с открытостью чистою доверять и прощать,
До последнего истину, как отец, защищать.

Времена незабвенные...
Эти бритые лбы...
Это детство военное
На прицеле судьбы.

ТВОЯ КОМНАТА

Памяти отца

Я ныряю в комнату твою,
Словно утка с лёта — в полынью...
В мир вещей, живущих в тишине.
Образ этой комнаты — во мне.
Твой домашний войлочный пиджак
На привычном месте — добрый знак.
А из белой рамы на меня
Смотрит мама в отблесках огня.
Мама на Монмартре (месяц, год).
Тот художник был моделью горд...
Твой рояль... Он губы сжав, молчит.
Дождь в окно мелодию стучит.
Стол рабочий ждёт знакомых рук,
Над бумагой нотной — лампы круг,
И глядят задумчиво со стен
Пушкин, Шостакович и Шопен.

Я вхожу из гула суеты...
Поливаю каждый раз цветы...
Я хочу понять — а где же ты?..

МАМЕ

В этом имени вольность Улисса,
Новгородская песня Садко...
Только белая чайка Лариса
От меня далеко-далеко.

Режет волны весёлое судно,
Парусами играет Борей...
Эта чайка ветрам не подсудна
Даже самых коварных морей!

Позабыты тяжёлые снасти,
Старый рыбарь вздохнул тяжело...
Где же ты, синеокое счастье,
Отчего стороною прошло?

Пролетело, как чайка над мысом,
Растворилось в рассветной дали...
Но оставило имя Ла-ри-са
Для красивейших женщин земли.

В ДЕТСТВЕ

Каникулы, ветрянка, Новый год...
Под ёлкой мама спрятала подарок.
Мне больно плакать — весь в зелёнке рот
И свет из коридора слишком ярко.
Дом творчества, катанье с гор, мороз,
Моя к друзьям отчаянная тяга —
Безудержное счастье не сбылось,
Оно свиданье отложило на год!
На целый год. На год! С моей тахты
Видны окно, рояль и угол кухни,
Где бабушка затеяла манты,
И только свет мучительный не тухнет...
Но будущей зимы — не различить.
Мне нестерпимо, я беззвучно ною,
И тянет жар серебряную нить,
И врач рукой проводит надо мною.
...Мне холодно и стыдно. Я нага.
На бабушке передник в синих грушах.
А в Рузе печки, валенки, снега,
На лапах елей белые подушки.
Укол — и сон. Подоткнут тёплый плед.
На влажном лбу меняется повязка.
И бабушка приносит мне обед,
Садится рядом:
— Ну, читаем сказку...

В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ

Пол-июня откушено земляничкой с куста,
Сан-Сергеича Пушкина ныне кружка пуста.
Цвета вишен Тригорского зори белых ночей.
Сад уютный Петровского, да в кувшинках ручей,

Да проказы потешные для господских утех...
Поцелуя поспешного обжигающий грех.
Всё аллеи, да мостики, да от писем зола...
Как под ситчиком простеньким грудь русалки бела!

В синей роще за Соротью снять раскрыла зонты.
Ну а мы, коль по совести, все пред Богом чисты?
Катит лето каретою, льёт туман молоко.
Это время заветное так от нас далеко!..

От гусяного пёрышка на коленях труха.
Александр — наш — солнышко! Светлый ангел стиха...
Сыплет деревце вьюжное белым цветом с плеча.
Панихида отслужена... Но не гаснет свеча.

НИКАНДРОВА ПУСТЫНЬ

Вьюнок, кукушкин лён, ползучий белый клевер —
Венка родной земли неяркие цветы.
Влечёт меня к себе прохладный Русский Север
Великой простотой разбросанных святынь.
Люпины, резеда, гвоздика полевая,
Черничные кусты в овражине лесной —
Пути к самой себе вернее я не знаю,
Здесь даже чудеса случаются со мной!
Никандровой тропы уложенные брёвна,
Радоновый родник — бессонный синий глаз!
Пусть ноги устают, но я рождаюсь словно,
В студёную купель ныряя каждый раз.
Малина на подол украдкой брызнет соком,
Докучливый комар нацелит копыцею,
Тень утки промелькнёт в разросшейся осоке,
И двери отворит высокое крыльцо!
Обитель тишины, умерь мои тревоги,
Оставь мои грехи и слёзы осуши!
Я обретаю здесь, у храма на пороге,
Лесной недолгий рай, пристанище души...

г. Москва

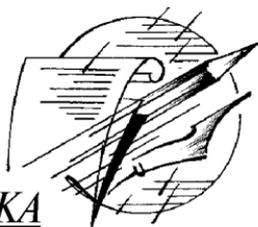
БЕЗГОЛОВЫЕ «ВСАДНИКИ»

В России с древних времен с большим вниманием относились ко всему, что связано с Палестиной. Тысячи русских православных паломников посещали Святую Землю.

Молодой богатырь в былинах «Сорок калик» Касьян Афанасьевич в своей речи перед сотоварищами говорит:

*Ай как нам сходить-то ко граду к Еросолиму,
Ко святой святыне Богу помолитесе,
Ко Господню гробу нам до приложитесе
А во Ердань реки окупатисе...*

На Святой Земле российским Императорским Православным Палестинским Обществом были построены десятки школ, больниц и подворий. Строились русские православные церкви и монастыри, а на площади Москобия (Московская) сегодня расположено Русского подворье РПЦ в Иерусалиме. На знаке ИППО, который был утверждён императором Александром III 12 июня 1882 года, помещены слова пророка Исаии «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь» (Ис. 62:1).

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Палестина для русских людей стала нарицательным словом, синонимом понятий «отчизна, родина; родные, домашние места». Многие отечественные писатели в своём творчестве употребляют конструкцию «в родных палестинах»: Салтыков-Щедрин, Гончаров, Тургенев, Островский, Лесков, Сологуб и другие. Поэтически эту идиому осмыслил и М.Ю. Лермонтова в известном стихотворении «Ветка Палестины»:

*Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?..*

Иван Бунин, приехавший в Палестину в 1907 году, стал автором «путевых поэм» о Святой Земле, в которых он рассуждает с возвышенной горечью о погрязшем Иерусалиме. И вот его, Ивана Бунина, пророчество:

*Человечество, венчая
Властью божеской тиранов,
Обагрив руки кровью
В жажде злата и раба,
И само еще не знает,
Что оно иного жаждет,
Что еще раз к Назарету
Приведёт его судьба!*

Всех христиан арабы называют «насрани», то есть «назаретяне» — те, которые из Назарета, города, где провёл своё детство, отрочество и юность Спаситель мира. Сегодня этот палестинский город не остался в стороне от конфликта, теперь и здесь случаются вооруженные столкновения.

Сегодня Мария и Иосиф не могли бы бежать в Египет. Они никогда бы не прошли из Назарета в Вифлеем. Никогда бы не увидели Иерусалима. А младенец Иисус родился бы на одном из сотен блокпостов. Святое семейство стало бы беженцами, они жили бы на один доллар в день, если бы им удалось получить ооновский паёк. Маленький Иисус ходил бы под прицелом снайпера, а в 15 лет попал бы в израильскую тюрьму, как попадает туда большинство палестинских мальчиков.

В сегодняшней Палестине евангельское повествование об избииении младенцев по приказу Ирода — ежедневная практика, продолжающаяся из года в год под молчаливое соглашение мирового сообщества.

Палестина оккупирована, на границе возведены восьмиметровые стены, действует военное положение. На Западном берегу и в пределах Восточного Иерусалима проживает более полумиллиона незаконных поселенцев. Все они — представители крайне правого крыла израильского политического спектра. Это — откровенные расисты, они ненавидят палестинцев, мыслят исключительно категориями вытеснения мирных жителей за реку Иордан. Блокада сектора Газы в течение 17 лет — это самая продолжительная военная оккупация в современной истории, сопровождаемая перманентным унижением, а по сути, геноцидом целого народа. И этому беззаконию уже, кажется, нет и конца...

Во время очередной пробуксовки ближневосточного мирного процесса у палестинцев была популярна такая шутка: Ясир Арафат отправился на встречу с Богом и спросил Его: «Всемогущий Боже, наступит ли когда-нибудь мир в Палестине?» Бог грустно посмотрел на него и ответил: «Да, конечно, но я до этого не доживу».

Однако, кроме гуманитарного существует ещё сугубо политический спектр палестинской проблемы, ведь то, что происходит в очаге международного еврейства, в Израиле, задаёт политический вектор во всём мире, где еврейское влияние сегодня сильно как никогда.

В Америке есть шутка, почему Израиль не хочет становиться её 51-м штатом? Потому что в таком случае он будет иметь в сенате лишь двух своих представителей, сейчас же у него там не менее восьмидесяти.

Изучение американо-израильских отношений завораживает, интригует и даёт работу вот уже двум поколениям ученых. Две соперничающие «школы» частенько затевают дебаты на тему «кто кем вертит», подразумевая извечный вопрос: «Не хвост ли вертит собакой?» Одни утверждают, что Вашингтон — это современный Рим, а Израиль — его воинствующая Спарта. Другие рисуют образ «израильской Америки» как результат мощного произраильского лобби, которому удалось превратить Капитолийский холм в ещё одну оккупированную Израилем территорию.

Вспомним хотя бы события 11 сентября, когда, как и можно было ожидать, обсуждался вопрос о возмездии. Произраильское лобби тут же выступило с желанием эластично расширить театр военных операций за пределы Афганистана, охватывая большее число ближневосточных стран. Сегодня же события в Палестине раскрывают провокации США в сторону враждебного Израилю шиитского Ирана.

Что и говорить, израильскому истеблишменту, конечно же, приятно, что сегодня США выступает, как воинствующая региональная Спарта Израйля. Произраильское лобби полностью монополизировало и подавило дебаты вокруг американской внешней политики на Ближнем Востоке. По всем телеканалам, все европейские СМИ продвигают дискуссию по поводу безопасности и терроризма, которая создаёт впечатление, что Израиль в день начала текущего конфликта стал жертвой массированного нападения «террористов» ХАМАСа на невинных израильтян. Не напоминает ли вам этот сценарий начало СВО, когда Россию вынудили начать военные действия первыми, приняв тем самым на себя статус «агрессора»?

Западные соцсети не смогли остановить поток вводящей в заблуждение информации по палестино-израильскому конфликту, который быстро распространился в основных СМИ и повлиял на мировую политику, как, например, обвинения в адрес движения ХАМАС в обезглавливании младенцев, которые попали на первые полосы таблоидов и даже в речь президента США Джо Байдена. Согласно информации группы бизнес-аналитики CREOpoint, отслеживающей недостоверные новости, произошел «стократный взрыв» числа вирусных заявлений о конфликте между Израилем и ХАМАС, которые после проверки на предмет достоверности эксперты сочли ложными.

Так, например, администрация премьер-министра Израйля Биньямина Нетаньяху, не мудрствуя лукаво, опубликовала сфабрикованные доказательства якобы сожжения детей при атаке ХАМАС. Нетаньяху с честными глазами показал эти шокирующие фото Блинкену. А на вопрос журналистов о происхождении фото невозмутимо заявил, что это фото сожженных детей. Когда же ужасные кадры, обличающие ХАМАС, заняли свое кричащее место на обложках мировых СМИ, выяснилось, что это не фото сожженного ребенка, а изображение собаки, обработанное нейросетью.

Английская The Times к заголовку «Израиль показал искалеченных детей» опубликовала снимок с палестинскими детьми. Еще один пример, как откровенно грубо и подло работает западная пропаганда. Если в России на фото детей глаза прикрывают плашками в случае, если нет разрешения родителей, то здесь всё просто. Рассказывают о жестокости палестинцев, которые якобы обстреливают израильских детей, а показывают палестинских ребят, которых реально утюжат в закрытом секторе Газа израильские военные.

А что же в России? А вот это ещё интереснее. Освещение трагедии в Палестине даёт ответ на всю нынешнюю политическую обстановку в стране. Не трудно догадаться почему. И вот здесь крайне любопытно отслеживать ситуацию, по которой опосредованно можно понять, в какой стадии обретения суверенитета мы находимся в данный исторический момент.

Российские СМИ оказались между молотом и наковальней. Необычность в том, что, если в США израильская позиция является отражением государственной политики, то в России официальная точка зрения куда более умеренная. Первое, что бросается в глаза, для московских СМИ определяющим фактором является не официальное отношение государства, а менталитет либеральной интеллигенции, враждебно относящейся ко всему арабскому — отчасти в качестве реакции на традиционно проарабскую политику бывшего СССР. Играет свою роль и тот факт, что почти четверть населения Израиля и еще больший процент еврейских поселенцев на оккупированных территориях — выходцы из бывшего СССР, в своем большинстве представлявшие собой советскую «интеллигенцию», сохранившую связи с Россией.

Налицо рассинхронизация официальной позиции РФ с тем, что мы слышим из государственных СМИ, причём в отдельном, так сказать, сольном исполнении. Весьма любопытно наблюдать за конвульсиями радикально израильских Соловьёвых-Кедми-Сатановских на фоне весьма взвешенной политики руководства и президентской администрации по отношению к текущему конфликту. А ведь ещё совсем недавно было не так.

Во времена СССР правительство могло себе позволить объективно и правдиво излагать свою позицию по палестинно-израильскому конфликту. Однако после распада Страны Советов всё кардинально изменилось. Наладились дипотношения, которые были прерваны в 1967 году. Израиль стал скорее друг, чем враг, зато прежние креатуры арабского мира явно уходили на второй план. С приходом к власти В. Путина дружба с бывшим агрессором просто расцвела. Гласно и негласно мы поддерживали политику израильтян, а тесные личные контакты наших начальников до сих пор перед глазами. Помните фотографию идущих вместе Биньямина Нетаньяху и Владимира Путина на московской акции «Бессмертный полк» в День Победы 9 Мая?

Ситуация начнёт меняться, когда в сентябре 2015 года на аэродром Хмеймим (провинция Латакия, северо-запад Сирии) будет переброшена отдельная авиационная группа Воздушно-космических сил (ВКС) России.

Сегодня же Россия позволяет себе однозначно поддерживать Палестину и признаёт её право на самоопределение. Это — официальная позиция Москвы. Россия также является членом квартета международных посредников по ближневосточному урегулированию и активно участвует в поиске мирного решения конфликта.

Так же Россия противопоставляет себя США, которые являются главным союзником и покровителем Израиля. Наша страна считает, что США не являются нейтральным посредником в ближневосточном конфликте, а наоборот, поддерживают израильскую политику экспансии и насилия. Россия критикует США за то, что они оккупировали Голанские высоты и признали Иерусалим столицей Израиля и перенесли туда своё посольство, что нарушило международное право и статус города.

Однако для ведущих СМИ позиция государства — не указ. Самоуправство и вольнодумство налицо.

Вот как отработали начало войны на Ближнем Востоке «Вести недели» («Россия 1»). Сначала репортаж бесценного корреспондента там, руководителя бюро Сергея Пашкова. Ситуация дана с позиции Израиля, когда оккупанты выступают в роли жертвы, а подлинные жертвы в роли агрессоров.

Однако теперь для баланса присутствует иная точка зрения. Версия военкора ВГТРК Евгения Поддубного из сектора Газа прямо противоположная и объективная: Израиль сам во всём виноват, разведка проморгала, хвалёная армия разбежалась, а непробиваемый танк «Меркава» горит как свечка. «Меркава» он причём сравнивает с немецкими «Леопардами» на Украине, которые тоже горят за милую душу. «Мировоззрение американской элиты — современный фашизм с опорой не на расовое, но на национальное превосходство», — заключил Поддубный.

Ну и хитрый Владимир Соловьев не мог не сказать своё лукавое слово: он и за Израиль готов идти воевать хоть сейчас, но и слезу палестинского ребёнка никогда не простит Израилю, у него и Зеленский — это ХАМАС и русские солдаты великодушные православные в сравнении с кровожадными палестинцами: «Посмотрите, что они сделали со стариками, детьми, женщинами. Русский солдат на такое не способен, потому что он христианин, православный. А вы говорите Буча». Вместе с тем двуликий Янус и непревзойдённый факир на вопрос председателя Федерации еврейских общин Горина об отсутствии в адрес Израиля официальных соболезнований от президента России, задал ему встречный вопрос о том, почему Израиль не осудил несколько тысяч

израильских инструкторов, которые поехали убивать русских и помогать нацистам. Ну вот как такого «правдоруба» с глаз долой убрать из «ящика»?

Казалось бы, зачем такая двусмыслица? Хватает же имперских амбиций тому же Эрдогану называть происходящее в Газе «израильской резнёй», а действия Тель-Авива «фашистскими». Более того, Турция подала иск в Международный уголовный суд в Гааге (тот самый, что выдал ордер на арест Владимира Путина) против Биньямина Нетаньяху, обвинив израильского премьер-министра в геноциде и преступлениях против человечности в секторе Газа. Понятно же, что все эти иски Анкары — пустое сотрясение воздуха, поскольку МУС полностью контролируется Западом и обслуживает исключительно его интересы и заказы. Но оттого хранителю американской базы Эрдоган-паше и позволено болтать всё что угодно, его дела вполне устраивают как Израиль, так и США. А вот России открыто говорить правду опасно, наше «имперское слово» повлечёт за собой жестокую месть агрессоров. Вот и приходится пока терпеть двуликую словесовещину.

Для понимания и оценки текущих событий необходимо постоянно держать в голове полную картину происходящего. Мир находится в процессе глобального геополитического передела — перехода от однополярной системы к многополярной.

США являются главным бенефициаром старой системы и готовы на любые крайние меры, чтобы не допустить утраты своего доминирующего положения. При этом ослабление Америки уже идёт полным ходом. Но с другой — она по-прежнему обладает колоссальными ресурсами и возможностями, так что прямое столкновение с ними, как военное, так и экономическое — крайне опасно.

В результате за последние годы сформировалась стратегия противодействия гегемонии США, которой придерживается весь остальной мир, заинтересованный свалить гегемона, но сделать это с наименьшими потерями для себя. Данная стратегия предполагает максимальную гибкость политики и уклонение от прямого конфликта.

Ну и в завершение позвольте немного эсхатологического контента ради дальнорзости.

Говоря об Израиле, можно констатировать, что впервые за последний век (исключим лишь гитлеровскую Германию) на планете Земля появилось государство, открыто не признающее никаких норм и законов. При этом весь мир мирится с тем, что в другом случае вызвало бы жесточайшие репрессии: вспомним убийство Израилем специального посредни-

ка ООН в Палестине Бернадотта, бомбардировку ядерного центра в Багдаде, оккупацию части Ливана, резню арабов в Палестине, похищения людей и т.д. Для сравнения напомним: после погромов 1937 года в Германии («хрустальная ночь»), тоже вызванных терактом против немецкого дипломата, социологи опросили 41 члена национал-социалистической партии об их отношении к этому событию. Из них 63% выразили безусловное возмущение, 32% воздержались и только двое одобрили погром, «так как на террор надо отвечать террором». Вот позицию этих двух самых крайних нацистов разделяет государство Израиль, который не чужд мрачной религиозной мистики и на государственном уровне исповедует идею расового еврейского превосходства в крайних формах. Для справедливости отметим, что в конце XX века эту позицию усвоила и Спарта Израиля в лице США.

И вот теперь цивилизация, называющая себя христианской, мирится с тем, что Святой для христиан Город захвачен государством, где положение христиан очень близко к тому, которое было в России при бесновании христорбуческого ига право-троцкистского блока и где, например, в наши дни возможно публичное сожжение Евангелия, согласно предписаниям Торы.

Шахак видит причину прецедента в том, что сионизм, возникший в эпоху Герцля как чисто национальное и светское течение, для укрепления своих позиций постепенно всё больше стал опираться на поддержку влиятельных раввинов, исповедующих нетрадиционный и опасный иудаизм. В частности, оттуда заимствованы принципы отношения еврея к нееврею, содержащиеся в талмудической литературе, в частности в «Шулхан Арух». В настоящее время эта концепция вовсю используется отдельными политиками в своих целях. Например, как пишет Шахак, Бен-Гурион был атеистом, но во время войны 1956 года он объявил в кнессете, что истинная цель войны — «восстановление царства Давида и Соломона», причём, при этих словах все депутаты встали и запели гимн Израиля. Такой же религиозный исток имеют и неоднократно формулировавшиеся требования «библейских границ» от Нила до Евфрата.

В 1985 году кнессет принял закон, согласно которому к парламентским выборам не допускается партия, программа которой не содержит принцип «национального еврейского государства» или предлагает изменить его демократическим путём.

А Трамп в роли Кира. Помните? Комментируя в мае 2018 года решение Трампа о переносе американского посоль-

ства в Иерусалим, Нетаньяху сделал ему такой комплимент: «Это будут помнить так же, как мы помним заявление Кира 2500-летней давности, когда он сказал вавилонским пленникам: «Вы можете вернуться и восстановить храм в Иерусалиме».

Кир, к слову, это тот персидский царь, чей дух «Яхве возбудил... издать воззвание» и «построить ему храм в Иерусалиме», согласно Книге Ездры (1: 1-2) Преемник Кира позже назначил Ездру надзирателем за строительством. За свой указ пророк Исайя даровал Киру титул «Помазанника» Яхве (Машиаха).

Нетаньяху, безусловно, является типичным примером тенденции израильских лидеров рассматривать историю как вечное воспроизведение Библии в её весьма и весьма своеобразном понимании.

«Библейская» основа секулярного сионизма недооценивается и даже отрицается критиками сионизма, даже когда она подтверждается самими сионистами. Это правда, что Теодор Герцль не рассуждал в библейских терминах для своей программы 1896 года «Еврейское государство». Тем не менее, он назвал своё движение сионизмом, а Сион — это метонимическое обозначение Иерусалима, используемое библейскими пророками, особенно Исайей.

Одна важная вещь, которую Бен-Гурион узнал из Библии, заключается в том, что предназначение Израиля состоит не в том, чтобы быть народом, как другие, а в том, чтобы быть центром мира и правителем всех народов. Когда в 1962 году его спросили о его предсказании на следующие 25 лет, он заявил, что Иерусалим «станет резиденцией Верховного суда человечества, чтобы разрешить все споры между федеративными континентами, как это было предсказано Исайей». Пророческое видение Бен-Гуриона в большей или меньшей степени разделяли все последующие израильские лидеры, вплоть до Биньямина Нетаньяху.

Для Нетаньяху, как и для Бен-Гуриона, должно быть очевидно, что для того чтобы Иерусалим стал штаб-квартирой «Верховного суда человечества», который заменит Организацию Объединенных Наций, необходима еще одна мировая война.

При желании сионисты могут найти в Библии все необходимые оправдания их беззаконий. Для Газы у них есть Книга Судей (1: 18-19): «И взял Иуда Газу с территорией её... Иегова был с Иудеями, и они овладели нагорной страной».

Даже больше, чем Бен-Гурион, Биньямин Нетаньяху мыслит по-библейски, и это становится всё яснее и яснее по мере

того, как он становится старше. 3 марта 2015 года он драматизировал перед американским Конгрессом свою фобию по отношению к Ирану, ссылаясь на библейскую книгу Есфирь: «Мы древний народ. За свою почти 4000-летнюю историю многие неоднократно пытались уничтожить еврейский народ. Завтра вечером, в еврейский праздник Пурим, мы будем читать книгу Есфирь. Мы читаем о могущественном персидском наместнике по имени Аман, который замыслил уничтожить еврейский народ около 2500 лет назад. Но храбрая еврейская женщина, царица Есфирь, разоблачила заговор и дала еврейскому народу право защищаться от своих врагов. Заговор был сорван. Наш народ был спасён. Сегодня еврейский народ столкнулся с очередной попыткой очередного персидского правителя уничтожить нас».

Нетаньяху запланировал своё выступление на канун Пурима, который празднует счастливый конец Книги Есфирь — убийство 75 000 персидских мужчин, женщин и детей. В 2019 году Нетаньяху произнес эти слова во время поездки по Западному берегу: «Я верю в книгу книг и читаю её как призыв к действию о том, что каждое поколение должно сделать всё возможное, чтобы обеспечить вечность Израиля».

А сегодня в духе фашистской Германии Нетаньяху называет палестинцев «человекоподобными животными», всё более раскрывая суть идеологии, стоящей за оккупацией, гетто, арестами и убийствами, а сегодня — геноцидом палестинского народа на глазах у всего мира.

Болезненные тенденции государства Израиль не имели бы слишком большого значения для остального мира, подобно «фундаменталистским» принципам, которыми руководствуются некоторые исламистские группировки. Но разница заключается в том, что Израиль стал центром всего мирового еврейства и оказывает на него сильное влияние, а через него на весь мир. То, что происходит в Палестине, обнажённо показывает, что происходит во всём еврействе, которое задаёт основной тон в мировой политике.

С другой стороны, нынешний израильский режим концентрирует в себе, помимо прочего, и все энергии русофобии, существующие в мире. Для многих неожиданно прозвучал истеричный голос видного представителя «Ликуд» с прямыми угрозами существованию России: «Мы завершим эту работу (уничтожение ХАМАС вместе с Сектором Газа), мы победим, потому что мы сильнее. После этого Россия заплатит, поверьте мне, Россия заплатит. Россия

поддерживает врагов Израиля... Мы придём и сделаем так, что Украина победит...».

Таким образом, для русских текущий ближневосточный конфликт служит предупреждением о недопущении процессов «алии» евреев на Украину. Да, я не оговорила — именно «алии». Наша земля имеет для них особую притягательность и окутана душной пеленой кабалистической мистики, как «запасная историческая родина». Впрочем, евангельская связь между нашими народами настолько тонка, что и нам, православным, недалеко до Нового Иерусалима. И Между-речье — не наша ли духовная вотчина?

Сами того не замечая, лидеры мирового сионизма медленно, но неуклонно ведут свой народ к новой катастрофе. Пытаясь влиять на глобальные политические процессы в своих интересах, они, видимо, не думают о том, что на духовном уровне, разливая чашу Божьего гнева, безголовые «всадники» сионизма способствуют лишь одному — неизбежному укреплению православия в мире. В конце концов, если есть американский Кир, то должен быть и русский Илия...

ПРОМЕТЕЙ ВЕДЕТ БОЙ

РАССКАЗ

1

«Аякс, Аякс! Я Прометей! Веду бой!
Аякс, Аякс! Я Прометей! Веду бой!».

Сухой треск выстрелов, словно надрывный кашель сотен простуженных глоток, почти заглушал далекий молодой голос неизвестного радиста. Когда же раздавался протяжный, отражающийся долгим эхом в радиоэфире грохот взрыва, этот голос вдруг замолкал и через несколько мгновений, словно заново рожденный, продолжал отчетливо звучать:

«Аякс, Аякс! Я Прометей! Веду бой!
Аякс, Аякс! Ответьте, я Прометей! Веду бой!».

Всего несколько секунд далекого боя и ясный спокойный голос радиста, который не просит о помощи, не голосит о приближающейся смерти, а спокойно и размеренно делает свою работу, как делает ее каждый божий день.

— Ну что, опять? — зашедший в штабной блиндаж комбат устало посмотрел на дежурного связиста.

— Опять... — молоденький бело-брысый сержант произнес это с какой-то глубокой обреченностью, — третий день подряд одно и то же...

ПРОЗА

Он снова расстроен, так как не понимает, что происходит. Ему категорически запрещено отвечать, так как позывные, звучащие в эфире ранним утром, ему незнакомы, и он ни в коем случае не может выдавать себя чужаку. Но и поможь чужой беде он не в силах, так как радиосигнал через несколько секунд внезапно прерывается, и эфир снова безмолвствует — долго и уныло.

Их изрядно потрепанный в боях батальон решением старшего начальника вывели на две недели в резерв — перевести дух, зализать раны и пополнить потери. Прошло три дня с того счастливого момента, когда им объявили об этом, и люди, еще не отошедшие от ежедневных кровопролитных боев и непрерывного безысходного ожидания смерти, отсыпались, стирали обмундирование и наслаждались горячим трехразовым питанием. Здесь, в густом сосновом бору в пятидесяти километрах от Мариуполя, время для них будто бы застыло.

Кто-то из разведчиков обнаружил на опушке леса старый полуразрушенный, почерневший от времени и густо поросший древним мхом блиндаж. За полдня его всем миром подправили и заселили в теплое сухое помещение штаб батальона в составе командира, начальника штаба и полевого пункта связи. Начальник штаба майор Бурляев Евгений Антифьевич, толком не обжившись в новом жилье, убыл в Донецк за пополнением и все неказистые, но довольно просторные «апартаменты» оказались в полном распоряжении командира батальона майора Булавина Павла Павловича и дежурного связиста сержанта Миши Котова, который откровенно наслаждался своим спокойным дежурством и на отсутствие смены никак не жаловался. Как только он настроил рацию на командирскую волну и провел два пробных сеанса с центром, блиндаж наполнился звуками эфира: шершавым, привычным каждому связисту радиофоном — то глухим, то звучно потрескивающим с редкими сухими вспышками еле слышного стороннего радиобмена. Центр, — большое ему солдатское спасибо, — за эти несколько дней не побеспокоил ни разу, о батальоне на какое-то время забыли, но все понимали, насколько это молчание верхнего штаба непостоянно, и те две недели, что им дали на отдых, — тоже срок условный: если завтра поступит пополнение, то трое суток на боевое слаживание, и снова шагом марш в пекло войны!

Но пока всё вроде бы складывалось хорошо, и комбат Булавин даже помышлял о собственной побывке на два дня к семье в Луганск. Но неожиданно-негаданно и совершенно ниоткуда возник этот самый «Прометей», да еще с «Аяксом» в придачу.

С сержантом Котовым Булавин этот, как он считал, случайный радиоперехват обсуждать не считал нужным, спросил только, знает ли тот такие позывные в их полку, и, получив отрицательный ответ, вызвал на завтра послушать «Прометей» начальника связи капитана Андрея Васильева и командира разведроты лейтенанта Вадима Долгова. Он был уверен, что этот странный радиообмен снова повторится и будет точно такой, как три предыдущих.

— Товарищ майор, — обратился к ушедшему в свои мысли комбату связист, — может, записать в журнал радиообмена эту галиматью?

— А ты еще не записал?! — беззлобно, скорее для виду, возмутился Булавин, — конечно же, пиши! Только не выдумывай там ничего, фиксируй, как я сформулировал! Запомнил?

— Запомнил, — недовольно промямлил сержант; он, как все связисты, считал себя представителем войсковой элиты и поэтому очень не любил, когда на него повышали голос, даже если это делали отцы-командиры. Через минуту в пухлом, махрящимся толстым слоем желтоватых страниц журнале появилась новая запись: *«12—14 сентября 2023 года. Ежедневно в 4 часа 35 минут. Случайный перехват одностороннего выхода в радиозфир неизвестного абонента (позывной — «Прометей») с запросом экстренного сеанса с неизвестным абонентом (позывной — «Аякс»). Содержание радиосообщения: «Веду бой». Без ответа от «Аякса».*

— Ежели б это наши были, из вновь прибывших, то уже б новую таблицу позывных нам прислали, — завершив запись, с видом профессионала констатировал радист.

— Без тебя знаю! Тоже мне умник нашелся! — окончательно обидел сержанта комбат, и тот надолго умолк, плотно прижав к большим красным ушам черные отшлифованные годами наушники.

Булавин выбрался из бункера и зажмурился под яркими лучами восходящего солнца, зацепившегося своим пылающим диском за синие верхушки высоких сосен. Разноголосый птичий гомон извещал окрестности о начале нового дня. Но батальон еще спал. Спал крепким сном смертельно уставшего воинства. Спал, как может и умеет спать только солдат, — крепко, сладко, вроде бы беспробудно, но в незримой готовности ринуться «в ружье» по первому тревожному сигналу. Ровные ряды палаток вперемешку с землянками казались безжизненными, но стоило только навести ухо, как то здесь, то там слышался здоровый солдатский храп. Недалеко в небольшой ложбинке под аккуратно натянутой массетью уже источала божественный аромат свежесваренной

пшенки с тушеной говядиной полевая кухня — самая желанная и самая верная солдатская подруга.

Приметив вдалеке неспешное хождение часовых, Булавин удовлетворенно хмыкнул. Час назад в самое опасное время, когда любого, даже самого опытного сторожа клонит в сон, он проверил посты и остался доволен — служба неслась исправно. Не поленился комбат и навестить каждый из четырех секретов, скрытно размещенных по периметру лагеря, каждый на расстоянии километра от крайних палаток. Там тоже не спали и были начеку.

После обхода командир хотел часок кимарнуть, но мысли об этом странном радиоперехвате не давали ему покоя, теснились в голове, не желая выстроиться в какую-то стройную схему. Сегодня он убедился себя в том, что звуки, которые они с радистом ловили каждое утро в радиоэфире в течение трех последних дней, были кем-то грубо сколоченной «дезой». И голос далекого радиста, и шумы боя изо дня в день повторялись точь в точь, словно записанные на магнитной ленте и с тупым упорством воспроизводимые ежедневно в одно и тоже время. У него почти не было сомнений, что так оно и было, но главный вопрос оставался без ответа: кому и зачем это надо? «Прометей», «Аякс» — глупость какая-то!

Надежда на то, что завтра главные над связью и разведкой скажут что-то дельное по этому вопросу, была небольшой, но всё же была. Еще в глубине души он надеялся, что завтра утренний эфир окажется девственно чист и всё, что он выдавал накануне, забудется, как нелепый сон. И тогда он возложит обязанности комбата на опытного начальника штаба и махнет на два дня к семье. Это была его главная и единственная мечта за последние полгода — увидеть и прижать к себе жену Катю и детишек — Максимку и Женечку. А еще он тайно мечтал откусать с любовью приготовленного супругой говяжьего гуляша с картофельным пюре — его любимого с детства блюда.

2

На следующее утро в 4 часа 37 минут, когда «сторонний радио-сеанс» умолк так же внезапно, как и ожил, в блиндаже воцарилась мертвая тишина, лишь глухо потрескивал совершенно пустой эфир. Комбат достал из мятой почти опустошенной пачки сигарету и прикурил от добротной бензиновой зажигалки.

— Записал?! — он вдруг резко обратился к радисту.

— Нет, — ответил еще не отошедший от всплеска удивления Котов.

— Так записывай! — привычно повысил голос командир, — забудешь же потом, дурья твоя башка!

И сержант записал в журнале радиообмена: *«15 сентября 2023 года. 3 часа 30 минут: по приказу начальника связи капитана Васильева А.В. для улучшения приема эфира установлена внешняя антенна.»*

4 часа 35 минут: очередной перехват одностороннего выхода в радиоэфир неизвестного абонента (позывной «Прометей») с запросом экстренного сеанса с неизвестным абонентом «Аякс». Содержание радиосообщения: «Я Прометей. Веду бой в квадрате 65-12 по улитке 3 силами разведывательной группы. Противник в составе усиленной моторизованной группы «СС» остановлен при движении в тыл наших войск в направлении Мариуполя на рубеже Колпаковка-Федоровка. По состоянию на 4 часа 35 минут 11 сентября 1943 года потери противника в живой силе составили более 40 человек, в бронетехнике — бронетранспортер, две танкетки, танк. Наши потери — четыре безвозвратных. Продолжаю бой! Без ответа от «Аякса».

Когда шариковая ручка заскользила по бумаге, Булавин окинул хмурым взглядом подчиненных и огласил то, что давно сидело в голове, а сейчас хотя и немного пошатнулось, но не выветрилось окончательно:

— Не верю я этому. «Деца» это чистой воды, грубая «деца»! — он снова пробежался воспаленными от недосыпа глазами по лицам боевых товарищей, словно искал у них поддержку, и уже спокойно, не так уверенно выдавил из себя окончательный, как он считал, вывод — они для чего-то нам подсовывают этих древнегреческих героев, только не пойму — для чего.

— Не торопись, Палыч, — вдруг ожил начальник связи, пожилой тучный капитан, — я как связист тебе скажу, что это не запись, а чистый эфир. Передатчик находится на расстоянии километров пяти отсюда. Это, конечно же, удивительно, но факт, с которым не поспоришь.

— Нет там никакого передатчика! — прервал связиста командир разведроты. — И бой там никто не ведет! Мои ребята этот квадрат прочесали вдоль и поперек, поле там чистое! Там даже скот не пасется. Ближайшая деревня в километре к северу.

Вадик Долгов, молодой чернявый офицер, без спросу вытащил из командирской пачки сигарету и, мгновенно прикурив, жадно затянулся.

— Я же говорю, «деца», — продолжил разговор комбат.

— Может, и «деца», — задумчиво произнес начальник связи, — таких позывных ни у нас, ни у них не имеется, но если нам желают навязать радиоигру, давайте попробуем ответить

за «Гвидона», — он кашлянул в кулак и обратился к командиру, — дозвожь Палыч.

— Да какая радиоигра?!— снова вспыхнул Булавин. — Ты что, не слышал?! Немцы! Моторизованная группа! «СС»! Дурдом какой-то, а не радиоигра!

Он швырнул на земляной пол тлеющий окуроч и растер его в труху начищенным до блеска берцем.

— Делайте, что хотите! А я докладываю в центр!

— Да погодь ты! — осадил командира Васильев. — Давай пикнем в их сторону, а потом еще помозгуем, — и, не дождав-шись ответа, кивнул радисту. Тот словно ждал этого немого сигнала, щелкнул тумблером, чуть крутнул ручку настройки и, поймав знакомую частоту, звонким мальчишечьим голо-сом произнес:

— «Прометей», я «Аякс»! «Прометей», ответьте «Аяксу»! Слышу и различаю вас хорошо!

Он повторял эти слова раз за разом. Но эфир молчал. Не было ответа и на следующее утро после очередного прослу-шивания уже известного всем посвященным радиоперехва-та. Ничего не изменилось даже когда начальник связи при-тащил в блиндаж неизвестно где добытую новенькую радио-станцию, более совершенную и мощную по характери-кам. «Прометей» работал только на передачу и ответа не при-нимал. Версия о радиоигре отпала сама собой, как и предпо-ложение о радиоразведке противника для определения мес-тонахождения батальона.

— Если бы нас засекли, то без промедления поджарили бы на этой опушке, как на сковороде, без малейшего сожаления, — сделал вывод прибывший ночью с новым пополнени-ем начальник штаба. Он тоже склонялся к версии о вражес-кой дезинформации и так же, как комбат, не мог это никак обосновать.

3

После очередной записи в журнале, датированной 18 сен-тября 2023 года, радист по-хозяйски, как будто и нет рядом четырех начальников, заварил себе в большой алюминиевой кружке чёрный пахучий чай, сдобрил его двумя большими ложками белоснежного сахара и звучно с удовольствием от-хлебнул горячий, источающий густой пар напиток.

— А я вот что припомнил, товарищи командиры, — он об-вел смышленным взглядом всех офицеров, дружно дымящих командирскими сигаретами, — когда я в связной «хабзе» учился, один особо уважаемый пэтэушниками преподава-тель — старенький такой дядечка... фамилии не припомню...

— Да не томи, ты! Нам без разницы, какая у него была фамилия! — психанул вконец издерганный этой радио-загадкой Булавин.

Сержант уже готов был обидеться, но неожиданно его подержал начштаба:

— Ладно, ты, Палыч, пусть парень скажет, — он с желанием покосился на дымящуюся чайную кружку, — может, что дельное услышим.

Комбат гневно скрестил руки на груди и повернулся к стене, а приободренный радист продолжил:

— Так вот, рассказал как-то нам этот профессор о «блуждающем радиосигнале».

— Это еще что такое? — резко спросил Васильев, — не слышал я о таком.

На этот раз сержант не смутился, а наоборот, видно, почувствовав свое преимущество в знаниях над офицером, бодро пояснил:

— Это когда метровый, сантиметровой или дециметровый радиосигнал по каким-то до сих пор неисследованным причинам вместо того, чтобы направленно распространяться в нижних слоях атмосферы, искривляет свою прямолинейную траекторию и уходит в тропосферу, как известно, среду физически неоднородную, и там, подвергаясь рефракции, теряется на неопределенное время. Это сейчас имеется тропосферная радиосвязь, а тогда все было по-другому. Может быть, этот «блуждающий радиосигнал» вообще в открытый космос уходил и там блуждал до поры до времени. Но такого нам профессор не говорил, это я сам придумал...

На последних словах сержант умолк и растерянно посмотрел на своих слушателей, а начсвязи, узрев эту нерешительность, попытался взять реванш над младшим по званию и должности:

— Ты сам понимаешь, что несешь?! — он тоже пробежался взглядом по лицам товарищей, будто искал поддержку. — Какой «блуждающий сигнал»?! Ты учебник физики за седьмой класс хоть раз открывал, умник?

Сержант не замедлил с ответом и на этот раз вспылил так, что мгновенно покраснели щеки и кончики ушей:

— Я школу с золотой медалью закончил! А по физике четыре областных олимпиады выиграл! — Он резко вскочил из-за стола и яростно посмотрел на капитана. — Вы хоть знаете, что такое зоны Френеля или эффект Допплера?!

— Да я тебе...

Комбат хлопнул ладонью по свежеструганной некрашеной поверхности стола и прикрикнул на загоревшихся спорщиков:

— Умолкли оба! — И чуть помедлив, уже спокойным тоном продолжил: — Читал я про это. Вроде бы в сорок четвертом году один сбитый немцами французский ас из «Нормандии-Неман», падая в море, пытался связаться с КП. Так вот его сигнал приняли через четыре года.

— Через четыре, а не через восемьдесят, — снова встрял начсвязи.

— Да какая разница, капитан! — широкая ладонь комбата снова звучно впечаталась в крышку стола. — Здесь главное принцип!

Он посмотрел на командира разведроты:

— Где, ты говорил, находится та деревня?

4

Через час, изрядно попетляв по пыльной ухабистой дороге, бесконечно вьющейся по выжженной войною и жарким южным солнцем степи, бурый от пыли бронетранспортер с тремя пассажирами на броне заливатски развернулся и замер посреди небольшой аккуратной деревушки.

До этого неспешно бредущая по узкой тропке русоволосая высокая девушка в светлом ситцевом платьице и с почтальонской сумкой через плечо испуганно взвизгнула и в два прыжка заскочила за неровный покосившийся штакетник у такого же кособокого домишки с черными бревенчатыми стенами и маленькими грустными окнами без стекол.

Сопровождавший почтальоншу небольшой мохнатый пес при виде бронированной махины залился звучным заливыстым лаем. Его сразу же подхватили невидимые за заборами, но чуткие на чужаков, «коллеги».

Единственная на пару десятков дворов улочка была совершенно безлюдна, только теплый осенний ветерок гонял по иссушенной палящим южным солнцем дороге первые опавшие листья.

Военные, нестройно брэнча оружием и амуницией, ловко соскользнули со спины бронированного, грозно урчащего мощным движком и чадающего черным выхлопным дымом монстра. Осторожно озираясь по сторонам (скорее по привычке, чем из осторожности) они, не обращая внимания на захлебывающуюся лаем псину, тремя парами глаз как по команде уставились на затаившуюся в своем хлипком укрытии девушку.

Который был ниже ростом, но коренастей и шире в плечах обоих своих спутников (это был комбат Булавин), с трудом преодолевая давно ставшую привычной угрюмость, растянул в улыбке узкие обветренные губы и, стараясь придать

хриплому басистому голосу доброжелательные нотки, обратился в сторону хромого штакетника:

— Здравствуйте.

— И вам не хворать, — раздался из-за забора звонкий с задоринкой голосок.

Комбат ухмыльнулся этому старомодному «не хворать».

— А как деревня-то ваша называется?

— Так Новые Выселки мы, — из-за штакетника наконец показалась русая голова с толстой косой на хрупком плечике.

— А почему новые? — комбат хитрил, его совсем не это интересовало, но хотелось хоть чуть-чуть разговорить этот подброшенный судьбой, на данный момент единственный в этой местности «источник информации».

На удивление это оказалось не сложным — девушка была не из робких и довольно словоохотливой.

— Так старые еще в ту войну сгорели, мне дед рассказывал, они за лесом стояли, сейчас там только степь да ферма заброшенная... Цыц, Гектор! — она прикрикнула на уже охрипшего от лая пса и тот на удивление мгновенно заглох, как истративший топливо двигатель.

А девушка, немного освободившись от давно ставшего привычным чувства опасности, выпрямилась во весь рост, поправила на плече объемную сумку, но из-за штакетника не вышла.

Булавин видел эту ферму, когда их «бэтээр» петлял по степи. Он на мгновение нахмурился, но спохватившись, что может опять испугать свою милую собеседницу, постарался снова изобразить подобие улыбки, хотя на этот раз это давалось намного труднее. Сердце больно резанули слова «в ту войну». В голове появились неожиданные, незапланированные мысли том, что не успели люди оправиться от «той войны», как на эту, еще не просохшую от пота и крови землю опять пришла беда, и снова льется людская кровь, и снова горят мирные хаты. И только-только крепко встали на ноги послевоенные поколения, как в их лексикон, дела и помыслы пришло понятие «война», уже не из ветеранских былей и уже с другим содержанием.

— Да ты не бойсь, красавица! Свои мы, не враги — он забросил за спину автомат и прошелся по подчиненным требовательным взглядом.

Оба офицера без слов поняли команду «улыбаться». Их хмурые физиономии, с такими же обветренными как у командира губами насилу растянулись в корявых неестественных улыбках. Наверное, для того чтобы придать себе более человеческий вид, начсвязи прошелся потной

ладонью по худому запыленному лицу. Командир разведроты только поправил на груди старенький укороченный калаш и шире расставил крепкие молодые ноги в новеньких берцах.

— Так сейчас, дядечка, и не разберешь, кто свой, а кто чужой. Вроде бы все свои, а куры да гуси со дворов исчезают, а давеча у бабки Нины козу увели, — девушка всё же вышла из укрытия и блеснула красивыми загорелыми коленками из под короткого платьяца, но на улыбки никак не ответила, видно, почуяв их искусственность, и вместо этого смело вонзила острый зеленый взгляд в комбата (признала в нем старшего) и неожиданно выдала — вот так же, как вы, улыбались, а потом взяли и козу увели...

Булавин снова удивился старомодной манере общения этой совсем юной особы и на этот раз, впечатлённый историей о похищенной козе, искренне рассмеялся:

— Мы не по этим делам, уж поверь на слово, — он снова хохотнул, и девчонка наконец улыбнулась в ответ.

Майор сделал два шага к ней на встречу, а она не шелохнулась и продолжала улыбаться, значит, уже не боялась и доверилась чужакам. Но чтобы окончательно растопить лед недоверия между ними, комбат обратился к новой знакомой с нейтральным вроде бы ничего не значащим вопросом:

— А собаку Гектором это ты назвала? Уж больно редкая для пса кличка.

— Да не, — это всё дед, — в честь какого-то героя из мифов древней Греции, а мамку Гектора, красивая сучка была, он назвал Герой. Это богиня такая была, вроде жонка их самого главного — Зевса, что ли.

— Ох и выдумщик твой дед, а он что, и войну помнит? — спросил Булавин наугад и поправил сам себя: — Ту войну.

— Конечно, помнит, он и воевал в наших краях.

— Партизанил, что ли?

— Не ведаю, о чем это вы, — девчушка смутилась, и щеки ее слегка зарумянились, — вы лучше у него сами спросите, коль не брешете, что с добром к нам на своем грозном керогазе приехали.

— С добром-добром, — вдруг очнулся молчаливый Вадик Долгов, и снова огляделся по сторонам (в конце пустынной улочки, где за пригорком виднелась тополиная рощица, наискосок бодро проковыляла пегая хромая собака). — Далеко твой дед проживает?

Девушка прыснула сдавленным смехом, при этом с интересом посмотрела на молодого лейтенанта:

— Шутите, что ли? Это Москва далеко, а у нас тут всё рядом. Я почти за четверть часа разношу, это при том, что с соседями, как водится, о том о сём попутно судачу.

— Раз рядом, то веди нас к нему, — не переставая улыбаться, предложил Булавин и, заметив сразу же появившуюся настороженность в девичьем взгляде, постарался успокоить, — да не бойсь ты, не обидим мы деда твоего.

— А я и не боюсь, — девчушка снова смело стрельнула карими глазами прямо в лицо комбату и рикошетом прошла взглядом по лейтенанту (тот скромно отвел глаза). — Он знаете, какой крепкий?! Он вас троих на лопатки разложит и не запыхается.

Офицеры залились дружным смехом, и каждый из них вдруг почувствовал, как благодаря этой бойкой наивной девчушке, настроение поднялось, и совсем нерадостная военная жизнь самую малость заискрилась свежими добрыми тонами.

5

Даниила Ефремовича, того самого «крепкого деда», они нашли в просторном яблоневом саду за небольшой свежесве-беленной мазанкой с покатой черепичной крышей. Быстро привыкший к гостям, Гектор, вихрем пронесшись по двору, обогнул хату и, залетев в сад, преданно завалился в траву у ног хозяина. Дед был действительно крепким: высокий, косая сажень в плечах, лицо, словно вырубленное из гранита, — покатый лоб, крупный широкий нос, тяжелая челюсть. На вид возраст его определить было трудно, но Булавин, подчитав в голове, решил, что этому крепышу где-то за девяносто лет.

— Вот, деда, к тебе солдатики пожаловали, — представила гостей раскрасневшаяся от ходьбы и от этого еще более похорошевшая девчушка. Она не стала любопытствовать и деликатно улетучилась с почтальонской сумкой на плече по своим неотложным делам.

— Мы не солдаты, а офицеры, — произнес ей вслед капитан Васильев.

— А нам это без разницы, — неожиданно твердым молодым голосом промолвил дед и окинул светлым внимательным взглядом всю троицу. — Ежели армеец и воюешь с оружием в руках, то ты перво-наперво солдат.

— Верно говоришь, отец, — сразу пошел на сближение Булавин.

Старик, не вставая со скамейки, жестом широкой, как лопата, ладони пригласил гостей к небольшому, но крепко-

му, под стать хозяину, покрытому чистой клеенкой садовому столику. Располагавшийся до этого в его центре эмалированный таз, доверху наполненный нарезанным ломтиками «штрифелем», быстро перекочевал в тень между толстыми квадратными ножками и занял место рядом с большой корзиной, заполненной свежесорванными яблоками.

Когда все гости расселись, хозяин пытливо посмотрел на комбата и сразу признал в нем старшего. Булавин не стал ждать.

— Даниил Ефремович, отважного Прометея я из школьной программы помню, о Гекторе тоже, что-то там читал, а кто такой Аякс? — совсем не то хотел он спросить, но этот вопрос возник ниоткуда и сразу же понравился ему. В предвкушении интересной беседы в груди приятно заныло.

— Это какой из них? — сразил комбата встречным вопросом старик и, не ожидая какого-либо вразумительного ответа, решил продолжить, дабы не мучать не шибко искушенных в древнегреческой мифологии воинов. — Их двое было: первый — Аякс Великий или Аякс Тела-монид — правнук Зевса, его Гомер назвал сильнейшим из греков. Этот герой восемь раз побеждал в бою Гектора и вынес тело убитого Ахилла с поля боя. Кончил он свой земной путь печально. Второй же — это малый Аякс или Аякс Оилид, царь Локриды, тоже вроде как великий воин. Но больше известен сей муж не военными подвигами, а тем, что насильно покрыл собой Кассандру прямо у алтаря Афины, за что поплатился жизнью. В общем, осерчали на него боги.

Даниил Ефремович уже увлекся своим рассказом, но вдруг резко осекся и обратился к Булавину:

— А ты что, солдатик, древними греками интересуешься?

Комбат и бровью не повел:

— Да вот, отец, запутались мы с товарищами в этих мифических героях, ни спать, ни есть не можем. Школьные знания на войне по окопам растеряли, вот и сидим в землянке, радио слушаем и шибко тоскуем.

— Так я тебе, книжку дам почитать, верни только, не забудь, — не сдавался «крепкий дед».

— Боюсь, что не верну я твою книжку, отец, бумага на войне в цене, кому как ни тебе знать — на курево пойдет да на другие дела, гигиенические. Хоть и жалко будет рвать да мартать великих древних героев.

Старик, почувствовав в этом широкоплечем майоре достойного соперника, одобрительно блеснул глазами и в открытой улыбке показал на редкость крепкие, чуть желтоватые зубы. А Булавин, почувствовав, что старик подпустил его к себе чуток поближе, продолжил разведку:

— Мы к тебе, отец, вот по какому делу. Есть у нас информация, что великие воины Аякс с Прометеем в сорок третьем году на этой земле с общим врагом воевали и между собою в очень даже любезных отношениях были. Может, как знаток по этим древним грекам дашь нам подсказочку?

Старик медленно убрал ладони со стола, но комбат успел заметить, как скрючились и затвердели его толстые узловатые, словно вырубленные из мореного дуба пальцы.

Дед на глазах поскуцнел и отвел взгляд в сторону хаты.

— Ума не приложу, о чем ты солдатик выведываешь, — и вдруг выдал неожиданное: — Вчера ваши хлопцы о том же меня пытали.

Вадик Долгов сразу же напрягся и переглянулся с Васильевым, но комбат мгновенно осадил их успокаивающим взглядом. Он сразу же сообразил, кто вчера приходил к ветерану, но виду не подал. Одно его в этом взволновало: откуда люди с той стороны знают о радиоперехвате? Неужто это действительно какая-то игра? Что до деда, то он еще до вчерашнего предполагал, что так может быть: народ здесь осторожный, лишнего никто не скажет, а тема войны — без разницы какой — для многих — табу. Пришлось выложить последний козырь, он тяжело исподлобья зыркнул глазами на начальника связи, тот ответил понимающим кивком головы и выложил на стол мобильный телефон. Не успел смысленный дед сообразить, что происходит, как диктофон мобилника разразился знакомыми звуками:

«Аякс, Аякс! Я Прометей! Веду бой!

Аякс, Аякс! Я Прометей! Веду бой!»

Старик неожиданно резко, совсем не по-стариковски вскочил из-за стола и выпрямился во весь свой исполинский рост, но взглянув на невозмутимых офицеров, постарался унять волнение, оперся руками о стол и с виду спокойно дослушал запись до конца. Только его усталые, выцветшие с годами глаза выражали какую-то глубокую муку и нестерпимую боль. После того, как прозвучало: «Наши потери — четыре безвозвратных. Продолжаю бой!» по глубоким морщинам, как по вырытым временем бороздам на его иссушенных щетинистых щеках тонкими ручейкам заструились слезы.

— Откуда это у вас? — голос ветерана вдруг стал хриплым и дрожащим как у действительно пожилого человека. Он так и не присел, только снова убрал ладони со стола и оперся рукой о ствол яблони.

— Это мы у вас хотели спросить, Даниил Ефремович: как это могло дойти до нас через восемьдесят лет. Связист наш, сержантик, что-то глаголил об уникальных физических яв-

лениях в тропосфере. Но, похоже, вы больше всех нас вместе взятых об этом знаете. Может, хоть чем-то поделитесь с нами?

— Накрой-ка нам, Елена... — обратился ветеран к завершившей свои почтальонские дела и запорхнувшей к ним под яблоню внучке. — Там... в шкафчике возьми, — и уже, отвечая на ее укоризненный взгляд, добавил, — по такому случаю по чуть-чуть можно...

Пока Елена накрывала на стол, старик молчал. Он, конечно же, находился мыслями не здесь, а там, где вёл жестокий бой тот самый «Прометей», о котором почему-то жаждали узнать его сегодняшние и вчерашние гости. И «солдаты» не нарушали это молчание, потому что не смели этого делать, не имели права, чутко понимая, что сейчас происходит в душе ветерана.

Он заговорил только когда проворная внучка выставила на стол пузатый зеленого стекла бутылёк самогонки, и на больших тарелках с голубой каймой — свежие огурцы, помидоры и большие ломти черного хлеба и душистого белого сала.

6

— То раннее утро, ребята, осталось во мне навсегда, прожил я его тысячу раз, а может, и больше. 11 сентября сорок третьего года после того, как выбили немчуру из Мариуполя, вывели наш полк в запасной район в тридцати километрах западнее города. Это, похоже, то место, ребята, где ваш батальон сейчас расположился.

Лес кругом! Тишина! Птицы песни поют, заливаются! А за пригорком медсанбат с улыбочивыми сестричками! Будто и нет вовсе войны! Не успели мы этому прекрасному обстоятельству как следует порадоваться, как послали мое отделение (я ведь сержантом тогда уже был и командовал отделением в разведывательном взводе) на разведку по переднему краю. Задача была не сложная — прошерстить в радиусе десяти-пятнадцати километров на предмет наличия недобитых остатков немецких войск. Мы это дело мигом провернули, скопления техники и личного состава не обнаружили, одиночки калечные по полям кое-где, конечно же, шлялись, но мы их в расчет не брали. Глубокой ночью скорым шагом возвращались в полк. Хлопцы мои в предвкушении сытного ужина и долгожданного сна шага не сбавляли — шли все пятеро за моей спиной, как один, нога в ногу, друг за дружкой.

И я уже было поддался общему настрою, широким шагом шагаю, спешу, как и все, ветки по щекам хлещут, и в голове мысли о симпатичной санитарке Ритулечке. Вот приду к ней

завтра после разведки, гимнастерка с наградами — герой! Но что-то мешало этим благостным мыслям вольготно гулять в моей командирской голове, какая-то горькая червоточинка в них закаралась и грызла-грызла изнутри. Эх, не до конца мы боевую задачу выполнили! — нашел я тогда причину моего внутреннего беспокойства и решил еще по тылам нашим пройти для успокоения совести. Ребята мои, конечно же, без особой радости это решение восприняли, но никто не роптал, все ж разведчики тертые были, опытные, и без меня всё понимали.

После небольшого привала маханули мы по дуге слева от полкового охранения, через лес, по полю шли, почти не таясь, встретили только нашу автомобильную колонну с пехотой и на рассвете выбрались к небольшой деревушке. Кругом благодать! Солнышко из-за пригорка ярким краешком выглядывает — ни войны, ни немцев! Хотели было в деревне подремать часок и назад на заслуженный отдых воротиться. Но когда я биноклем стал по горизонту елозить, заметил движение с первого взгляда неясное. Будто бы змея черная из-за леса выползла и в нашу сторону движется. Я сначала подумал, что это наш обоз тыловой подтягивается, — вечно они от передовых частей отставали, не попевали за наступлением. Но когда колонна чуток приблизилась, разглядел я на серой броне кресты да символы «СС». Подсчитал: бронетехники пятнадцать единиц («Тигры», танкетки и бронетранспортеры), три легких пушки, пять-шесть мотоциклов с пулеметами и пехоты человек триста, в общем — полнокровный усиленный батальон или развернутая моторизованная группа.

Похолодело всё внутри, по спине ледяной пот заструился. Моментом сообразил, что группа эта, прекрасно вооруженная, каким-то образом просочилась сквозь наши войска и сейчас или вслепую или намеренно следует в тыл нашему родному полку, здорово обескровленному в боях. И ежели они по нам внезапно вдарят, то потери будут бесчисленными. Даже страшно было представить.

Углубились мы в лес на метров пятьсот и, растянувшись по всей дистанции, скрытно заняли оборону на возвышении по обе стороны дороги. А дорожка та, после первых дождей уже чуток раскисшая, с поля уже к опушке сильно сужалась и позволяла в притирку к соснам пройти только одной, не больше, броневой единице — танку или бронетранспортеру. Значит, — решили мы — покатаются они по этой дорожке в колонну по одному. Обойти нас всем колёсным и гусеничным составом было практически невозможно, сосны ведь кругом, да овраги. Это нам на руку было.

У нас на руках лишь шесть ППШ с полным боекомплектом и девять гранат. Немцы вооружены, как говорится, до зубов. Но мы понимали, что пропустить их никак нельзя. И как только их головной походный дозор выкатился на узкую лесную дорогу, рванули мы гранатами бронетранспортер, что впереди шел, и с ним одновременно замыкающие две танкетки. А всё живое, что оказалось зажато между ними, покосили как травушку-муравушку, такой ад им устроили — любо дорого поглядеть. Затор на дороге образовался, как мы и замышляли. Танки таким образом отсекли, оставалось пехоту шелкать, как семечки, сколько патронов хватало.

Хвост фашистской гадины не дополз до опушки и замер. Минут пять они совещались и приняли очень неудобное для нас решение: «Тигры» стали цеплять на тросы сгоревшие танкетки, чтобы расчистить путь, а пехота поперла прямо на нас. Смикитили гады, что мы малочисленны, и наступали их автоматчики в полный рост, двойной цепью. Мы-то вроде хорошо замаскировались: холмы, кусты, деревья, овражек неглубокий слева, но и фрицы за соснами хоронились — попробуй-ка, достань.

Первым из нас погиб Петя Чухрай. Он со связкой гранат закатился под крайний «Тигр» и так его рванул, что эта машина, как лягушка, подпрыгнула. Второй их танк оказался зажатым между горевшими танкетками и его бесславно уничтоженным собратом. Своим геройским поступком Петя сделал большое дело — окончательно заблокировал немцам путь через лес. Самое сложное было сделано, и бой продолжался в лесной чаще рядом с пылающей на дороге фашистской техникой. Стреляли мои хлопцы короткими очередями и одиночными выстрелами, сэкономили боезапас, били фрицев прицельно, но уж сильно большой перевес был у тех по численности. Гляжу я, уже Ваня Данилов головой в муравейник уткнулся, а за ним Коля Щербак за пенёчком затих.

Иван Богомоллов занял удобную позицию под сгоревшим немецким танком, там, где упокоилась душа Пети Чухрая. И давал Ванюха оттуда такого огня, что вражеская пехота, словно побитая шавка, стала пятиться назад. Но умудрились гады закатить под днище «Тигра» несколько гранат и замолкла эта огневая точка.

Всё время боя радист Миша Дыбенко согласно моему приказу безуспешно пытался связаться с полком, но «Аякс» не отвечал, не слышал нас. Я, несколько раз зацепленный фашистским свинцом, быстро терял силы, заметил только, что ложбинка глинистая, в которой удобно утродился, словно тазик наполняется кровью и, уже теряя сознание, краем глаза

увидел, как звучный большой взрыв поглотил в себе радиста вместе с рацией и окружившими его фашистами. Это Миша последней гранатой взорвал себя и радиопередатчик, чтобы немцам не достался.

7

Очнулся я в деревенской хате, всё кругом как в тумане. Башка тяжелая, болит как обухом оглушенная. Ни рукой, ни ногой пошевелить не могу, всё тело, будто штыками исколото. Носом чую запах вареной картошки и парного молока. Маленько осмотрелся — увидел печку русскую, стол и лавку у окна, а за столом спиной ко мне — женщину русокосую, низкорослую и худенькую, что старательно тесто месила.

Хотел водицы попросить, но из горла только стон вырвался. А она как услышала, так и подлетела ко мне, стала лицо мое и волосы рукой гладить, измазала всего в муке, дуреха. И приговаривала что-то, счастливо улыбаясь, а я не слышу ее совсем и сказать ничего не могу, только мысль одна в башке сквозит: «Жив!»

Через пару деньков маленько оклемался и узнал от этой молодки, что без малого с месячишко я у нее на полатях в состоянии безжизненной чурки провалялся. Что зовут ее Настя и муж ее сгинул в сорок первом в боях под Москвой. И что выхаживала она меня как могла, хотя доктор, которого из района на подводе привозила, кучу фашистского железа из меня вытащил, но шансов на жизнь не дал.

Так вот, по ее рассказу всех моих ребят на другое утро после боя схоронили они в братской могилке за деревней. И я в той могилке тоже побывал, только когда первая лопата песку мне на лицо упала, застонал и глаза приоткрыл. А она, не думая долго, взяла меня к себе и выходила.

И самое главное я от нее узнал, что немцы не прошли дальше, поджала свой хвост их черная змея и, сильно укороченная нашими усилиями, повернула назад. Я уж сам докумекал, что нанесли мы им такой урон, что силёнок у них на дальнейшие боевые действия не осталось, и пришлось той вооруженной до зубов моторизованной группе попросту драпануть куда подальше. И от этой мысли, братцы, такое счастье меня посетило, что и описать невозможно! Не зря мои ребята в том лесу полегли! Не зря! Жаль хлопцев, но это же война. Она никого не щадит. До сих пор они ко мне во снах являются. Знаю, что сниться будут, пока не поднимусь я к ним за облака.

Только к зиме я стал походить на нормального человека при руках и ногах и аккурат к новому тысяча девятьсот со-

рок четвертому году догнал свою часть под Будапештом. Меня-то однополчане, как и всю разведгруппу, давно похоронили. Пришлось подробно на бумаге описывать наши героические действия — и для командования, и для особого отдела. Проверили это дело, как водится, и к орденам нас представили, товарищей моих погибших — посмертно. Но всё равно аж до самого Берлина пришлось в боевых порядках доказывать, что живой я, самый что ни на есть живой, словно за всех, кто в том лесу погиб, жил я и сражался. Еще одиннадцать рейдов в составе разведгруппы совершил в тыл врага, семь «языков» добыл, даже одного генерала-интенданта фашистского на себе прямо в штаб наш приволок и перед командиром полка во фрунт поставил.

8

— А в мае сорок пятого нацарапал я, братцы, свое имя на рейхстаге и прибыл снова в эту деревеньку к хлопцам моим из разведгруппы поближе. Хоть деревню ту фрицы спалили (народ успел в лесу спрятаться), новую постройку я мигом нашел, будто кто-то меня за руку туда притащил. Помогал изо всех сил дальше отстраивать.

Я ведь детдомовский и семью до войны не завел, и подумалось мне как-то, еще под Кенигсбергом, что лучше жены, чем Настя мне никогда не сыскать. И, ей богу, не ошибся я. И она меня, как оказалось, ждала.

В районной школе стал работать по специальности — учителем истории, а заодно русскому языку и литературе детишек учил. Потом директорствовал там немало лет.

Хорошо мы с Настей моей жили — душа в душу, пять деток нарожали — трех сыновей и двух дочек. Девять внуков на ноги поставили, правнуки наши уже в школу ходят.

Даниил Ефремович вдруг остановился и отвернул лицо в сторону. Словно ветер донёс его тихие слова:

— Схоронил я в прошлом году мою Настеньку.. Царствие ей небесное.

Потом он резко тряхнул головой и плотно прижал ладони к столу:

— Только недавно пришла в голову мою одна неожиданная мысль: разведгруппа-то моя состояла наполовину из украинцев и русских: Петя Чухрай — из Винницы, Ваня Данилов — из Смоленска, Миша Дыбенко — из Черновцов, Иван Богомолов — кубанский казак, Коля Щербак — львовянин. Я же родом из Ростова-на-Дону.

Все ждали, что старик подведет под сказанное какой-нибудь важный, по его мнению, вывод, но вместо этого он много-

значительно обвел тяжелым взглядом своих гостей, потом встал в полный рост, поднял свой стакан, который в его громадной руке казался крохотной рюмочкой, и вполголоса произнес:

— Помянем...

Все выпили и молча захрустели огурцами. Молчание нарушил Вадик Долгов. Он всё это время не сводил глаз с внучки ветерана, и Елена то и дело искрила огромными карими очами в его сторону.

— А почему вы такие мудрёные позывные использовали? Неужели ничего попроще не нашлось?

Старик еле заметно, самыми краешками узких бесцветных губ улыбнулся:

— Придется вам, ребяташки, книжку всё же подарить. А пока чуток поясню, чтобы доступней каждому из вас это было.

Тут же главное не красивые слова, а философия. — В этот момент Андрей Васильев ухмыльнулся, а старик, заметив это, съязвил: — Вот ты, сынок, зря ухмыляешься, сути не поняв, наверное, так и воюешь — с бухты-барахты.

Я ведь по древнегреческой мифологии диссертацию писал, и если бы не война... Одно тогда уяснил, что древние греки не просто сказки сочиняли, а строили жизненную философию целого народа, на незыблемых истинах воспитывали молодое поколение. Через мифы чувство патриотизма и самопожертвования на благо отечества впитывалось в кровь с первых шагов. Вот, к примеру, Еврипид в своем произведении «Ифигения в Авлиде» рассказывает, как отсутствие попутного ветра на море не дает войску ахейцев во главе с Агамемноном отплыть на кораблях из Авлиды к Трое для битвы с троянцами. И чтобы богиня Артемида одарила их попутным ветром, грекам надлежит принести в жертву дочь Агамемнона Ифигению. Узнав об этом, она смиренно соглашается умереть во имя Эллады, — Даниил Ефремович зачарованно смотрел куда-то вдаль, как будто провожал взглядом морскую эскадру ахейцев. — Вот такая вот, ребята, у них была философия. Во многом мы с древними греками в этом схожи. Думаю, это через религию нам передалось. Но об этом я по просьбе политрука солдатам на фронте не рассказывал, а мифы из моих уст они между боями слушать любили. Потому таких вопросов, как у тебя, сынок, — он тепло взглянул на лейтенанта, — тогда ни у кого не возникало.

Он бережно подушечками крупных узловатых пальцев, как ценную хрупкую вещь, взял из корзины большое красивое яблоко и завершил свое повествование многозначительным выводом:

— Прометей ведь тоже пожертвовал собой во имя жизни других.

Все поняли, что под этим именем сейчас подразумевался не только древнегреческий титан, дерзнувший спорить со всемогущим Зевсом, но и героически погибшая в лесу у деревни Выселки разведывательная группа.

А старик, не выпуская красивого яблока из рук, неожиданно обратился к Васильеву:

— Ну-ка, сынок, включи еще... Побываю я там последний разок.

И снова зазвучало в саду под ветвистой яблоней: «Аякс! Аякс! Я Прометей! Веду бой!»

9

В расположение полка ехали молча, только мощное «сердце» бэтэера под толстой нагретой полуденным солнцем броней то и дело взрывалось на крутых подъемах натужным ревом. Из-под бронезилета Вадика Долгова выглядывал краешек подаренной ветераном «Илиады».

Даниил Ефремович проводил офицеров до околицы. Уже прощаясь с каждым за руку, он пристально, с уже знакомым прищуром глянул на Булавина и неожиданно спросил:

— Откуда, связист ваш говорил, наш сигнал к вам прилетел?

— Из тропосферы, — ответил комбат.

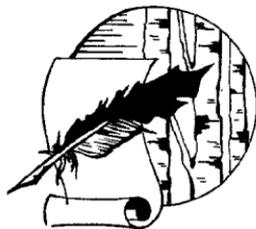
— Ага, значит от Бога. — Старик направил взор своих ясных глаз куда-то высоко, поверх крыш деревенских домов. — Буду знать теперь, где его искать, уж я-то не забуду, о чем с ним говорить.

Пока бронетранспортер, быстро набрав скорость, не растворился в большом пыльном облаке, он стоял, провожая своих нежданных гостей долгим взглядом — высокий, широкоплечий, гордый.

Они обещали приехать через неделю, но обещания своего не сдержали, так как на следующий день укомплектованный новым пополнением полк в спешном порядке убыл на передовую.

Даниил Ефремович в один из дождливых ноябрьских вечеров присоединился к своим боевым товарищам, где-то там, в заоблачной дали, у Бога появился новый собеседник. «Прометей» снова обрел своего командира, и связиста с таким позывным в радиоэфире больше никто никогда не слышал.

г. Минск

Сергей КАЗНАЧЕЕВ

ВЫСОКИЕ ГЛАГОЛЫ

НОСТАЛЬГИЯ

Помню, в детстве мыло было едким:
попадёт в глаза — не проморгнёшь.
К чаю — карамельные конфетки,
а в кустах шуршит колючий ёж.

Щёлоком башку помоешь втуне —
волосы как жёсткие пруты.
А теперь — заморские шампуни,
на столе — коврижки да торты.

Если лето жарким станет шибко,
мать велит на табуретку сесть
и начнёт дергучею машинкой
выстригать тебе сплошную плешь.

Ах, какие были помидоры!
Как качали ароматный мёд!
А сегодня только разговоры
полые — сам чёрт не разберёт.

Прежнее не возвратится снова —
то, родное, было да прошло.
Но нахлынет прошлого основа,
и в душе становится светло.

* * *

Когда ты опомнишься, нэнька,
когда разуменье придёт,
и охолонётся маленько
твой гарный, певучий народ?
Надеюсь, хохлам станет стыдно
за то, что они наплели,
но это не скоро, как видно, —
потянутся годы и дни.
Не сразу безумье проходит,
его надо долго лечить
но закономерным исходом
должна стать нормальная жизнь.
Тогда уж народ благонравный
оставит дурные мечты,
и к стенам божественной Лавры
нести будут только цветы.

ВЫСОКИЕ ГЛАГОЛЫ

«Спаси и сохрани» — два этих важных слова
у каждого из нас сияют на груди.
Они как благодать, они — души основа,
они — залог того, что вечность впереди.
Но есть ещё слова. Они не так упрямы.
А сердце, не спросясь, сжимается в горсти,
когда в вечерний час, шагая мимо храма,
всё чаще я шепчу: «Помилуй и прости!..»

* * *

Эти белые откосы,
Эта мутная вода
И бездонные вопросы:
«Ты откуда и куда?»
Вольно реющие птицы,
Разрывающие зной,
И незримые границы
Между небом и землёй.
Между будущим и прошлым,
Ликованьем и тоской,
Меж возвышенным и пошлым,
Между мною и тобой.

ВОДА

Вода меняет свой состав
вседневно, непрерывно:
она подвижна, как сустав,
и, как тоска, надрывна.

Вода торопится, бурлит,
стремительна вовеки.
Поведал мудрый Гераклит
о том, как льются реки:

«Никак два раза не войдёшь
в одну и ту же воду!..»
Беспечна только молодёжь,
старик же ищет броду.

Вот так и в Ундорах у нас
«Волжанка»¹ изменилась:
Нарушился водобаланс —
зачем, скажи на милость?

Причина явная, клянусь,
у нас для беспокойства —
исчез её железный вкус,
целительные свойства.

Незыблем жизненный статут —
мы ведаем с пелёнок:
ведь только воды отойдут —
рождается ребёнок.

Текучесть жизни — не беда,
а тема новых песен.
Изменчив дольний мир всегда
и этим интересен.

А остановится поток
событий, дел и боли
тогда придёт последний срок
твоей земной юдоли.

БАНДЕРОВЕЦ

Чёрный крест на груди итальянца...
Михаил Светлов

Чёрный крест на плече украинца
и — ухмылка свидомого ария.
Из какого сбежал ты зверинца?
Из какого же ты бестиария?

Не тебе улыбнулась Фортуна
и лежишь ты во рву, незахованный.
То — не крест, а нацистская руна —
ей ты клялся, хохол замуштрованный.

Грезил вечно бродить со штандартом
по широким панелям Крещатика
ты, махая трезубом с азартом.
Но теперь затверди окончательно:

зря твои кукловоды камлали,
озарится равнина блискавками²,
как столица в ночи — факелами!..
Не ко времени псы эти гавкали.

На Донбассе навек будешь проклят,
недорезанный правнук Шухевича,
и твои бесноватые вопли
не коснутся ушей Макаревича.

Злодеяния третьего рейха
для тебя обернулись иконами.
Помолись им теперь поскорей-ка,
заплутавшись между терриконами.

Как мечтал ты в наивной надежде
покуражиться здесь, поглумиться ли...
Но останешься тем, кем и прежде —
смердом австро-венгерской Галиции.

Здесь огня и отваги — без меры...
И под стоны братьев гнусавые
жидковатым пробором Бандеры
ты утрёшься, как пепельным саваном.

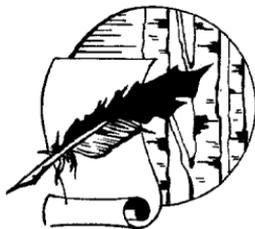
На макушке седой оселедец,
вислоусые щёки обуглены...
Для чего ты пришёл, западенец?
Разве звали сюда тебя, пугало?

Нет, не чаял ты здесь быть убитым,
но воронье каркливое капище
на холодном холме антрацита
станет трупю последним пристанищем.

г. Москва

¹ Ундоровская минеральная вода.

² Блискавка (укр.) — молния.

Андрей ГРУНТОВСКИЙ

БЫЛ У АВЕЛЯ БРАТ...

АЛЁША И АЛЁШКА

*Мальчик Алёшка из Белгородской области,
проводит российских солдат
и мечтает стать танкистом*

Гремели под Плевною пушки,
Под Шипкой — отнюдь не салют!
И вот в Мировую «братушки»
Россию распнут и сольют.
И снова над миром пороша
Фашизма. — Пойми и прости! —
И снова приходит Алёша
Европу чумную спасти.
Он каменным стал великаном.
А тысячи тысяч в полях...
Могилы их спят под бурьяном —
Их топчут болгарин и лях.
Ломают эстонцы и чехи...
Ну что же, среди многих потерь
Мы сами советские вехи
Ломали... И платим теперь!
Мы платим за все отступленья.
Порушенный нами Союз...
Ведь нету страшней преступления —
Отринутых связей и уз!
Идёт мировая делёжка... —
«Алёшу» мечтают снести...
Но вот подрастает Алёшка,
Что должен Европу спасти!

* * *

Когда-то мы счастливы были,
И живы — кого я любил...
Мечты переплавились в были,
Над былью колышет ковыль...
Всё, что рифмовалось с любовью, —
Приходится выпить до дна.
Из Леты черпнул я ладонью —
А Лета в крови — солона...
По венам бежали мгновенья
Эпохи, что душу палит...
И сколько ни пил я забвенья, —
А совесть всё боле болит...
И предки ушедшие строги:
Вставали в ночи за плечом,
Чтоб боль переплавил я в строки, —
Забвение им нипочём.

РОЖДЕСТВО

А будет так: по расписанию —
Отгул, автобус, монастырь...
Читают в трапезной Писание
Или Апостол и Псалтирь.

Под ветром, по замёрзшим лужицам
Идут в пустыне три царя...
А звёзды кружатся и кружатся
О чём-то чудном говоря...

Не заблудиться, не отчаяться,
Дойти и донести свой дар...
А звёзды в небесах качаются...
Упал под ношей Бальгазар...

Легли верблюды. Спят до времени,
Их до рассвета не поднять...
А где-то в чреве гор от бремени
Ещё не разрешилась Мать.

Метёт, метёт... и — разрешается...
Встаёт Каспар и Мельхиор...
И снова путь их продолжается,
И солнце всходит из-за гор.

ДВА БРАТА

Был у Авеля брат
И спросил его Бог:
— От чего же ты, брат,
Брата не уберёг?
— Я не знаю... искал,
Но нигде не нашёл,
Он ведь, Боже, москаль...
Там ему хорошо!
Ну а я буду петь,
На майданах скакать,
Чтобы больше успеть
Москалей пострелять... —
Был у Авеля брат...

БЕССМЕРТНИК

Хворь идёт толпой несметной,
Наступает злая рать...
Прописали мне бессмертник,
Чтоб не думал помирать.
Я приду с утра в аптеку,
Я бессмертник оплачу,
Все, что надо человеку
За копейки получу?
Не нюхну его ни разу
И не буду кипятить —
От ковиду и от сглазу...
Я его поставлю в вазу —
Чтоб о смерти не забыть.
Пусть стоит, напоминает —
Скоротечно бытиё...
Всё мне в нём напоминает
Платье летнее твоё.

ПРИКАЗ

А мы нахлебались и щец там, и каши —
Досталось по матери вашим и нашим.
И тот, кто там вышел, тот, братцы, и выжил —
К своим на рубеж при оружии вышел.

Да, мы побросали броню, пулемёты,
Все каски-разгрузки, все шмоты-обмоты...
Но мы отступили в тот день по приказу,
А вот без приказа — никто и ни разу.
Да, нас накрывали, да, нас молотили
И мы зарывали, и мы — хоронили...
Да, пушки за нами стояли-молчали
И тем, что осталось, мы фронт защищали.
Кого-то судили? Кого-то ругали? —
Мы даже сомненья ни разу не знали!
Мы вместо атаки топтались годами,
Но мы не роптали, но мы не гадали...
И нам приказали сдать город и область —
Где мирных укропы стреляли на совесть...
А где-то всю правду фанеркой прикрыли
А мы, отступая, там сердце зарыли...
Но мы отступили в тот день по приказу,
А вот без приказа — никто и ни разу.

ПАРАД ПОБЕДЫ

Висит на ниточке на тонкой
Весь мир. И с каждым годом — злей.
Не загородишься картонкой,
Прикрыв с позором мавзолей.
Незримо к вечному подножью
Несут гвардейцы знамена
И площадь сотрясают дрожью,
Как в те былые времена.
Бросают не вождям на радость,
А всем, кто отдал жизнь и плоть.
Они шагают ряд за рядом
И с ними Правда и Господь.
И с ними — маршалы победы,
Гагарин, Жуков, Королёв...
И будут длиться наши беды —
Разрушивших единый кров...
Как будто снова похоронкой
Мечту пытаемся убить
И этой вот картонкой тонкой
Былой Союз загородить.

г. Санкт-Петербург

АНИСЬЯ

В прежние времена никого не удивляло и не оскорбляло, что существуют непрославленные святые. Пронзительный пример такой вот обыденной святости я вижу в небольшом эпизоде, приведённом Достоевским в «Записках из жёлтого дома». Разбойник решил ограбить и затем убить старушку. Дело для него весьма привычное. Когда старушка поняла, что жить ей остаётся считанные мгновенья, она обратилась к своему убийце с кроткими словами сострадания: «Что же ты со своей-то душой делаешь?» Понимаете? В её словах не было ни просьбы о пощаде, ни укоризны — одно сострадание к душе своего убийцы, погибающей вечной смертью... Так она и приняла смерть, а вернее, мученическую кончину. Вот вам образец святой мученицы, не прославленной церковью. Мало кто знает, что Пётр I своим указом, идя на поводу офицеров-немцев, которые были большей частью протестантами, приказал солдатам не соблюдать посты. Множество благочестивых русских солдат не подчинились этому антинародному указу — и тысячи попла-

СИМВОЛ ВЕРЫ

тились жизнями. Разве это не мученики? И разве хоть один из них был прославлен Церковью? Конечно, Церковь испытывала на себе непомерную тяжесть царской ботфорты, но не только это обстоятельство мешало канонизации. Святость была нормой жизни. И нормой смерти. В наше время тоже встречаются такие люди, и сейчас это удивляет, если внимательно к ним приглядеться, но этого внимания нам, по крайней мере, мне, как раз и не хватает... Святость и сейчас — норма жизни.

Мы в семье стали воцерковляться в начале девяностых. Тогда-то Бог свёл нас с удивительным человеком. Тогда я ещё не могла оценить того простого факта, что Бог показал нам настоящую святость. Святость не лезет вон из кожи. Святость настолько тиха и незаметна, что чрезвычайно похожа на обыденность.

Сколько раз я приступала к этому очерку, и всякий раз откладывала его! Не пишется... Не могу вспомнить... Но чаще просто становится стыдно от того, что, вспоминая об Анисье, невольно приходится вспоминать свою тогдашнюю, а впрочем, и не только тогдашнюю самоуверенность.

Анисье было уже за девяносто. Маленькая, как бы чудакватая старушка, которая всё время сидела на кровати калачиком с согнутыми коленями в безрукавной рубашечке, без платка — характерного атрибута заядлых молитвенниц. Она то читала военные мемуары, то перешивала наволочки в такие же рубашечки, подобные той, что была на ней надета. Она говорила легко и свободно метким сочным русским языком. Я, совершенный знаток русской словесности по пятибалльной шкале, чувствовала, что эта русская старушка с несколькими классами церковно-приходской школы явно превосходит меня не только в умении говорить на родном языке, но и в самом отношении к этому языку. В ней чувствовалось благородство, во мне — хамство, которым, впрочем, я тогда и не тяготилась, потому что не замечала.

Вы знаете, что такое юродство? Это когда юродивый говорит прикровенно-чудно, но в этом угадывается глубокий смысл. Всё бы так. Но в жизни несколько иначе. Анисья говорит, а все думают, что она то ли шутит, то ли слишком уж стара старушка, в уме мешается; во всяком случае прикровенного смысла больно-то не доискиваются. Ведь за девяносто лет человеку! Ей давно пора в словах путаться. Вот она рассказывает, что её вроде бы грабить кто-то пришёл, а она того лихоимца попугала «кольтиком ниже пупика». Смешно! Но когда разбирали старый Анисьин дом, то действительно нашли немецкий пистолет, смазанный и аккуратно завернутый в тряпочку...

Как-то в августе-сентябре мы были у Анисьи. У печки стояла небольшая картонная коробочка для мусора. Я бросила туда какие-то свои бумажки. Прошло полгода. Мы опять у Анисьи. Опять у меня нашёлся какой-то мусор — бросаю в ту же картонную коробочку и тут замечаю, что мои прежние бумажки лежат целёхоньки. «А мы печку ещё не топили», — спокойно заметил Николай Ершов, который ухаживал за Анисьей. А на дворе-то февраль... Оно, конечно, в доме не жарко, градусов 16-18, но печка-то не топлена с начала зимы!.. А Анисья сидит себе на кровати в безрукавной рубашечке... Ела она очень-очень мало, я только несколько раз за всё время и видела, чтобы она похлебала немного супчика. А так: положат перед ней тарелку с супом, какие-нибудь блинчики, ватрушки — всё это будет лежать нетронутым, пока не заменят новой порцией, но и от этого Анисья даже не отщипнёт кусочка... Помнится в детстве, если я откажусь от еды, мама скажет: «Ты что, Святым Духом сыта?!» Но это звучало как присказка, а тут и в самом деле: человек был сыт Святым Духом.

Анисья научилась читать по Евангелию в пять лет. Отца её звали Елизаром. Долгими зимними вечерами деревенские мужики собирались в доме какого-нибудь зажиточного благочестивого крестьянина. Ещё не всякому мужику было дозволено туда являться! Мужик должен быть степенным, благочестивым, быть главой благочестивого же семейства. Елизар был хотя и молод, но очень уважаем за своё благочестие и трудолюбие и был даже как бы душой этого честного собрания. «Ну, Анисёнок, пойдём!» В избе девочку усаживали за стол под образами и клали перед ней старинную книгу в кожаном переплёте с серебряными застёжками. «Читай!» Девочка начинала читать, а степенные отцы семейств внимательно слушали и только поглаживали свои седые бороды. Прочитав пару абзацев, Анисёнок умолкала. И тогда сидящие вокруг серьёзные люди начинали рассуждать, а что же Господь сказал? Не каким-нибудь там фарисеям или иудеям, а вот им, выдавшим виды русским людям и слушающим теперь маленькую девочку, склонившуюся над большой книгой.

Бывало, отец поедет на базар, а Анисёнку скажет: «Я тебе калачик привезу, а ты, умница моя, выучи тропарик». Вернётся отец, бывало, замёрзший, усталый, а Анисёнок прыг ему на шею: «Тятенька, а я два тропарика выучила!»

В 1914 году отца призвали в армию. И там произошёл случай, который только и мог произойти с таким солдатом, как Елизар. После тяжёлого сраженья на поле осталось лежать много русских солдат, среди них был и Елизар. И вдруг ви-

дит он, как по полю идут две по-царски одетые красивые женщины. Они то над одним солдатом склонятся, то над другим... Вот они уже совсем близко подошли к Елизару... Рядом с Елизаром лежал тяжело раненый молодой солдатик. Женщины подошли к нему. Одна держала Евангелие и крест — другую Чашу-Потир. Первая дала солдатiku поцеловать Евангелие, вторая — золотой ложечкой зачерпнула из Чаши и подала умирающему. И только что страдающее лицо его вдруг преобразилось и буквально засияло несказанным блаженством; потом всё тело его вздрогнуло, потянулось; лицо его ещё сияло неземным, но тело его было уже бездыханно... Женщины повернулись и пошли прочь. Елизару стало досадно: ему тоже захотелось испытать такое же блаженство. Елизар в отчаянии закричал: «А как же я, а меня забыли!» Та, которая с крестом, обернулась и с улыбкой произнесла: «А тебе ещё рано!» Это были святые великомученицы Варвара и Екатерина...

Настала революция. Коллективизация. Анисья — дочь не то кулака, не то подкулачника. Учиться ей, как вражескому элементу, заказано. Но она всё-таки всеми правдами и неправдами сумела выучиться на медсестру. В начале тридцатых Анисья угодила в тюрьму за высказывания против коллективизации. Я помню, она говорила это слово, всего одно слово, но такое, что от смеха меня пополам согнуло. Сколько я не пыталась потом вспомнить, что же такое коллективизация по Анисьиным понятиям, — всё без толку.

Чувствуя, что с автором такого высказывания очень трудно будет соревноваться в словопрениях, чекисты без всяких ордеров на арест, без предъявления обвинений, следствия и прочих судебных проволочек сразу препроводили девушку в одиночную камеру. Там Анисью продержали ровно месяц и только после этого первый раз повели на допрос. Первый вопрос угрюмого следователя: «Ну как тебе у нас?» «Спасибо за хлеб-соль, век за вас Бога молить буду! Мне за кусок хлеба на воле как спину-то гнуть надо! А тут тебе и хлебушко и водичка!» «Спасибо!?» — говоришь? Да у меня взрослые мужики через неделю в одиночке с ума сходят! Да я тебя на Соловки отправлю!» — «Вот и слава Богу! У меня дедушка на Соловки пешком ходил, а меня на казённый счёт повезут! Да я тебе, начальник, в ножки за это поклонюсь!» — «Вон! Назад в камеру!»

Анисья опять в камере. Ночь. Свет в камерах горит до утра. За дверью какая-то возня и голоса. Анисья поднялась с топчана. На цыпочках подошла к двери. Прислушалась. Там, за дверью, несколько человек переговаривались шёпотом:

«Сейчас свет ей погасим и войдём. Девка ничё себе. До утра всем хватит натешиться». Анисья шмыгнула на топчан, натянула одеяло до самых глаз. Сердце стучало. «Господи! Матерь Божья! Да как же так?! Да лучше уж сразу умереть! Да как мне жить-то после того?!» Анисья готова была умереть за Христа, она была готова к тому, что её расстреляют или заколют штыками, или уморят голодом, но мучители уготовили ей самое страшное, что только возможно для юной целомудренной девушки...

И тут свет гаснет... У Анисьи всё внутри похолодело... Вдруг живая тёплая человеческая рука легла на её лоб... Анисья вздрогнула всем телом... «Кто это?» — «А веришь ли ты в Сына Моего?» — раздался негромкий и в то же время звучный женский голос. Анисья пребывала в таком глубоком отчаянии, что не поняла, вернее, может быть, не смела понять, чей это голос. «А кто Твой Сын?» — «А Моего Сына недобрые люди распяли. Мой Сын на Кресте за грехи человеческие умер. Никого не бойся, ничего с тобой не будет». Свет зажёгся так же внезапно, как и погас. Кроме Анисьи никого в камере не было... Душевно измождённая девушка моментально крепко заснула. Анисья не знала, как долго она проспала, но когда наконец проснулась, был уже день: яркое солнце светило сквозь закрытое решёткой окно. Заскрежетали запоры. Дверь отворилась. Вошёл начальник караула с испуганным лицом и как бы даже поседевший... «Ты уж нас прости! Мы только пошутить хотели! Да так уж как-то неловко всё получилось...» Но что такое там получилось за тяжёлой железной дверью, каким таким образом охранники получили вразумление, Анисья так и не узнала... Вскоре она оказалась на свободе.

Грянула Великая Отечественная война. Будучи медсестрой по образованию, Анисья считалась военнообязанной, но она была больна туберкулёзом и потому должна была быть комиссована. Её вызвали на сборный пункт. За длинным столом сидели члены призывной комиссии. Призывники-мужчины голые проходили один за другим. А женщин за ширмой осматривала женщина-военврач. Анисья разделась. Один только гайтанчик с крестиком оставался на теле. И тут военврач будто взбесилась, а может, не «будто», а в самом деле осатанела. Она истошно закричала: «Смотрите, она — верующая! Она — симулянтка, она Родину не хочет защищать!» Крича и ругаясь, обезумившая врачаха схватила Анисью за руку и выволокла девушку на глаза всей команды сидящих за столом мужиков. Никто не стал перечить орущей беснующейся бабе, и Анисью, как пойманного с поличным дезерти-

ра, отправляют медсестрой на передовую — и не просто на передовую. Она попадает в штрафную армию Рокоссовского. Что такое штрафные батальоны, об этом много написано. Но как в штрафном батальоне могла воевать девушка?.. Анисья никогда не рассказывала, как она воевала. Но она показывала, чертя пальчиком по ладошке, какими маленькими золотыми часиками и дамским «кольтиком» наградил её сам Рокоссовский. Она была ранена в голову. Помыкавшись по госпиталям, где у неё украли часики да и «кольтик» в придачу, она, наконец, очутилась в Вятке и сразу же направилась в церковь. Шла вечерняя служба. Служил владыка Вениамин. Он служил один, даже без дьякона. Народу в церкви было мало. Худенькая фигурка девушки в шинели с перебинтованной головой не могла остаться незамеченной. Проходя мимо неё с кадилом, владыка на ходу сунул ей в карман полную горсть смятых денежных бумажек. После службы он пригласил её к себе на чай. После расспросов владыка предложил ей поселиться в доме, в котором когда-то, ещё до революции, жили вольнонаёмные просфорницы Трифонова монастыря, и ухаживать за старицей Александрой. Увы! Я не расспрашивала Анисью об этой старице, боясь выглядеть слишком любопытной. Знаю только, что старица была удивительной молитвенницей, и своим даром молитвы она поделилась с Анисьей... И ведь не просто сам владыка принимал участие в судьбе этой старицы!

Ранение головы отразилось на зрении. Где-то в начале шестидесятых Анисья стала слепнуть. Она поехала в Почаев. И там у старца, возможно, это был отец Кукша, спросила, как ей быть. Старец благословил её ежедневно читать по две главы Евангелия. «Батюшка, так я уже не вижу!» «Читай! Благословляю!» Стала читать. Если в какой-то день не удаётся, то в следующий день прочитывает уже четыре главы... И, о чудо! — зрение вернулось. Бывало, я заставляла её за чтением Евангелия. Читала она всегда стоя, облокотясь на стол, а на голову накидывала платочек, не завязывая его под подбородком. Читала она в старинных-престаринных очках в круглой оправе. Диоптрий в этих очках было столь мало, что я даже и не знаю, для близоруких или дальнозорких они предназначались, а ведь их хозяйке, когда та была вдвое моложе, грозила слепота...

Как-то незадолго перед смертью, Анисья пустилась читать мне лекцию о свойствах разных сортов пороха и как бы невзначай сказала, что у неё пороховой ожёг от пулевого ранения, и в этом месте у неё время от времени образуется свищ, который самопроизвольно затягивается, чтобы спустя какое-

то время снова возобновиться... Обычно люди, особенно старые, любят говорить о своих недугах, при этом они показывают пальцем, где у них болит, как они лечатся. А Анисью только ручкой махнула. Такое ранение с пороховым ожогом можно получить только при расстреле в упор... Кто и когда расстреливал Анисью?.. Я никогда не видела, чтобы она лечила эту рану и даже точно знаю, что она никогда её не лечила, она как бы не придавала ей большого значения. А я, глядя на её спокойное лицо, не могла даже себе представить, что она с молодости терпит очень сильные боли.

Накануне празднования дня Трифона Вятского, в 1999 году мне вдруг приснилась Анисья. Как-то тихо и робко она произнесла: «Мне бы помыться...» Я не отношусь к сновидцам и тем более толкователям снов. Я даже не отношусь к тем, кому вообще снятся сны. Хотя изредка что-либо и приснится, но всё такая чушь, что стоит проснуться да умыться, как и вспомнить нечего — всё развеется. Но вот Анисья... И по сию пору я помню её просьбу, её смущённый и как бы виноватый голосок: «Мне бы помыться...» Прости меня, Анисья! Я тогда не то чтобы не придавала значение сновидению, я просто поленилась подумать, что Анисье нужна моя помощь.

Последние лет десять за Анисьей ухаживал Николай Ершов. Он уже давно был готов к тому, что Анисья умрёт. Гроб уже был приготовлен. Анисья скончалась в 1999 году на 95-м году жизни. Это был день Трифона Вятского. Мой батюшка пришёл с ранней Литургии, зашёл в комнатку к Анисье. «Ну что, Анисья? Страшно умирать-то?» «Да как, батюшка, не страшно? Грешная ведь». Тут батюшка увидел, как из уголков губ потекла сукровица... Батюшка поспешно вышел. Сказал Николаю, что с Анисьей что-то неладно. «Сердце разорвалось», — сказал Николай. Вместе они зашли к Анисье. Анисья всё так же сидела на кровати калачиком, поджав колени к подбородку, но душа её была уже далеко...

Приготовили стол для обмывания тела. Николай легко, как мячик, перенёс на стол ещё тёплые свёрнутые калачиком мощи Анисьи... Тело, ещё не успевшее остыть, должно было легко расправиться, но нет — Анисья не поддавалась. Николай употребил силу. Батюшка, стоя за дверью, слышал хруст сухих старческих костей... Тело Анисьи обмыли, уложили в гроб. На третий день её отпевали в Серафимовской церкви.

Когда батюшка вернулся с известием о кончине Анисьи, как же многое мне стало вдруг ясно! Вот что значило: «Мне бы помыться...» — Анисья хотела, чтоб её обмывала женщина. Уже мёртвая, она сопротивлялась мужским рукам — не должен был мужчина касаться её тела. Потому что Анисья

была девственница! Как же я не могла этого понять! Ведь это видно было хотя бы потому, что Анисья надевала платок только в церковь и когда читала Евангелие. Знаменитая Паша Саровская тоже не покрывала голову платком, а ведь она была не только юродивой, но и схимонахиней! Когда её спрашивали про платок, она отвечала, что девственницы могут платок не надевать.

Иоанн Златоуст много писал о девстве. У язычников девственниц быть не может, потому что бес не даст сохранить целомудрие. У нас, у сегодняшних, даже у церковных людей, трудно укладывается в голове (я уж не говорю: в сердце!), что такое целомудрие, какая это великая сила! Нам не понять, почему Серафим Саровский берёт, как зеницу ока, целомудрие мельничной общины, составленной исключительно из девственниц, даже до того, что запретил этим девушкам общаться с монашками, имевшими опыт супружеской жизни. Старец Сампсон Сиверс так пишет о девственниках: *«Девственник имеет особое преимущество перед Богом. Он услышан. Он бывает молитвенник за мир, не будучи в сани. А если он владеет ещё особою благодатию священства или архиерейства, или монах-девственник — это особая сила перед Богом. Если он к этому добавит смирение сердца и кротость, и долготерпение от веры, то он часто бывает даже чудотворцем при жизни. Чудотворцем. Чудотворцы бывают разные. Прикосновением руки он лечит больных. Он имеет дар прозорливости, дар видения. Именно девственники. Они имеют особый слух, особый ум. Потому что девственность сохранить особенно трудно, противоестественно. Вот почему мы оплакиваем очень человека, который был девственник и девство своё потерял по своей глупости».*

Наше время слишком развращено: дети уже не целомудренны. Их развращают пошлые картинки хотя бы даже и зайчиков, но нарисованные развратными художниками, наши учителя большей частью абортницы, т.е. мы доверяем воспитание своих детей женщинам, которые поубивали своих собственных детей. Я говорю это не для того, чтобы обвинить, но чтобы показать великую нашу общую беду. Поэтому так важно педагогам посещение церкви. Кто-то из великих со знанием дела сказал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». И всё же, и всё же, и всё же... Анисья сумела сохранить своё девство и в тюрьме, и среди беспредела штрафбата.

В отличие от Анисьи я постоянно ношу платок, но как же я смею его не носить? Это значило бы приравнять себя в целомудрии к Анисье...

«НЕ БОЙСЯ, МАЛОЕ СТАДО!»

Эти слова Спасителя находим только у апостола и евангелиста Луки: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12: 32). Задумаемся над каждым словом, укрепимся и ободримся.

Само слово «стадо» пришло к нам из древнейших библейских времен и никоим образом не должно нас коробить. Для народов, которые, как тогда, так и сейчас, ведут пастушеский образ жизни, стадо — главное богатство и ценность, предмет любви и самой тщательной заботы.

Ныне отчетливо видим, как в ожидании неминуемых грядущих бедствий, войн и катаклизмов, «большое», всемирное, неправославное «стадо» преисполнено многообразных ужасов, существующих отнюдь не только в чем-то воспаленном воображении. Мы же, имея Защитником и Предводителем Христа, Пастыря доброго, положившего душу за овец (см. Ин. 10: 11), а, значит, и за каждого из нас, преодолеем свое (в чем-то понятное и объяснимое) малодушие, пусть даже против нас ополчится весь мир, устами разных лукавых людей обвиняя в «узкоконфессиональном изоляционизме». Не убоимся и не устыдимся быть самой малой горстью, частицей «малого стада» Христа.

Однако сколько всё же в наше время людей, действительно спасающихся, принадлежащих к «малому стаду»?

Если собрать всех вместе православных христиан, то наберется не более 4—5% населения Земли. Что же касается, например, нашей «синеокой» республики, где не менее 80% склонно причислять себя к православным, то и здесь число реально воцерковлённых людей не превысит тех же 4—5%.

Должна ли приводить в смущение эта кажущаяся «малость»? И, одновременно, не предполагает ли она же самого бережного отношения друг к другу?

По сугубо человеческому рассуждению и мудрованию очень хотелось бы, чтобы нас было больше, а наши благосо-

стояние, влияние и положение в обществе неуклонно росли. Но ведь нас никогда и в самой изначальной истории не было слишком много...

Века и тысячелетия Православной Церкви, как и летописи земного нашего Отечества — Руси, свидетельствуют о том, что «малое стадо» христиан никогда не оставалось без спасительной благодатной защиты, какие бы смуты, смятения и потрясения ни выпадали на их долю.

Еще во времена Ярослава Мудрого Митрополит Киевский Иларион, первый русский по происхождению предстоятель Церкви, в завершение своего знаменитого «Слова о законе и благодати» поместил молитву Богу «от всяя земли нашей».

«Не оставь нас, хотя и доселе заблуждаемся, не отвергай нас, хоть еще и согрешаем пред Тобой... Не возгнушайся, хоть и малое (мы) стадо, но скажи нам: «Не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство» (Лк. 12: 32)... Научи нас творить волю Твою. Ибо Ты — Бог наш, а мы люди Твои... Не воздеваем рук наших к богу чужому, не следуем ни за каким лжепророком, но к Тебе, истинному Богу, взываем, к Тебе, живущему на небесах, возводим наши очи, к Тебе воздеваем руки, молимся Тебе... Поэтому простри милость Твою на людей Твоих... властителями нашими пригрози соседям, бояр умудри, города умножь, Церковь Твою укрепи, достояние Свое убереги, мужчин, женщин и младенцев спаси».

Молитва эта не осталась не услышанной.

Мы так же не забыли и те скорбные годы, когда «малое стадо» подсоветских христиан было весьма встревожено «внезапным усилением антирелигиозной пропаганды». И понадобилась смелая и вдохновенная проповедь святителя Луки (Войно-Ясенецкого) на праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1954 года. Прозвучали такие слова: «Малое стадо Христово, подлинное стадо Христово неуязвимо ни для какой пропаганды. Вера малого стада, его любовь ко Господу Иисусу Христу так тверды, что даже врата ада не сокрушат эту веру».

Просто поразительная для тех дней (да и сейчас!) подробность: при выходе архипастыря три баса на амвоне поют — «Не бойся, малое стадо, не бойся!» А ровно через десять лет, день в день, 14 октября 1964 года, неистового гонителя Церкви Никиту Хрущева постиг бесславный конец, он был снят со всех постов.

Спустя еще почти три десятка лет, непосредственно накануне развала СССР, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) обратился к пастве с такими назидательными словами: «Не

бойся, малое стадо, только веруй, Господь с тобой во вся дни. «Не бойся, малое стадо». Я оставлю тебе Церковь Божию — Столп и утверждение Истины. Живи в ней, живи ею, она — то единственное, то непоколебимое, что не изменит, не обманет, ибо Сам Господь в ней, и истина свято сохраняется Им в соборности решений Церкви».

И, наконец, пример из недавних событий: по милости Божией «малое стадо» сумело успешно перебороть вселенский страх перед пресловутым коронованным вирусом, не уходя при этом в пустыню, «за Иордан», как некоторые настоятельно рекомендовали.

Так чего же нам, пусть и в малом числе пребывающим, бояться, если с нами благоволение Божие, и эта благая воля Отца состоит в том, чтобы удостоить нас Царства.

Не страшись неизвестности и собственной уязвимости, не сомневайся в Божием Промысле, не убойся быть именно **малым** стадом. Всевозможные испытания и лишения на пути к великой и желанной цели будут вознаграждены сторицей.

Наш Отец — Царь, и Отечество наше — Царство!

г. Минск

Андрей БУХОВЕЦКИЙ

НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ К ХРИСТИАНСТВУ НЕ ИМЕЕТ

Ежегодно в ночь с 18 по 19 января Церковь отмечает двенадесятый праздник — Крещение или Богоявление. Вот что гласит Евангелие о Крещении Господнем, этом важнейшем событии из земной жизни Господа Иисуса Христа:

«Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда [Иоанн] допускает Его.

И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел [Иоанн] Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Матф. 3: 13-17).

«И было в те дни, пришёл Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане. И когда выходил из воды, тотчас увидел [Иоанн] разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Марк. 1: 9-11).

«Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился: отверзлось небо, и Дух Святый нисшёл на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!» (Лука. 3: 21-22).

«На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира. Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня. Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (Иоанн. 1: 29-34).

Однако на Руси этот, как и многие другие православные праздники, приобрели дополнительный смысл и особые традиции. Уже в XVII веке вода освящалась дважды: в храме, накануне праздника, и в ночь над прорубью, у природного водоема. После этого второго, ночного освящения воды в проруби было принято окунаться в ледяную воду.

На Крещение влезть в освященную прорубь и тем самым смыть с себя грехи — эта традиция становится всё более популярна в современной России и Беларуси.

Совершая это экстремальное действие, мы испытываем какую-то сакральную связь с нашими предками-богатырями. Вот раньше русские мужики в ледяной воде купались, грехи смывали и нам завещали! Так? На самом деле не совсем.

Славянские традиции купания в проруби восходят к временам древних народов Руси ещё до христианства, обычай окунания в холодную воду которых имел ритуальный характер. Поэтому в традиции зимних купаний в проруби лежит, прежде всего, древний языческий обычай ритуального очищения водой.

Кстати сказать, в XIX веке Церковь эти самые купания не поддерживала и даже наоборот осуждала. Какое же может

быть отпущение грехов, если в прорубь мужики лезут в воду, не зная ни традиций, ни Христа (многие при этом мрут), но простой народ всё равно верил, что купание в освященной воде очень полезно и богоугодно.

Некоторые православные священники категорично заявляют, что крещенские купания — это не церковная традиция, а народный обычай, к тому же небезопасный. Если в Иордан в праздник Крещения еще можно окунуться без вреда для здоровья, то в средней полосе России с традиционными крещенскими морозами и температурой воды в реках не выше +4 такой заплыв может обернуться трагедией. Многие священники довольно скептически относятся к нырянию в ледяной проруби. И уж тем более критикуют, когда «для храбрости» перед нырянием употребляют горячительные напитки.

В наше время врачи однозначно заверяют, что дети не приспособлены к тому, чтобы купаться в морозы. Длительное пребывание в воде ребёнка грозит переохлаждением с дальнейшим развитием бронхита, менингита и иных заболеваний, приводящих к остановке сердца.

Погружаться в водоем в праздник Крещения любят христиане в разных странах мира. В Израиле в эти дни приезжают тысячи верующих, чтобы зайти в реку Иордан, подражая Иисусу Христу.

Но сейчас не надо забывать Евангельское повествование, оно нам гласит, что Иисуса Христа крестил великий пророк Иоанн в Иордане именно летом, поэтому человек, окунаемый в прорубь, должен знать, что сейчас зима, притом священнослужители Православной Церкви, которые освящают природные водоёмы, прорубают лёд в виде креста, устраивают народное купание в большие морозы, тоже должны нести ответственность за такое купание. У нас в России и в Беларуси не ведётся статистика или же умалчивают, сколько людей во время купания в ледяной воде теряют сознание, получают обморожение, сколько людей получают инсульты, остановку сердца, притом люди должны знать и свои хронические заболевания. К противопоказаниям купания в холодной воде относятся: сердечнососудистые заболевания, в том числе гипертония; нарушения нервной системы; беременность; инфекционные заболевания; гинекологические воспаления; обострение хронических болезней; сахарный диабет; ожирение; болезни мочеполовой системы.

Традиция купаться в этот день в проруби пришла к нам из глубины веков нашей древней Руси и не имеет никакого отношения к христианству.

«УЛИЦА КОРЧИТСЯ БЕЗЪЯЗЫКАЯ»

(Куда ведет отчуждение детей от русской литературы?)

Осенью 2023 года российские образовательные ведомства решили радикально пересмотреть требования для единого государственного экзамена по литературе. В демонстрационной версии экзамена они убрали из списка произведений, обязательных для подготовки к экзамену, классиков XVIII — первой половины XIX вв. (Фонвизина, Державина, Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя).

Эта новость вызвала широкий общественный резонанс. Родительские организации, эксперты в области образования резко отрицательно отнеслись к подобной инициативе.

В Минпросвещения попытались весьма лукаво оправдываться и заявили, что сокращение списка литературы сделано, так как классиков изучают в 5—9 классе и сдают ОГЭ, а потому в ЕГЭ они не нужны.

Но ОГЭ по литературе не является обязательным, его сдают только 3% школьников. Все остальные изучают русскую литературу этого периода поверхностно. А после изъятия русских классиков и из ЕГЭ плохо знать русскую литературу будут все школьники. Ведь не секрет, что подготовка к ЕГЭ

превратилась в натаскивание детей по темам, включенным в экзамен.

Любопытны слова из «Спецификации контрольных измерительных материалов» о том, что ряд заданий ЕГЭ может формулироваться с опорой на литературные произведения М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя.

Может формулироваться, а может и нет. Это как чиновники решат. А решают они совершенно определенным образом.

Наступление на литературу началось уже давно. Нынешние наши образовательные ведомства лишь продолжают дело своих предшественников — разрушителей российского образования. Однако раньше процесс этот проходил мягко и осторожно. Из программы изымались отдельные произведения великих русских писателей, некоторые переводились в разряд необязательных для изучения и заменялись произведениями современных авторов.

Изъятие же русских классиков из главного государственного экзамена — это знаковое событие. О том, что оно собой знаменует, мы решили спросить детского психолога, писательницу, члена Союза писателей России Ирину Медведеву.

Корр.: *Ирина Яковлевна, как вы относитесь к тому, что школьникам, сдающим ЕГЭ, уже не обязательно знать Пушкина, Лермонтова, Гоголя?*

Ирина Медведева: Мне кажется, что исключение лучших писателей, которыми мы можем гордиться перед всем миром и которых знает весь мир, из главного экзамена — это злодейство. Злодейство по отношению к детям, будущим взрослым. И плоды этого злодейства видны уже сейчас.

Дети стали существенно меньше читать, в том числе и в школе, изучать вот эту лучшую плеяду представителей нашей классической литературы. Как будто опять всё вернулось к хрестоматийным строчкам Маяковского:

*Улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать.*

У меня не так давно было наблюдение случайное по этому поводу. Мой приятель, очень талантливый режиссер, поставил в Московской области, неподалеку от Москвы, в Красногорске, в Молодежной студии, замечательный спектакль. Спектакль о войне, о девчонках, которые были разведчицами и погибли. Поставил с самыми простыми средствами, потому что это какой-то клуб, где молодежная студия существует, а получился замечательный спектакль. Сейчас редко

видишь такие спектакли по хорошей советской драматургии, с хорошей постановкой, сделанные человеком, неравнодушным к теме, который не просто поставил то, что нужно, а живет этой темой.

И вот я взяла с собой двух молодых людей: 30-летнего парня — он уже зрелый человек, молодой, но зрелый — и 18-летнюю барышню, за которой он ухаживал в это время. Я пригласила знакомых ребят, потому что играет молодежь и вообще-то смотреть такие спектакли должна молодежь.

И поскольку режиссер знал, что я приду не одна, он после спектакля вышел к нам спросить о впечатлении. Меня впечатления переполняли, я не могла успокоиться, если я чего-то не могла сказать, то просто от волнения, от слез, но он ждал каких-то слов от этих молодых людей. Он уставился сначала на 30-летнего парня, и тот увидел, что от него ждут отзыва. А парень умный, я его знаю довольно хорошо, у него голова на месте и занимается он каким-то бизнесом, как сейчас принято. Он даже руководит этим бизнесом.

И вот, когда он поймал на себе прямой взгляд режиссера, а может быть, впервые в жизни к нему подошел настоящий режиссер спектакля, который он только что смотрел, — он очень напрягся и сказал: «Круто». Потом понял, что надо что-то добавить к этому. Видно было, как он вымучивает хоть какое-то еще слово. Но он не смог, он корчился, безъязыкий. А потом он сказал: «Цепляет». Третьего слова он уже не подобрал. Тогда режиссер посмотрел на девушку, она сказала тоненьким голоском: «Согласна».

Вот и всё. Я думаю, что очень во многом это результат отсутствия литературы как привычной культуры человека, результат отсутствия чтения классической литературы. Я вообще сейчас подумала, что настоящие большие писатели, большие творцы (можно сказать, со-творцы Творцу Небесному), они чем-то похожи на первых людей — на Адама и Еву. Потому что Адаму и Еве до грехопадения Господь дал задание. Он не только разрешил им пробовать все плоды райского сада, кроме плодов с древа познания добра и зла. Он дал им задание называть предметы, растения, зверей, птиц. И вот настоящие литераторы, настоящие большие писатели, они действительно чем-то напоминают Адама и Еву. Но предметы, вещи, окружающие нас явления, названы уже. Они называют то, что трудно выразимо для обычного человека. Какие-то нюансы, детали. То, что обычный человек, даже если и замечает, не знает, как выразить.

То есть они продолжают дело первых людей — Адама и Евы. Это со-творцы. Ведь у многих людей, которые любят

чтение, оно, наверное, как у меня, уже изменило состав крови. Я с пяти лет читаю сама. До этого мне читали близкие — родители, бабушка, дедушка. И мне кажется, что у меня был бы совсем другой состав крови, если бы я не знала каких-то стихов, какой-то прозы.

И вот я подумала, что некоторые жизненные явления мы видим не первобытно. Сначала мы их видим, как их назвали великие писатели и поэты. Вот я, например, когда вижу большие сосновые деревья, сначала думаю или чувствую стихами Тютчева:

*Шумят верхи древесные
Высоко надо мной.*

Это он дал мне глаза увидеть так кроны деревьев. Когда я вижу небо в средней полосе, я вспоминаю стихи Тургенева, которые стали популярным романсом. Я вижу не небо невысокое, как любой обычный человек видит небо, а я вижу глазами Тургенева — гения, который сказал, что небо широкое:

*Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.*

И вот для меня, потому что я с детства знаю эти стихи, небо широкое. И это гораздо более точно названо.

Если мне говорят о том, что у кого-то из моих знакомых или у детей моих знакомых родился ребенок, и его уже показали отцу, у меня сразу перед глазами не этот ребенок, которого я, естественно, еще не увидела и даже не его мама, которую, может быть, я знаю. Я вижу потрясающий кусочек из «Анны Карениной», когда Левина или, как говорил автор «Карениной», Лёвина, наконец акушерка пригласила туда, где Китти только что родила. Она подняла ребенка, и он был над матерью, над Китти, как огонек над светильником. Ну разве обычный человек может так увидеть? А вот Толстой дал мне и многим людям счастье вот так увидеть рождение ребенка. И первое впечатление, которое получает отец, когда ему показывают ребенка — как огонек над светильником.

И вся жизнь читающего человека помечена вот этими названиями. Поэтому очень часто то, что мы считаем собственными впечатлениями, мы даже не замечаем, что это впечатления великих авторов, которые стали нашими. Они подавали нам какие-то невероятные впечатления, какие-то вол-

шебные очки, можно сказать. Поэтому, конечно, мир человека, который знает великую русскую классику, несравненно богаче, ярче, глубже, прекраснее. Он видит Божий мир не просто через увеличительное стекло, а он видит через разные прекрасные, гениальные цветные линзы наших классиков.

И, знаете, очень важно, что развивается сердце. Я много работаю с детьми. Сейчас у совершенно нормальных детей очень часто несердечный ум, то есть ум неполноценный. Мы, психологи, особенно психологи, которые знают клинику, — а я клинику знаю не только по учебникам, я работала в детской психиатрической больнице в начале своей карьеры, — мы хорошо знаем, что вот этот рациональный ум при отсутствии говорящего сердца — это ум шизофреника. Сердце мертвое и очень расчетливый, шахматный, можно сказать, ум, бывает у шизофреников.

У них иногда так развивается экстраполяция, что они рассчитывают на 20 шагов вперед, но они всё равно неполноценны с точки зрения интеллекта. Не только с точки зрения души в чистом виде. Потому что ум несердечный — неполноценный.

Так вот, наша классика уж так растит сердце человека, как, наверное, никакая другая, потому что это такая тонкая психологизация и, главное, такая потрясающая нравственная оценка того, о чем они пишут!

Они же не нейтральны, наши классики, они очень пристрастны в самом лучшем смысле этого слова. Они не просто развивают сердце как орган чувства, а они учат чувствовать правильно. Поэтому, наверное, у людей еще классической русской культуры, то есть с чтением книг, так развито чувство справедливости. Можно сказать, что это сверхценность русской культуры.

И это, конечно, отражается в настоящих, в лучших образцах русской литературы. Вот эта милость к падшим, откровенная ненависть к холодной жестокости. Это же воспитывает нравственность. А что такое воспитание нравственности? Это ценно и само по себе. Ну это и гарантия психической гармонии. Человек с развитой нравственностью, даже если у него изначально есть какие-то отклонения в психике, он же таким образом гармонизируется, потому что литература ему подсказывает то, чего, может быть, он, если в нем есть какие-то психические сдвиги, сам не чувствует. Что хорошо, что плохо, где добро, где зло, где правда, где ложь, где справедливость, где несправедливость.

А налаживая нравственность, мы обязательно приносим пользу психике. Психика и нравственность связаны самой прямой связью.

И еще, сегодня детей в интернете подстерегают ужасные опасности. Они могут проглотить столько помоев, не понимая, что это помои, что страшно даже об этом думать. Сегодняшний интернет приносит детям большой вред. Но если у ребенка поставлено нравственное чувство, как с детства поставлена рука у пианиста, если помогает русская классическая литература, он будет отвращаться от порока и в жизни, и в том же интернете. Потому что порок антиэстетичен, порок уродлив.

Настоящее эстетическое чувство очень редко бывает от рождения, от природы, но литература-то очень помогает его развить. Если у ребенка развито будет чувство прекрасного, это принесет пользу и нравственности, и психике. Потому что психика, зараженная грязью, не может долго оставаться здоровой. Мне кажется, то, что собираются произвести — это изменение, вредоносность которого трудно переоценить.

Вообще, мне хочется сказать в связи с этим несколько слов об указе президента, которому скоро будет год. Указ № 809 касается приоритета нравственных и традиционных ценностей в нашей жизни. Мне кажется, что большинство людей даже не знают об этом указе. А те, кто знают, быть может, не понимают огромного значения этого указа. Революционно, в самом лучшем смысле этого слова.

Это не возвращение к старому, потому что традиционные ценности вне времени. Это просто возвращение нас на путь вневременных ценностей. Только благодаря им происходит дальнейшая человеческая жизнь. А как только мы верим в то, что эти ценности устарели (нам это внушали почти 40 лет, и продолжают внушать, кстати, несмотря на указ президента), человеческий род пресекается. Сначала извращается, а потом и пресекается, потому что в извращенном виде он не может долго существовать. Вот и всё.

Наша литература вся построена на нравственных ценностях. Даже когда писатель говорит об уродствах, он говорит с точки зрения наших традиционных нравственных ценностей. Конечно, они в своей основе христианские. Это основа всей нашей культуры уже более тысячи лет — христианские ценности, христианская этика.

Корр.: *Наши чиновники сейчас очень любят говорить про воспитание патриотизма. А разве русская литература не патриотична? Зачем придумывать что-то искусственное, создавать разнообразные симулякры и при этом лишать детей доступа к настоящему живому источнику любви к Родине?*

Ирина Медведева: Что касается патриотизма, надо отделять понятие такого психофизиологического патриотизма,

который воспитывать не надо, от патриотизма, уже связанного с верностью и жертвой. Потому что психофизиологический патриотизм в большей или меньшей степени присущ почти всем людям. Это то, что в психологии называется импринтинг, первообраз. Вот человек привык уже к этому широкому небу, к этим березам, к этому борщу и черному хлебу, к родным запахам, к этой речи, ее звучанию, к этим лицам, по которым он может читать, он может производить психологическую дешифровку мимики лиц людей, живущих в России, таких разных, а чем-то похожих друг на друга. Это всё не надо воспитывать, а вот жертвенность, конечно, воспитывать надо.

Я поражаюсь не тому, что какие-то молодые и не очень молодые люди сбежали в Казахстан и в Грузию и еще куда-то после начала СВО. Я поражаюсь тому, как на фоне этой почти 40-летней информационной агрессии, почти 40-летнего расчеловечивания, когда внушали, что главное — возлюбить себя, комфорт, когда посадили всех на иглу комфорта (с моей точки зрения это самая страшная игла), оказалось, что столько героев. Это чудо Божье. Мы даже, наверное, не все понимаем, что это Божье чудо, что у кого-то ядро личности оказалось таким прочным. Генетическая память прочнее вот этого расстройствa, расчеловечивания, которое было очень агрессивным, надо сказать, очень активным.

А если человек будет пропитан русской литературой... Ведь смотрите, даже наша лирика, в том числе и народная, всякие баллады, они больше не лирические, а эпические. У нас всё пронизано красотой подвига. Вот я воспитана на нашей литературе. Я и раньше чувствовала, но особенно остро чувствую сейчас ослепительную красоту подвига человека.

Для меня ничего красивее и нет. И я думаю, что литература в этом сыграла колоссальную роль. Потому что я воспитывалась в богемной среде, где, мягко говоря, учили презирать государство. Государство, общественную работу, военных. Но литература, на которую с детства отзывалась душа, оказалась сильнее. Я ничего так не боюсь, как разрушения государства, ни на кого так не надеюсь, как на военных. И вся моя жизнь — это сплошная общественная работа.

В том числе и потому, что русская литература показала мне красоту патриотического подвига. И вот интересно, что с возрастом ответ на эту демонстрацию только обострился. Потому что история обострилась, и чувства обострились, проявились как-то. Я еще хочу сказать в заключение, как русская литература уточняет нашу душу. Какие подробности русская литература дает душе, насыщает душу этими под-

робностями, деталями. И главное, мы себя лучше понимаем, читая русскую литературу. Мы знаем уже, что в нашем сердце на что отзывается, от чего мы плачем, чему мы умиляемся, чему нам хочется подражать. Мы себя узнаём во многом через эту литературу. Это, я думаю, один из лучших способов — самопознание вместо самокопания. Вот я как психолог знаю, что самокопание — вещь довольно вредная. А самопознание — полезная. А грань очень зыбкая. Так что, я думаю, мы не дадим исключить нашу литературу, лучших ее представителей, лучшие ее образцы из жизни ребенка, подростка, юноши. Наоборот, надо, чтобы родители вернулись к чтению, чтобы вся атмосфера была пронизана русской культурой, в которой важнейшую роль всегда играет, и сегодня тоже, великая русская литература.

Беседу провела Жанна Тачмамедова

Андрей РЕДКОЗУБОВ,
Роман ИЛЮЩЕНКО

АВТОБУС В НИКУДА

Мёртвые души. Все помнят ставшую печально знаменитой «голую вечеринку». Скандал получился громкий! Вылезло наружу то, что, между прочим, давно полулегально процветало «под боком». Тут, однако, здоровая реакция нашего в целом больного общества, оставляет надежду, что процесс самоочищения России, начатый в феврале 2022 года, запущен всё же окончательно. Речь идёт, прежде всего, о её духовной, ментальной сфере, а одними из составляющих этого сложного процесса, являются нравственность и культура, которые в идеале должны быть неразрывны! Ведь, по сути, «голая вечеринка» — это яркий пример агрессивного бескультурья, получившего широкое распространение как раз на Западе, с которым мы, собственно, и воюем!

К сожалению, помимо столь очевидных дегенеративных образцов, данных нам «элиткой», существует немало схожих по отрицательному заряду примеров, вполне вписавшихся в наш быт, культуру, образ жизни и мышления. Например, матерная брань, практически легализованная в нашем обществе (которое потому и является больным). Эта нравственная грязь

РУССКИЙ ВОПРОС

захватывает всё новые позиции в семьях, силовых структурах, спорте, госучреждениях, школе и уже добралась до детских площадок! Значительная часть населения на «матерном языке» не только разговаривает, им уже мыслит, то есть обценная лексика вошла в подкорку, проникла на подсознание у многих россиян, в т.ч. молодёжи. Это огромная проблема. Собственное «матерное мышление» или «скверномыслие», получившее прописку в мозгах, сердцах, а значит душах граждан, способно выдавать соответствующие продукты и, соответственно, не замечать их присутствие. Это хорошо видно на примере похабных песен, которые свободно звучат в эфире, не вызывая у основной массы народа каких-либо нареканий, отторжения, то есть воспринимаясь им, как часть себя, часть своей усвоенной культуры.

Приведем реальный пример: один из нас в первые дни новогодних каникул и на последней неделе Рождественского поста, ехал в междугороднем автобусе, где сидели обычные пассажиры с самым обычным водителем. Скрашивало путь какое-то там русскоговорящее радио, не заставляя, впрочем, напрягаться. Но вот шофёр прибавил громкость и во всю мощь колонок зазвучал «шедевр» в исполнении какой-то группы, где в современных ритмах пропагандировалось совершенно асоциальное, деструктивное поведение: звучали зарифмованные призывы к бесконтрольному употреблению спиртных напитков, разврату, беспорядочным половым связям, нарушению правил дорожного движения с применением обценной лексики по отношению к инспекторам полиции... Пассажиры, включая женщин, никак не реагировали на это — то ли им нравилось, то ли привыкли к подобной музыке. Важно, что никто не возмутился, не потребовал от водителя хотя бы сделать звук тише, ведь в автобусе были и дети! Все молча внимали этой тошнотворной пошлятине — вопиющему примеру агрессивного бескультурья, ибо не слышать громко звучащих, вызывающих определенную реакцию текстов, было просто невозможно. Какой-то повсеместный душевный паралич, олицетворение мёртвенности или, как минимум, бесчувственности душ!

В чем же принципиальная разница между возмущившей народ «голой вечеринкой», где уверовавшие в своё мессианство и безнаказанность «звёзды» всего лишь выставили свои тела напоказ, и этим публичным автобусным эксгибиционизмом, невольными соучастниками или безропотными зрителями-заложниками которого стали все пассажиры автобуса?! Лишь в том, что те публично показали своё растленное состояние душ, а пассажиры рабски впитывали своими ду-

шами грязь и пошлость как нечто модное, что надобно безропотно принять. И сколько таких «мёртвых автобусов» разбегает по всей стране! А сколько прошло таких же «мёртвых» новогодних корпоративов, где свободно звучали подобные похабные песни, под которые «отдыхали» доведшие себя до соответствующего состояния и считающие себя вполне добропорядочными российские граждане!

Нам могут возразить и привести в пример нормальные песни и хороших исполнителей, назвав того же Ярослава Дронова — «Шамана», ставшего по итогам прошедшего года самым популярным исполнителем, визитной карточкой которого стала песня «Я — Русский», звучавшая на дискотеках. Этот факт не может не радовать, но соотношение песен Шамана с деструктивными исполнителями, даже исключив наконец-то признанного иноагентом Моргенштерна с миллионом подписчиков, явно не в пользу первого. Только у дегенеративного во всех отношениях, включая песни, Милохина по состоянию на середину 2021 года в «ТикТоке» было более 14 миллионов подписчиков, основная масса которых — школьники. А еще есть другие, если так можно выразиться, музыканты-деграданты: «Хаски», «Охххуmгon», «Элджей» и другие, подобные им, исполнители, чьи песни звучат в эфире, а значит, и в «автобусах». И они особенно популярны у молодёжи. Ну а для старшего поколения есть возрастной придурок Шнур, фактически, вопреки всем законам, легализовавший мат в эфире и на сцене.

Вполне отдаём себе отчёт, что не все читатели с нами согласятся, ведь кому-то без Шнурова невозможно себе представить отдых после трудного рабочего дня, когда так хочется расслабиться — т.е. духовно ослабеть. Знаем, что на вкус и цвет товарищей нет, но есть традиции и нормы морали, через которые нельзя ни в коем случае переступить, если хотим остаться, собственно, собой — русскими, а не оказаться незаметно для себя русскоговорящими иванами-болванами, «не помнящими родства». Или проще, по меткому выражению П.А. Столыпина, — «навозом» в своей же стране для удобрения почвы, на которой будут произрастать иные народы. А этот процесс идет полным ходом, набирая обороты, ведь прежде чем началась СВО, изменения произошли именно на ментальном фронте, ведь Пугачёвы-Галкины-Жванецкие по-прежнему ожидаемы многими нашими соотечественниками.

Мы являемся уже давно не просто зрителями, но очевидцами и участниками процесса замены населения и смены менталитета: сначала нам промывали мозги, подменяя подлинные религиозные и культурные ценности, теперь подменяют нас самих: искусственным интеллектом и мигрантами. У пос-

ледних есть свои приоритеты религиозного и культурного восприятия мира, которыми они не хотят поступаться, приехав в Россию, тем более если вместо подлинной великой русской культуры сталкиваются с её дешёвой и пошлой подделкой. К тому же они, в отличие от нас, не только отстаивают, но и активно, а подчас агрессивно продвигают свои ценности.

Кому-то наверняка приходилось быть посетителями заведений общепита, пассажирами автобусов, такси, где хозяева или водители-мигранты включали свою музыку, видеопрограммы, нетрадиционные даже для мусульманских народов, живущих в России. Они это делают намеренно и, как правило, не встречают возражений от нас — коренных жителей, русских людей. Нас ведь недаром приучали к толерантности и всеядности. Теперь понятно для чего — именно для этого! По замыслу этих сил, русскому человеку, так и не получившему прививку подлинной национальной песенной культуры, останется выбор между русскоязычной пошлятиной-шнуровщиной и чужеземной, инородной культурой, будь она американская или узбекско-киргизско-таджикская. Многие, не задумываясь, незаметно дрейфуют в ту или иную «степь», уверенные, что третьего не дано, т.е. родного, русского, национального, от которого нас много лет отлучали, добившись невероятных результатов. Но глядя правде в глаза, выбор у нас был и есть. И он по-прежнему остаётся за нами.

К слову, мы побывали недавно на проходящем в рамках международной выставки-форума «Россия» на ВВЦ концерте прославленного, старейшего русского национального хора имени М.П. Пятницкого, носящего статус государственного, академического, дважды орденосного. Концерт был анонсирован заранее как бесплатный, и мы, предполагая, что мест может не хватить, выдвинулись на выставку заранее. Он, прошедший на одном дыхании, не разочаровал нас, а вот ажиотажа с местами не было — достаточно просторный зал оказался заполненным наполовину. На фоне бьющей рекорды посещаемости выставки это прискорбно. Да и среди зрителей практически не было видно молодёжи, тем более детей! Один из нас участвует также в самодеятельности, выезжает с концертами по Подмоскovie и с горечью свидетельствует: интерес народа к традиционной русской песне практически утрачен! Об этом свидетельствуют почти пустые залы и концертные площадки, где проходят фестивали, хотя местные власти оповещают народ заранее, а хоровые коллективы представляют уникальные номера в аутентичных костюмах. И удивляться происходящему уже не приходится.

И тут нам вспомнился закрытый судебными приставами во исполнения решения суда за неуплату долгов Фонд славянской письменности культуры заодно с музеем Игоря Талькова, магазином «Казачья лавка» и редакцией газеты «Русский вестник», что не потрясло до основания многомиллионную Москву — столицу России и главный город русского народа. И это на фоне появляющихся в столице, как грибы после дождя, национальных и этнических культурных центров не только народов России, но и ближнего зарубежья, в т.ч. почти «родной» нам Средней Азии. Или вспомним тихое «сливание» Минкультом России одного из известнейших и заслуженных музыкальных коллективов страны — Государственного академического русского симфонического оркестра «Боян», на который в ведомстве якобы не нашлось денег. И опять — нулевая, толерантная реакция русского народа. (Или уже не народа?) И много чего другого, горького, можно вспомнить, подтверждающего вышесказанное.

Кстати сказать, интерес к своим корням и особенно песням и национальным танцам у других народов, особенно Поволжья, Севера, Забайкалья, Средней Азии, не говоря уже про Кавказ, никогда не снижался, а в настоящее время находится на своём пике. Для этого достаточно посетить ВВЦ и концерты коллективов из этих регионов. Впрочем, в отличие от нас, они не стесняются делиться с нами своей культурой и на улицах, танцуют без чьего-либо согласия ту же лезгинку, нося национальные головные уборы или совершая религиозные действия, например, намазы. Это не они вдруг стали сильнее, это мы ощутимо слабеем: физически (демографически), нравственно, духовно.

Если ни власти, ни мы сами ничего не сможем изменить, тогда нам останется готовиться быть пассажирами гигантского автобуса под названием «Россия», управляемого неведомым шофёром. Он куда-то ведёт автобус по дороги жизни (ведь нам по большому счёту все равно, куда), делает остановки: люди выходят и входят (умирают и рождаются), и мы замечаем, как меняются лица и менталитет соседей. А тут еще и песни зазвучали какие-то непривычные, незнакомые, не на русском, да ещё и агрессивные! Мы толерантно пытаемся попросить соседей вести себя потише, поскромнее, но нас уже не слышат или просто игнорируют. До водителя не докричаться, он нас тоже не слышит. И вот уже на какой-то очередной остановке какие-то сущности, очень мало похожие на людей, настойчиво просят вас выйти. Как? Куда? Разве уже всё? Приехали?..

ЧЕМУ УЧИТ НАША ШКОЛА?

Учит ли российская школа быть членом русской нации? Важнейшей функцией образования является передача памяти от поколения к поколению. Основная масса этой работы выполняется в школе, в ходе изучения курса истории своего этноса.

В постсоветской России школьников обязывали изучать либеральную версию истории, в которой ничего не говорилось о существовании русского этноса в настоящем времени. До 1917 г. он, мол, существовал, но потом его сменила советская нация, а последнюю — российская нация. Сейчас же говорить о русских — это великодержавный шовинизм и вообще стыдно, поскольку обижает великое множество других российских этносов.

В качестве образца школьникам преподносилась англосаксонская модель устройства общества и экономики. В положительном ключе описывали действия по внедрению западного опыта, в негативном — отечественного опыта. Делалось это достаточно искусно, через внедрение в образовательный процесс сразу многих десятков учебников, каждый из которых придавал истории свой окрас либеральности. В целом это представлялось как отсутствие идеологической нагрузки в учебном процессе, торжество научной объективности.

Либеральная историческая мифология успешно разрывала связь между поколениями русского этноса, как когда-то это делала советская историческая мифология. Как хорошо помнит автор этих строк, полвека тому назад школьные учебники по истории для 9 и 10 класса, написанные под редакцией академика Максима Кима, так же говорили о существовании русского народа только в прошлом, тогда досоветском, времени, а потом он напрочь исчезал в советской нации.

Ограниченность либеральной исторической мифологии была осознана государственниками. Президент В. Путин неоднократно заявлял о необходимости создания единого учебника истории, который бы пропагандировал патриотизм, а не преклонение перед Западом.

Наконец, с 2023 г. обучение в российских школах стало идти по курсу «Истории России», написанному помощником президента Владимиром Мединским и ректором МГИМО Анатолием Торкуновым.

Учитывая статус авторов, содержание этого курса можно рассматривать как официальную историческую доктрину, выдвинутую государственниками. Проанализируем содержание этой доктрины с точки зрения того, насколько хорошо она решает проблему передачи памяти от поколения к поколению и позволяет формировать единую нацию.

Авторы учебника следуют такой методике: предоставляется обширный набор фактов, которые ученики должны самостоятельно связать между собой и сделать из них правильные выводы о сути происходивших общественных процессов. Конечно, семнадцатилетние дети такого рода работу выполнить самостоятельно не могут, и трактовку событий им в результате навязывают учителя. Учителя же у нас следуют, в основной своей массе, тем ценностным установкам, которые им привили профессора-либералы на исторических факультетах университетов. Они же, как известно, выходцы из соросовского гнезда.

Однако данный методический прием преподнесения материала позволяет авторам учебника избегать прямого конфликта с либералами в оценке наиболее острых общественных проблем, и мы примем его без критики. Тем более, что авторы учебника — бесспорно, люди высококвалифицированные и лучше знают политическую конъюнктуру — где и про что надо промолчать. Зато нам эта конъюнктура не указ.

Из представленных в учебном материале фактов видно, что большевики пользовались поддержкой масс и при завоевании власти, и в последующие десятилетия. Несмотря на грубые ошибки, проводимые репрессии, их власть была незыблема. Причины этого явления авторами не называются, а они важны. По нашему мнению, было две основные причины.

Во-первых, большевики «сняли» острое противоречие между трудом и капиталом путем национализации частных капиталов и земли. Все члены общества получили статус наемных работников. В том числе этот статус получили сами большевики, которые взяли на себя выполнение элитных функций. Эта причина хорошо освещалась в упоминаемом нами учебнике истории В. Кима, но сейчас стыдливо замалчивается. Красный проект большевиков авторам учебника совсем не нравится.

В анализируемом тексте вроде бы ученикам сообщается и про Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого на-

рода, и про коренизацию, и про создание автономных республик и областей. Глухо говорится даже о превращении унитарной страны в федерацию. Однако смысл всех этих действий большевиков не объясняется. Не говорится, что советская нация имела в своей основе этническую иерархию, и русские в этой иерархии находились на нижней ступени.

Казалось бы, не нравятся большевики — критикуйте их за русофобию. Нет, авторам русофобия большевиков не претит.

Идем дальше. В учебнике справедливо пишется об успешной индустриализации, коллективизации и культурной революции. Успехи приписываются энтузиазму советских людей в 30-х - 50-х гг. и объясняется, что его источником были произведения советских писателей, художников, композиторов, кинематографистов. Приводятся прекрасные примеры энтузиазма. Параллельно идет рассказ о массовых репрессиях. Выдержан правильный тон в изображении этих репрессий. Репрессии со смертью И. Сталина прекращаются. Но исчезает и энтузиазм масс. В экономике и обществе начинается застой. Объяснить причины происшедших радикальных перемен авторы новой исторической концепции не могут.

Между тем, в 30-е — 50-е гг. происходила смена троцкистской элиты на национал-большевистскую, и именно эта смена позволила резко повысить эффективность управления экономикой и обществом. Энтузиазм — это ощущение простыми людьми возможности резко продвинуться вверх по социальной лестнице. А когда смена элит прекратилась — наступил застой. Накопленный экономический и социальный потенциал приводить в движение стало некому. Троцкисты же вернулись во власть и разрушили социализм, присвоили себе общенародную собственность в нарушение принципов социальной справедливости. Вывод неприятный, составители учебника предпочли его не делать.

В учебниках подробно и эмоционально описаны события периода Великой Отечественной войны, показан героизм людей на фронте и в тылу, сплочение людей вокруг компартии. Однако это далеко не вся правда. Ряд северокавказских народов под руководством своих элит перешел на сторону врага, служил Гитлеру, участвовал в уничтожении других советских народов. За предательство они были наказаны большевиками понижением социального статуса и лишением государственности. Наказанию подверглись также т.н. «западные» народы, которые поддержали Гитлера во время войны, а по ее окончании еще десять лет уничтожали другие советские народы. Часть из них депортировали в Сибирь, но

государственности не лишили. Поэтому неправильно писать о том, что предавшие советскую нацию народы пострадали невинно. Они в годы советской власти были амнистированы, а не реабилитированы.

Однако даже попытка нейтрально описать события тех лет в учебнике вызвала острые нападки на В.Мединского и А.Кортунова со стороны нынешнего руководства северокавказских народов.

Поддержки со стороны руководителей русских, белорусов, евреев, в наибольшей степени пострадавших от рук тех, кто перешел на сторону Гитлера, авторы учебника не получили. А потому были вынуждены заявить о пересмотре содержания учебника. Очень жаль. Ведь можно было бы еще написать и о том, как «западные» народы, обретя независимость, вытащили из сундуков служивших Гитлеру героев, возродили практику подавления, а где-то и уничтожения русских и белорусов.

В новом учебнике впервые подробно описываются события на Украине, называются причины начавшейся СВО. Как нам представляется, описываются честно. Приводятся примеры героизма участников боев с украинскими нацистами. Говорится о том, что СВО ведется за право русских быть русскими.

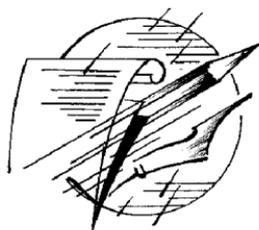
Хотелось бы, чтобы этот правильный подход был применен и при оценке событий августа 1991 г., октября 1993 г., принятия Конституции и заключения Федеративного договора. Иначе нет честного разговора о том, почему русские остаются на низших ступенях сохранившейся в РФ этнической иерархии. Остается непонятным, почему у них нет своего государственного образования, своей конституции, своего гимна, герба, флага, почему некому защищать их этнические интересы.

А общий вывод таков. Учебник В.Мединского и А.Кортунова — очень полезный шаг вперед, прочь от либеральной исторической мифологии, но до построения русской картины видения истории еще идти и идти.

ПАПА РИМСКИЙ И МАШИИХ

Ежегодно в Дубае (ОАЭ) проходит глобалистский т.н. Всемирный саммит правительств (WGS), но наш перевод точнее: Саммит мирового правительства. Эти встречи начались в 2013 году. На обсуждение выносятся узнаваемые темы с душком «рукотворного апокалипсиса», такие как цифровизация, климат, зеленая экономика, борьба с эпидемиями, вакцинация, искусственный интеллект. В совокупности деятельность WGS отражает план захвата глобальной элитой власти на планете.

Интересующиеся знают, что подобной повесткой занимается и The World Economic Forum в Давосе (WEF, Всемирный экономический форум), опекаемый садо-мазо Швабом, который, естественно, неизменный участник смежного WGS. С каждым разом, выступая в Дубае, Шваб всё более откровенно раскрывает замыслы глобальной элиты. На сей раз обрюзгшее бесполое чудовище пророчествовало, что миром будет владеть тот, кто будет владеть технологиями искусственного интеллекта, синтетической биологии, метавселенной и новыми космическими технологиями. Кто бы сомневался...

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Воистину WGS и WEF — главные строители «нового дивного мира». Но, как и полагается в таких случаях, есть тот, кто над ними. Звуки фанфар, барабанная дробь. Кто же это? Кто?.. А это просто-напросто старикашка Франциск — папа римский из ордена иезуитов. Всё до ужаса банально, но творцов «великой перезагрузки» «благословляет» именно он — римский папа из Римского клуба.

Симпатии понтифика к Швабу давнишние. По мнению Франциска, мир вступил в тёмные и бурные времена, и человечество должно довериться основателю Всемирного экономического форума Клаусу Швабу, который является человеком, планирующим вернуть природе её первенство в мировом порядке.

Ватикан ежегодно направляет представителей Церкви на Всемирный экономический форум. В последние годы на саммите в Давосе присутствовали кардинал Питер Турксон или кардинал Майкл Черни, а когда-то даже кардинал-госсекретарь Пьетро Паролин. По идее, церковные лидеры должны призывать политиков защищать индивидуальные гражданские и религиозные свободы, а не проводить политику, которая навязывает аборты, эвтаназию, гендерную идеологию, феминизм, Великую перезагрузку, новую цифровую экономику, системы социального кредита и отказ от ископаемого топлива. Тем не менее, папа Франциск и святой престол полностью поддерживают повестку Всемирного экономического форума.

Наивно ожидать от Франциска обличения преступлений Давоса, он яростно делает обратное, приказывая всему «цивилизованному швабству» «удвоить обязательства» и действовать, что называется, засучив рукава.

В 2017 году в интервью эквадорской газете «El Universo» и английской «The Guardian» Франциск призвал к «единому мировому правительству», утверждая, что создание оно необходимо для борьбы с такими проблемами, как «изменение климата». Но правда заключается в том, что реального климатического кризиса не существует, и проблема эта надуманная. Наука о климате выродилась в дискуссию, основанную на убеждениях, а не на здоровой самокритичной науке. Мы должны освободиться от наивной веры в незрелость климатических моделей. Климатической чрезвычайной ситуации нет.

Впрочем, перейдём ближе к делу и обнажим фактуру. Как думаете, что общего между «Теорией Дарвина», «Теорией глобального потепления» и «Пределами роста»? Правильно — масонская альма-матер. Все три теории — бредовые и все три нашли реализацию не в силу научной ценности, а в результате применения манипулятивных технологий в идеологических целях.

Так вот, с 1999 года Хорхе Мария Бергольо, будущий папа римский, является почётным членом парамасонского «Ротари-клуба» Буэнос-Айреса, который в 2005 году наградил его премией «Серебряный лавр» как человека года. А в день избрания папой в 2013 году его тепло поздравил с назначением великий мастер аргентинского франк-масонства Анхель Хорхе Клаверо.

Великий мастер Великого Востока Италии Густаво Раффи также по этому поводу выпустил коммюнике, в котором говорится, что «с папой Франциском уже ничего не будет так, как раньше... Ему представилась великая возможность показать миру лицо Церкви, которая должна вновь возвестить о новом человечестве, а не оставаться институтом, защищающим свои привилегии».

Между тем, официальное отношение Ватикана к масонству однозначное, запрет католикам вступать в масонские группы не изменился и де-факто остаётся в силе. Тема связи Франциска с масонами долго оставалась закрытой, но вот что-то произошло.

Так, накануне WGS и WEF 2024 генсек знаменитого Римского клуба (масонской ложи, которая с момента своего основания была одной из главных пропагандистов мальтузианского мифа о перенаселении и радикальных программ контроля над рождаемостью) был приглашён в качестве почётного гостя на ежегодную конференцию по окружающей среде в Ватикане. Информацию о мероприятии сильно не светили, поэтому отсюда поподробнее.

В начале октября в Вероне (Италия) прошёл шестой Форум общин Лаудато Си. Это мероприятие представляет собой серию встреч, посвящённых распространению взглядов папы Франциска на «чрезвычайную климатическую ситуацию», и всегда предваряет знаменитые глобалистские саммиты, задавая им тон и обозначая собственное иерархическое первенство.

Нынешняя сессия называлась «Удвоение обязательств» и была отсылкой к новому призыву Франциска: «Laudate Deum» (в переводе с латыни означает «Хвала Богу»), в котором он, ни много ни мало, предупреждает человечество о том, что конец мира близок, и говорит, что традиционных международных структур недостаточно для решения текущих кризисов, будь то пандемии, войны или изменение климата, и благословляет — внимание (!) — создание нового органа управления глобальной повесткой. «Laudate Deum» уже называют эпохальным воззванием святого престола и предвестником сами понимаете кого.

«Мир, в котором мы живем, рушится и, возможно, приближается к критической точке», — пишет понтифик. «Нет

сомнений в том, что последствия изменения климата будут наносить всё больший ущерб жизни и семьям многих людей». Продолжая через 73 трудоемких абзаца, каждый из которых мрачнее предыдущего, Франциск извещает человечество, что оно... стоит на пороге апокалипсиса.

То же самое прозвучало во вступительном видеообращении папы к участникам встречи в Вероне. В том же истеричном духе токсичный понтифик продолжал брать на понт, трагически пророчествуя, что «в течение 30 лет мир станет непригодным для жизни».

В заключение, констатируя, что предыдущим конференциям по климату не хватило полномочий для исполнения своих решений, Франциск на белом глазу предложил «новую систему глобального управления для надзора и контроля над доступом к энергии и ресурсам...»

Епископ Доменико Помпили, который принимал это мероприятие, нагнетал вслед за папой. Он подчёркивал, что призыв Франциска «является криком большой озабоченности, потому что мы вступили в ситуацию невозврата, когда экологическая катастрофа уже объявлена и в действительности уже началась». Он призвал серьёзно отнестись к призыву папы и, наконец, уже хоть что-то предпринять, причём безотлагательно и, начиная непосредственно с приближающегося World Government Summit (WGS): «Проблема в том, что до сих пор отсутствует международное управление, каждый сосредоточен на своем государстве, но мы должны вмешаться с общим пониманием, потому что объявленная катастрофа затрагивает всех нас. Мы должны выступить единым фронтом: заниматься политикой, быть реальными политическими субъектами, играть ведущую роль, которая трансформируется в передовую и повседневную практику».

Но гвоздём программы, конечно же, стал генсек масонского Римского клуба Карлос Альварес Перейра, который был впервые приглашён выступить на конференции, спонсируемой Ватиканом. Кому и как пришла в голову эта безумнейшая идея? Карлос Перейра — верховный жрец антихристианского вероучения, посвятивший всю свою жизнь уничтожению католической церкви и подталкиванию человечества к бесплодию и депопуляции.

Дело в том, что Римский клуб — это банальная масонская ложа, основанная в 1968 году в поместье Дэвида Рокфеллера в Белладжио (Италия). Как и Всемирный экономический форум, но опередивший его на несколько десятилетий, он представляет собой собрание богатой западной «элиты», смешанной с главами государств, бюрократами ООН и бизнес-лидерами.

Однако, в отличие от ВЭФ, это — явно масонская организация, которая, как уже говорилось, стояла у истоков мальтузианского мифа о перенаселении и радикальных программ контроля над рождаемостью. Для достижения своих целей Римская ложа Рокфеллера без колебаний сеяла страх среди населения, фабрикаруя данные и не гнушаясь откровенной лжи.

Так, в 1972 году Римский клуб выпустил книгу под названием «Пределы роста», которая должна была стать точкой рычага, через которую, по расчётам «мудрецов», можно было бы опрокинуть весь мир. Исследование, финансируемое Рокфеллерами и написанное группой системных инженеров из Массачусетского технологического института, предсказывало, что конец света наступит примерно к 2070 году, если рост населения будет продолжаться. В исследовании авторы заявляли, что «нет другого пути к выживанию», кроме радикального сокращения населения планеты. «Контроль над численностью населения» оказывался «единственно возможным решением» дилеммы человечества.

Римский клуб ухватился за это исследование, чтобы заявить, что человечество размножается в геометрической прогрессии и что необходимо предпринять решительные шаги и остановить эту человеческую волну. Книга вышла с большой помпой и разошлась пугающим тиражом более 30 миллионов экземпляров на 30 языках, неизгладимо внедрившись в мировое сознание.

Информация в «пределах роста» подавалась дерзко и безальтернативно. Большинство людей не могли заподозрить, что это было не более чем псевдонаучной мистификацией, как и в случае с теорией Дарвина. Данные приводились неполными, а иногда и неточными, методология была ошибочной.

Чтобы продемонстрировать, насколько ошибочным было исследование, другие учёные использовали те же правила, что и в «Пределах», чтобы предсказать развитие событий в выбранном ими столетии (1870—1970), используя при этом только науку и технику того периода. Компьютер предсказал, что конец света наступил бы до 1970 года, отчасти из-за неспособности общества справиться с огромным количеством конского навоза.

Однако, несмотря на откровенную ложь, идеи Римского клуба, как видим, живут и здравствуют. Во время своего выступления на Форуме общины Лаудато Си в Вероне масонский лидер Альварес Перейра предсказуемо призывал человечество к «Великой перезагрузке». Подстать речи папы, генсек римской ложи изо всех сил поторапливал «высокое собрание»: «За последние годы ничего не изменилось, в то время как нам нужно быстрее менять шаблоны сознания элит».

В своей последней статье для Всемирного экономического форума Перейра использует всё ту же технику нагнетания страха, утверждая, что нынешняя модель развития неустойчива. А в книге, которую он написал в прошлом году в соавторстве под названием «Пределы и за пределами: 50 лет спустя от пределов роста», снова заявил, что «достижение устойчивого экономического развития требует дальнейшего снижения рождаемости».

Ещё одна обновлённая версия «Пределов роста» была выпущена Римским клубом в виде книги Йоргена Рандерса в 2012 году под названием «2052: A Global Forecast for the Next Forty Years». Ради иллюстрации позволим себе две цитаты, красочно описывающие перспективы для двух классов человечества: «Жизнь граждан среднего класса будет становиться все более виртуальной. Образование, развлечения, путешествия, социальные сети будут перенесены в дом в цифровом виде в трех измерениях: полноцветные, звуковые и обонятельные. Люди будут принимать виртуальную реальность как замену реальному миру — реальному туризму, живым развлечениям и образованию». Вполне себе узнаваемо.

А вот теперь про «элиты» и тоже, нужно сказать, реалистично: «Глобальное правительство будет создано по модели уже существующих центральных банков, которые функционируют в большинстве цивилизованных стран мира и принимают решения в автономном режиме, без демократического вмешательства государств. По образу Центрального банка мы создадим «Глобальный центральный Банк климата», который будет уполномочен самостоятельно принимать решения о важных вопросах регулирования добычи ископаемых в мире».

Припомним «новую систему глобального управления для надзора и контроля над доступом к энергии и ресурсам...», о которой на конференции в Вероне говорил папа Римский. Абсолютно одно и то же, как под копирку. Спелись демоны...

Пока интернет не обрёл глобального контроля и любые ресурсы открыты для всех желающих, заходим на официальный сайт World Government Summit (WGS) и на главной странице читаем: «Всемирный саммит правительств 2024 года пройдет под девизом «Формирование правительства будущего».

Жрецы Апокалипсиса уже установили трибуны у подножия горы Кармел, а на случай форс-мажора вывели свои уютные бункеры и заправили дизелем подводные лодки. Поговаривают, что у пяти красных коров, выращенных в Массачусетсе для жертвенника Соломонова храма, срок годности-то, оказывается, до 2024 года включительно. Так что правильно повелевает папа: готовность по орудиям — номер один...

ЖЕНЩИНЫ СТАЛИНА

Тема, с помощью которой пытаются разоблачить Сталина, — это его женщины. Как же? Две жены скончались. Дочь сбежала. Последние годы жизни скрашивала горничная. Мы тоже возьмём эту тему, но не для того, чтобы покопаться в «грязном белье», а чтобы его отстирать.

Бурная революционная молодость Иосифа оставляла мало времени на общение с женщинами как женщинами. Тем не менее уже тогда женская любовь вошла в его судьбу. А чем ещё можно назвать поездку молодой женщины к нему в ссылку в далёкую Сибирь?

Вера Швейцер (Вера Лазаревна Швейцер, 1887—1950, советский государственный деятель, в 1905 году вступила в РСДРП, с 1927 по 1934 — член Центральной Контрольной Комиссии партии) рассказывала о поездке к нему в ссылку: «Условия Туруханского края для побега были невероятно тяжёлыми. Три месяца в году длилась томительная распутица. Во время короткого полярного лета в Курейку успевал заходить всего лишь один енисейский пароход... Вот и Курейка... У самого Енисея на небольшой возвышенности виднелся дере-

вянный дом, занесённый снегом. Здесь жил Сталин... У нас с Иосифом была радостная, теплая встреча...»

А вот описание обратной дороги: «Мы мчались вверх по Енисею. Морозно. Казалось, морозом скован воздух. Трудно дышать. Недалеко над нами вспыхнуло северное сияние, озарившее нам путь. Тундра была покрыта снегом. Кое-где маячили верхушки занесённых снегом деревьев... Вдруг неожиданно Сталин затягивает песню. Радостно слышать знакомые мелодии песен, уносящихся вдаль и утопающих где-то в беспредельной снежной равнине... На просторе льются песни. Одна сменяет другую. Сталин был любитель народных песен. Я была свидетелем, как он, занимаясь хозяйством, подолгу напевал русские народные частушки».

Однако эта любовь свадьбой не закончилась.

С первой женой Екатериной Сванидзе (Екатерина (Като) Семёновна Сванидзе (1882—1907), первая жена Иосифа Джугашвили, мать его старшего сына Якова) они венчались в 1906 году в Тифлисском храме святого Давида. Но на следующий год она умерла от тифа, оставив на его попечение восьмимесячного сына Якова.

Со второй женой Надеждой Аллилуевой они познакомились, когда ей было шестнадцать лет. Правда, по семейному преданию, когда ей было всего два года, она упала в воду, и спас её от неминуемой гибели будущий муж Сосо Джугашвили.

Когда в 1917 году Сталин вернулся из сибирской ссылки, между ним и Надеждой завязался настоящий роман. Ирина Гогуа вспоминала, как «однажды прибежал Сергей Яковлевич (отец Надежды), страшно взволнованный, сказал, что он (Сталин) увёз Надю... (На фронт)...» В 1918 году они поженились. Официально их брак был зарегистрирован 24 марта 1919 года. Фамилию мужа Надежда взять не пожелала.

Между прочим, в 1921 году Надежду Аллилуеву исключили из коммунистической партии с формулировкой «за общественную пассивность и приверженность к анархо-синдикализму». Однако через четыре дня она была восстановлена по личной просьбе Ленина.

Первые годы семейной жизни были счастливыми. Вот так писал Сталин жене: «Татья! Получил твоё письмо. Ты что-то в последнее время начинаешь меня хвалить. Что это значит? Хорошо или плохо? Новостей у меня, к сожалению, никаких. Живу неплохо, ожидаю лучшего... Ты намекаешь на какие-то мои поездки. Сообщаю, что никуда (абсолютно никуда!) не ездил и ездить не собираюсь. Целую очень ного, кепку ного. Твой Иосиф» (Архив президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1549. л. 50—51. Автограф).

А вот так Надежда отвечала: «Дорогой Иосиф. Как твоё здоровье, поправился ли и лучше ли чувствуешь себя в Сочи? Я уехала с каким-то беспокойством; обязательно напиши... В понедельник 2/IX письменный экзамен по математике... Словом, пока никаких планов строить не могу, т.к. всё «кажется». Когда будет всё точно известно, напишу тебе, а ты мне посоветуешь, как использовать время... Слыхала, как будто Горький поехал в Сочи, наверное, побывает у тебя, жаль, что без меня — его очень приятно слушать. По окончании моих дел напишу тебе о результатах. Тебя же очень прошу беречь себя. Целую тебя крепко, крепко, как ты меня поцеловал на прощанье. Твоя Надя. P.S. Вася с 28/VIII ходит в школу» (там же).

В 1921 году на свет появился их первенец Василий. Это привело к первому серьёзному разногласию. Иосиф настаивал, чтобы мать посвятила себя семье и воспитанию сына. Он понимал, что ребёнку нужен уход родного человека, поскольку сам он отдавал все свои силы и время государственному служению. Надежда желала «развиваться и приносить пользу обществу». Дети Сталина остались без присмотра. Вернее, за ними присматривал начальник его охраны Николай Власик, который со временем стал почти что членом семьи. Не нарушая субординации при этом.

В дальнейшем теоретические споры между супругами продолжались и, несмотря на взаимную любовь, привели к трагедии. В день пятнадцатилетия Октябрьской революции, во время празднования в доме Ворошилова произошла ссора. Вернувшись домой, Надежда выстрелила из подаренного пистолета себе в сердце.

Их дочь Светлана подробно описала произошедшее:

«...А повод был не так уж и значителен сам по себе и ни на кого не произвёл особого впечатления, вроде «и повода-то не было». Всего-навсего небольшая ссора на праздничном банкете в честь XV годовщины Октября. «Всего-навсего» отец сказал ей: «Эй, ты, пей!» А она «всего-навсего» вскрикнула вдруг: «Я тебе не — ЭЙ!» — и встала, и при всех ушла вон из-за стола...

Мне рассказывали потом, когда я была уже взрослой, что отец был потрясён случившимся. Он был потрясён, потому что он не понимал: за что? Почему ему нанесли такой ужасный удар в спину? Он был слишком умён, чтобы не понять, что самоубийца всегда думает «наказать» кого-то — «вот, мол», «на, вот тебе», «ты будешь знать!» Это он понял, но он не мог осознать — почему? За что его так наказали? И он спрашивал окружающих: разве он был невнимателен? Разве он не любил и не

уважал её как жену, как человека? Неужели так важно, что он не мог пойти с ней лишний раз в театр? Неужели это важно?

Первые дни он был потрясён. Он говорил, что ему самому не хочется больше жить... Отца боялись оставить одного, в таком он был состоянии. Временами на него находила какая-то злоба, ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо. Очевидно, она написала его ночью. Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, но оно было, об этом мне говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упрёков. Это было не просто личное письмо; это было письмо отчасти политическое. И, прочитав его, отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на самом деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет. Он был потрясён этим и разгневан и, когда пришёл прощаться на гражданскую панихиду, то, подойдя на минуту к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушёл прочь. И на похороны он не пошёл» (Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. М.: Книга, 1989).

Внучка Сталина Галина Джугашвили дополнила рассказ: «Случались у неё порой приступы мигрени, но причина рокового выстрела, конечно, не в этом. Надежда застрелилась после ссоры с дедом, происшедшей на банкете в доме Ворошилова. Она уехала на квартиру в Кремль, а он отправился на дачу. Вечером Надежда Сергеевна несколько раз звонила ему из города, но он бросил трубку и больше к телефону не подходил. Чем это обернётся, дед предвидеть не мог..»

Доводилось слышать, что Сталин заставил Надежду сделать десять абортгов. Это наветы. За годы совместной жизни они родили двух детей. Рождение двух детей и десять абортгов — несовместимы.

Похороны прошли 11 ноября на Новодевичьем кладбище. В 1933 году на её могиле был поставлен памятник из белого мрамора с надписью: «Надежда Сергеевна Аллилуева-Сталина /9/IX 1901 — 9/XI 1932 / член В.К.П.(б) / от И.В. Сталина». Автор надгробия известный скульптор И.Д. Шадр, архитектор академик И.В. Жолтовский. Иосиф Виссарионович Сталин часто посещал могилу жены и долго сидел на мраморной скамейке напротив.

Много инсинуаций было сочинено о связи вдовца Иосифа с горничной Валентиной Истоминой. Урождённая Валентина Васильевна Жбычкина была приглашена в качестве кухарки на ближнюю дачу начальником личной охраны Сталина генералом Н.И. Власиком. Она вышла замуж за военнослужащего Ивана Истомина. Валентина фактически

стала членом семьи Сталина и находилась с ним неотлучно вплоть до его смерти. Сталин настолько доверял Истоминой, что позволял подавать еду или лекарства только ей.

Вероятно, Иосиф Виссарионович испытывал приятельские чувства к красивой доброй и непритязательной Валентине. Но у него на руках оставались взрослые дети и партийный билет. Была ли у них интимная связь, никто точно сказать не может. Эту тайну они унесли собой в могилу. Каждый в свою. И додумывать здесь ничего не надо. Это их личная тайна.

Накануне смертельного приступа И.В. Сталина Истомуна без видимой причины вызвали с ближней дачи. Несомненно, будь Валентина Васильевна рядом со Сталиным, то трагического конца не случилось бы ни при каких обстоятельствах. Эта женщина была ангелом-хранителем вождя народов.

После смерти Сталина Истомуна была освобождена от должности и уволена из органов, но затем восстановлена на работе в 9-м Управлении КГБ. В 1959 году в звании младшего лейтенанта уволена в запас.

Наверняка хрущёвские прислужники пытались добиться от неё признаний «в сексуальных домогательствах». Но не добились. Валентина Васильевна осталась предана Сталину и после его смерти. Она скончалась в 1995 году. И никто не смог добиться от неё признаний «в грубости и деспотизме» Сталина. Вероятность того, что сохранились какие-либо воспоминания, мала, поскольку они могли стоить жизни их хранителю.

Дочь Светлана действительно бежала из СССР, а вернее, от хрущёвских преследований. Сразу же после смерти Иосифа Виссарионовича от неё стали требовать отречься от отца. Сменить фамилию и разоблачить семейного деспота. Ради детей она сменила фамилию на материнскую — Аллилуева. Но участвовать в «разоблачительной антисталинской» кампании не стала.

В 1966 году Светлана Иосифовна приехала в Индию, сопровождая прах своего фактического мужа Баджеша Сингха. Она попросила советского посла Бенедиктова позволить ей остаться в Индии, но он настаивал на том, чтобы она вернулась в Москву, и заявил, что ей больше не разрешат выехать из СССР. В тот же день она явилась в посольство США в Дели и попросила политического убежища. «...Моё невозвращение в 1967 году было основано не на политических, а на человеческих мотивах. Напомню здесь, что, уезжая тогда в Индию, чтобы отвезти туда прах близкого друга — индеец, я не собиралась стать дефектором, я надеялась тогда через

месяц вернуться домой. Однако в те годы я отдала свою дань слепой идеализации так называемого «свободного мира», того мира, с которым моё поколение было совершенно незнакомо».

Об истинном отношении Светланы к своему отцу можно прочесть в её книге воспоминаний «Двадцать писем к другу». Вот выписка о последних часах жизни Сталина: «Отец был без сознания, как констатировали врачи. Инсульт был очень сильный; речь была потеряна, правая половина тела парализована. Несколько раз он открывал глаза — взгляд был затуманен: кто знает, узнавал ли он кого-нибудь. Тогда все кидались к нему, стараясь уловить слово или хотя бы желание в глазах. Я сидела возле, держала его за руку, он смотрел на меня — вряд ли он видел. Я поцеловала его и поцеловала руку, — больше мне уже ничего не оставалось. Как странно, в эти дни болезни, в те часы, когда передо мною лежало уже лишь тело, а душа отлетела от него, в последние дни прощания в Колонном зале — я любила отца сильнее и нежнее, чем за всю свою жизнь. Он был очень далек от меня, от нас, детей, от всех своих ближних. На стенах комнат у него на даче в последние годы появились огромные, увеличенные фото детей — мальчик на лыжах, мальчик у цветущей вишни, а пятерых из своих восьми внуков он так и не удосужился ни разу повидать. И всё-таки его любили, и любят сейчас, эти внуки, не выдавшие его никогда. А в те дни, когда он успокоился наконец на своем одре, и лицо стало красивым и спокойным, я чувствовала, как сердце моё разрывается от печали и от любви. Такого сильного наплыва чувств, столь противоречивых и столь сильных я не испытывала ни раньше, ни после. Когда в Колонном зале я стояла почти все дни (я буквально стояла, потому что сколько меня ни заставляли сесть и ни подсовывали мне стул, я не могла сидеть, я могла только стоять при том, что происходило), окаменевшая, без слов, я понимала, что наступило некое освобождение. Я ещё не знала и не осознавала — какое, в чём оно выразится, но я понимала, что это — освобождение для всех и для меня тоже от какого-то гнета, давившего все души, сердца и умы единой, общей глыбой. И вместе с тем, я смотрела в красивое лицо, спокойное и даже печальное, слушала траурную музыку (старинную грузинскую колыбельную, народную песню с выразительной, грустной мелодией), и меня всю раздирало от печали. Я чувствовала, что я — никуда не годная дочь, что я никогда не была хорошей дочерью, что я жила в доме как чужой человек, что я ничем не помогала этой одинокой душе, этому старому, больному, всеми отринутому и одинокому на

своем Олимпе человеку, который всё-таки мой отец, который любил меня, — как умел и как мог, — и которому я обязана не одним лишь злом, но и добром... Я ничего не ела все те дни, я не могла плакать, меня сдавило каменное спокойствие и каменная печаль».

И о самых последних минутах: «Очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг вверх левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела... Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик; через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым. Все стояли вокруг, окаменев, в молчании, несколько минут — не знаю сколько — кажется, что долго. Потом члены правительства устремились к выходу — надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей... Все они суетились тут все эти дни, старались помочь и, вместе с тем, страшились — чем всё окончится? Но искренние слезы были в те дни у многих — я видела там в слезах и К.».

И вот прощание: «Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шоферы, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садовники — все они тихо входили, подходили молча к постели, и все плакали. Утирали слезы, как дети, руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама плача. А я-то, каменная, сидела, стояла, смотрела, и хоть бы слезинка выкатилась... И уйти не могла, а всё смотрела, смотрела, оторваться не могла. Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина — Валечка, как её все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей. Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту — наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» — генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на

жестокость — наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо, и никогда не получали отказа. А Валечка — как и все они — за последние годы знала о нем куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчужденно. И за этим большим столом, где она всегда прислуживала при больших застольях, повидала она людей со всего света. Очень много видела она интересного — конечно, в рамках своего кругозора — но рассказывает мне теперь, когда мы видимся, очень живо, ярко, с юмором. И как вся прислуга, до последних дней своих, она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем».

В 1984 году С.И. Аллилуева вернулась в СССР. Политбюро восстановило гражданство. Она жила в Москве и в Грузии. Но в начале перестройки началась новая волна «разоблачений» Сталина. В 1986 году Светлана Иосифовна опять уехала из страны.

Но главной женщиной Сталина была его мать Екатерина (Кеке) Геладзе. Она всю жизнь мечтала, чтобы её Сосо стал православным священником. Именно она настояла на том, чтобы он поступил в Горийское духовное училище. Иосиф закончил училище с отличием и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Здесь он познакомился с революционными идеями и увлёкся революционной борьбой. Семинарию оставил и стал одним из вождей партии большевиков. Со временем возглавил огромную империю СССР. Но Кеке сожалела, что её Сосо так и не стал священником. Несомненно, что Иосиф Виссарионович неоднократно уговаривал мать переехать в Москву, но она осталась в Грузии.

Скончалась Екатерина Геладзе-Джугашвили в 1937 году и похоронена в пантеоне выдающихся деятелей Грузии в Тифлисе на горе Мтацминда рядом с церковью святого Давида.

Конечно, это далеко не все женщины, с которыми близко сводила судьба Иосифа Виссарионовича Сталина. Но и приведённые рассказы ярко свидетельствуют о личности незаурядной, исторической и... земной.

Эдуард МОХНАТКИН,
доктор технических наук, профессор

ВЫМИРАЮЩИЙ РУССКИЙ СЕВЕР

Наполеоновская Франция в начале XIX века воевала с Россией на равных, имея практически близкое народонаселение (Россия 36 млн., Франция 28 млн.). Почти через столетие народонаселение России, к 1900 году, составляло уже 124,6 млн. человек, в то время как во Франции оно выросло только до 39 млн. Могущество России к этому времени выросло несопоставимо с Францией!

В одном из литературных произведений XIX века приводится такой типичный эпизод из жизни российской глубинки. Местный сельский священник на одной из будничных проповедей «стыдит» одну из прихожанок: «Что это наша красавица Дарьюшка Петрова уже три года как ходит пустая — не дарит нам новую живую душу?» То есть пастырь внимательно наблюдал за жизнью каждого прихожанина и направлял их жизненные усилия на праведный путь — умножение главного богатства страны, её народонаселения! По прогнозам Д.И. Менделеева, к 1950 году население России должно было составить 500 млн. человек!

Однако враждебным силам западных стран путём развязывания двух мировых войн и

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

внутренней смуты 1917 года удалось прервать пугающее развитие России, в первую очередь — по росту её населения, которое является главным фундаментом развития страны, с учётом того, что более двух третей нашей страны находится в холодном климате — в нелёгких для выживания условиях.

В настоящее время в северных и средних широтах России наблюдается катастрофическое снижение рождаемости! Например, если взять статистику умерших и родившихся за август 2023 года в каких-либо регионах страны и разделить количество родившихся на количество умерших в них, то получим коэффициент, который можно назвать коэффициентом воспроизводства (КВ).

Для минимального воспроизводства этот коэффициент должен быть обязательно больше единицы — минимально 1,2. Полученные данные по областям шокируют! В 15-ти областях России умерло за месяц народа почти в 2,5 раз больше, чем родилось! Например, в Рязанской — в 2,44 раза (КВ 0,41), в Псковской и Орловской — в 2,33 (КВ 0,43), Тамбовской и Тверской — в 2,27 (КВ 0,44), в Тульской — в 2,32 раза (КВ 0,43) **Эти сводки по вымиранию некоторых областей России под стать сводкам с фронта, где страна терпит историческое поражение!**

Объяснение причин такого вымирания многообразны — и суровый холодный климат, резко удорожающий жизнь, и отсутствие хорошо оплачиваемой работы, и дороговизна жилья, и падение вековых морально-нравственных традиций, и многое другое.

Необходимы неотложные, чрезвычайные меры по увеличению рождаемости во многих областях и регионах России! Эта задача по важности стоит наряду с обеспечением военной-технической безопасности страны.

Мы добились впечатляющих результатов в развитии сельского хозяйства, промышленности и ВПК, в обеспечении суверенитета страны. Руководство России принимает многозатратные меры по решению проблем депопуляции. Однако принимаемые меры не приносят желаемого перелома.

Самые неотложные, экстренные меры необходимо применять целенаправленно — к конкретным местам бедствия пропорционально коэффициенту депопуляции данного региона! То есть льготы по рождению детей должны предоставляться дифференцировано — с привязкой по месту бедствия! Аналогично тому, как при стихийном бедствии из Федерального центра для ликвидации последствий выделяются средства для решения конкретной проблемы в конкретном месте в зависимости от степени бедствия. И никаких «обид» о неравенстве выделенных средств по регионам не должно быть!

В вопросах демографии в настоящее время особое внимание руководство страны уделяет многодетным семьям. Это, конечно, правильно. Но решение проблемы заключается в том, **чтобы прежде всего появилось много «среднедетных» семей в вымирающих районах, семей более чем с двумя детьми!**

Чтобы каждая семья в этих регионах знала, что двое детей в семье — это гражданский долг семьи перед Отечеством, а третий и следующий ребенок — это вклад семьи в будущее своего региона — своей малой родины. И это должно поощряться адекватными мерами, местными распоряжениями и средствами, выделяемыми из Федерального центра.

Меры помощи в районах бедствия должны быть направлены на появление большего количества «среднедетных» семей (три ребенка и более). Например, если в каком-то регионе предусмотрены льготы после рождения 3-го ребёнка (например, выделение бесплатной квартиры), то приехавшая сюда многодетная семья из других регионов или стран, сможет воспользоваться льготами только после рождения ещё троих детей, проживая в данном регионе.

Однако до сих пор многодетная семья, например, приехавшая из Узбекистана, не увеличивая рождаемости в данном регионе, получала все местные льготы (жильё, пособия и т.д.), оттесняя в очереди местные трёхдетные семьи, то есть усугубляя проблему деторождения.

Положительным примером решения проблемы депопуляции из среднеширотных областей России является Тюменская область! Руководству области удалось, благодаря комплексу мер, при поддержке правительства России обеспечить высокую рождаемость — на каждого умершего там теперь рождается полтора человека (КВ равен 1,47, даже лучше, чем в Москве — 1,12). Этот факт подтверждает **правильность** стратегии в борьбе с депопуляцией в областях бедствия, в создании адекватных условий для появления большего количества «среднедетных» семей.

Для перелома демографической тенденции в конкретных регионах бедствия нужны неотложные комплексные, постоянно действующие меры. Эти меры многозатратны и давно известны: в первую очередь, обеспеченность жильём и сопровождающей инфраструктурой по воспитанию детей (детские сады, школы, медицина, пособия и т.д.). Но эти затраты окупятся многократно в будущем! Губернаторы должны отчитываться перед президентом о прирастании народа!

Каждую пятилетку перечень льгот в районах бедствия может пересматриваться в сторону улучшения в зависимости от специфики региона.

Простая арифметика показывает, что если не принять чрезвычайных экстренных мер по исправлению сложившейся ситуации в депопуляции страны, то полное вымирание многих областей России — просто вопрос времени, в пределах 50—100 лет. То есть цивилизация, которая существует на земле более 75 веков (7532 год от сотворения мира), являющаяся скрепом всех народов страны, исчезнет менее чем за один век! В этом случае распад страны неминуем.

Все патриотические силы страны, в том числе и Православная церковь, должны быть объединены и нацелены на решение этой исторической задачи в конкретных местах бедствия, несмотря на сопротивление пятых и других колонн наших недругов, мечтающих о распаде и уничтожении нашей великой Родины.

г. Санкт-Петербург

Александр САМСОНОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС РАЗРУШАЕТ РОССИЮ

Председатель СК России поручил возбудить уголовное дело по факту нападения на жителей Петербурга азербайджанской молодежи. Один из нападавших, 18-летний Турал, вёл телеграм-канал «Жизнь бродяги». В нем он публиковал хулиганские выходки своей компании. Контент юного «бродяги» был посвящен в основном избиению прохожих, вандализму и нарушению ПДД.

На эти ролики обратил внимание министр внутренних дел Бастрыкин, велел региональному управлению возбудить уголовное дело. Только после этого соответствующие госорганы проявили активность.

То есть юноши с Южного Кавказа бесчинствовали онлайн, выкладывая свои «подвиги» в Сеть в режиме настоящего времени, а петербургская полиция этого не замечала. Хотя у нас в РФ есть куча силовых структур, которые следят за Интернетом в поиске «экстремизма», «дискредитации», «русского национализма» и т.д.

На развалинах СССР был создан грабительский режим в интересах узких групп, каст и кланов олигархов-плутократов, компрадорской (воровской) буржуазии и этнических диаспор — и внутренних, и из республик, которые получили независимость (Грузия, Азербайджан, Армения, Узбекистан и пр.).

После подавления народного восстания в 1993 году ельцинский режим создал такую систему, при которой никто не мог помешать разграблению страны, затянувшемуся на десятилетия.

В частности, была скопирована миграционная политика западных государств, когда коренные народы подвергаются дискриминации и поощряется завоз инокультурных пришельцев-мигрантов, которыми постепенно замещают вымирающее и стареющее коренное население. Для этого с 90-х годов в российскую действительность внедрялись элементы сегрегации и апартеида. Сегрегация — расовое и национальное разделение. Понятие «апартеид» обычно применяли в отношении ЮАР, где белая община господствовала над миллионами негров. Надо заметить, что при этом страна процветала, а как только власть отдали неграм, ситуация коренным образом поменялась в худшую сторону.

В постсоветской России власть захватили «интернациональные» кланы олигархов, которые с помощью ручного правительства и чиновников устроили такую систему, в которой этнические диаспоры из Азербайджана, Грузии, Чечни, Узбекистана, Таджикистана чувствовали и чувствуют себя прекрасно. Они контролируют черный и серый «бизнес». Массы их рядовых сородичей работают на стройках капитализма, в торговле и в других сферах. В частности, захватили продовольственные рынки, перекупая за бесценок продукты у фермеров-крестьян и продавая уже в несколько раз дороже.

Чтобы преступники и преступность «не имела национальности», власти изъяли из паспортов графу «национальность», а в СМИ запретили упоминать национальность преступников. Национальный русский вопрос всячески табуировался, чтобы «не раскачивать лодку».

Однако исторические, демографические и этнографические процессы закономерны и объективны. Прошло 30 лет такой политики, и мы теперь видим её страшные плоды.

Коренное население России последовательно замещают на инокультурных пришельцев, которые уже утратили принадлежность к русской культурной и языковой общности. Они несут в Россию свои смыслы и традиции: архаику, исламизм, традиционные промыслы (работоторговлю, оружие, наркотики).

Этнические диаспоры постепенно становились выше закона на фоне атомизированных, разделенных русских масс. Неудивительно, что пришельцы-мигранты, да и внутренние «новые варвары», которые живут по принципу «слабых бьют», измываются над теми, кто не может дать отпор. А отпор — «превышение самообороны», за которое немедленно сажают на большие сроки.

В итоге русские стали кормовой базой разного рода социальных паразитов.

На самом деле порядок в этой области навести можно быстро и просто. Надо восстановить нормальную государственность, которая основывается на государствообразующем народе — русских. Действовать надо в рамках закона, но демонстративно строго и показательно. Кавказский беспредельный молодняк — жестко задерживать с помощью ОМОНа, затем — суд и тюрьма. После тюрьмы высылка на историческую родину без права возвращения в Россию. Так же можно разгромить все этнические ОПГ, олигархические кланы и «семьи». Собственность конфисковывать, национализировать. А миграционную политику изменить коренным образом: временный завоз на работу и четкий контроль. За нарушение закона — жесткое наказание.

Но мы понимаем — этого в обозримое время скорее всего не случится. Нынешний Кремль будет слушать Баку, Бишкек или Грозный. За распоясавшихся мигрантов вступятся интернациональные олигархи (так называемый, по формулировке Кремля, «ответственный бизнес»), этнические общины, их авторитеты в правительстве, а «либеральная общественность» призовет соблюдать принципы толерантности и политкорректности.

Вот только у русских во власти защитников нет.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

Декабрь 2023 — январь 2024 гг.

Он говорит красивые слова на Русском народном соборе о значении русской нации и параллельно заполняет страну среднеазиатскими мигрантами.

Патриарх Кирилл 28 ноября на заседании XXV Всемирного Русского Народного Собора в Кремле миграционную проблему назвал одной из главных проблем, остро стоящих перед страной. Но президент в ответном слове на это опасение патриарха не произнес ни слова.

* * *

Утром 7 декабря восьмиклассница устроила стрельбу из охотничьего ружья в брянской школе. Двое погибших и пятеро раненых. В дневных и вечерних новостях на радио- и телеканалах об этом не сказано ни слова. Утром мельком сообщили, и всё. Почему-то власть решила скрыть и замаять эту очередную школьную трагедию. Юная террористка пронесла в класс дробовик в тубе. Охрана, как обычно, тубу не проверила, хотя было принято специальное постановление правительства по учеб-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ным заведениям: проверять через рамку все вещи, проносимые в школу.

В тот же день на Площади Революции в Москве торжественно зажгли огромную ханукальную менору с надписью у основания: «Хабад Любавич поздравляет с праздником»... Еще больших размеров менору зажгли в центре Киева...

Если 7-го декабря центральное ТВ промолчало о брянском происшествии, значит, как можно понять, оно получило соответствующее указание от вышестоящего руководства. Похоже, решили не усугублять и без того непростую моральную атмосферу в стране. Ведь буквально за сутки до этого в Подмоскowie, в закрытом для посторонних одицовском санатории, был убит бывший депутат Рады, частый гость российских политических программ Илья Кива. Исполнитель скрылся. А месяц назад было совершено покушения на другого бывшего депутата Рады, известного политика и общественного деятеля Олега Царева. В него дважды стреляли, но он выжил.

После убийства Ильи Кивы на украинском телевидении была невероятная радость, чуть ли не государственный праздник. Хохлосакауны с сияющими физиономиями вновь запрыгали от счастья. Для чего нашим большим командующим нужно, чтобы работало и скалилось от удовольствия укротелевидение, понять невозможно. Два года, пока идет СВО, оно скалится, и ни один волос не упал ни с одного укротелерусофоба. Г-н Д. Медведев не устает грозить и обещать «ответить» Украине за теракты на нашей территории. Но ни в одном здании на Банковой в Киеве от этих угроз за два года ни одно стекло не треснуло.

* * *

Уже на следующий день стало ясно, отчего центральные телеканалы 7 декабря промолчали о трагедии в брянской школе. Их менеджерам уже было известно, что 8 декабря состоится торжественное, прямо-таки публично-праздничное согласие Путина на участие в президентских выборах 2024 года. И весь день все новостные программы будут начинаться с продолжительных, духоподъемных, радостных репортажей, посвященных столь «неожиданному» и одновременно «долгожданному» событию. А сообщения о стрельбе в школе, конечно же, испортили бы телевизионный праздник...

* * *

В.В. Путин 14 декабря в интервью политическому обозревателю ВГТРК Павлу Зарубину признался, что в начале двухтысячных годов был наивным и, несмотря на то что служил в разведке, затем был Директором ФСБ, Секретарем Совета

безопасности и премьер-министром РФ, не верил в то, что западные лидеры мечтают развалить Россию. Не уточнив, правда, когда именно спала пелена с его глаз...

И это при том, что все 90-е годы патриотическая пресса устами русских политиков, ученых и писателей из номера в номер и изо дня в день вещала о планах Запада по развалу, закабалению и уничтожению России. Это при том, что госсекретарь США С. Бжезинский к тому времени уже произнес и опубликовал одно из главных сакральных намерений американской политической мечты: «После победы над Советским Союзом главным нашим врагом является православие».

Очень странно теперь слышать о наивности людей, волею судьбы оказавшихся в начале двухтысячных у власти. Но наивность ли это? А может, элементарная для того времени политическая безграмотность? Правда, слава Богу, ближе к нынешним временам наконец-то преодоленная. Но сколько для ее преодоления потребовалось лет и жертв!

Впрочем, понять это можно. Школа Собчака учила совсем другой грамотности — той, которую мы теперь видим по его супруге и дочери.

* * *

20 декабря в столичном клубе «Mutabor», которым владеет некая Настя Ивлеева, состоялся очередной предновогодний шабаш элитной либерально-педерастической тусовки (определение «либеральный» имеет в данном случае этническое соответствие). Всё закономерно: ведьмы и черти всегда собираются на свой шабаш перед Рождеством. Главным условием сборища, плата за участие в котором доходила до миллиона рублей, было требование явиться почти голяком. Некоторые тусовщики это требование выполнили на 100%, без всякого «почти». Фигуранты этого ведьминско-педерастического шабаша настолько оборзели от безнаказанности и наглости, что свободно и спокойно фиксировали свои развратные пляски на фото- и видеосъемки. Естественно, всё это тут же появилось в интернете. И главные наши элитные тусовщики в очередной раз предстали перед страной во всём своем непотребстве — Киркоров, Лазарев, Билан, Джиган, Глюкоза, Лолита Милявская, Алёна Водонаева, Собчак...

Кадры с этого шабаша дошли и до наших бойцов, находящихся в окопах СВО. В. Соловьев в своей вечерней телепрограмме показал заснятое на камеру их коллективное обращение к президенту с требованием вырезать из российского телеэфира этих моральных разложившихся, ловящих голый кайф в то время, когда они защищают страну и гибнут на фронтах. Что ж, посмотрим на реакцию президента, его пресс-секре-

таря да и других руководителей силовых структур и членов правительства.

С таким же требованием выступил и депутат Госдумы от фракции «Справедливая Россия» Дмитрий Гусев. Соответствующее письмо он направил руководству Первого канала, ВГТРК и НТВ. Интересно будет посмотреть, возымеет это письмо хоть какое-то действие... Ведь новогодние либерально-педерастические шоу, немногим отличающиеся от ивлевского шабаша, уже сняты, записаны и оплачены теми самыми телеканалами, куда направил свое письмо депутат...

Своеобразной была реакция псевдоказака К. Затулина и ведущего телепрограммы «60 минут» Е. Попова на этот голый шабаш. Затулин (с ехидной ухмылкой): «Ну и что? Подумаешь... Тоже мне, событие... Я даже и не слышал об этом...» Попов: «А что они нарушили? Какую букву закона? Есенин, Высоцкий тоже не были ангелами и любили погулять...»

* * *

Захар Прилепин в одном из своих телеэфиров в конце 2023 года обратился на самый верх российской власти с предложением о приеме Узбекистана и Таджикистана в состав Российской Федерации. После чего МИДы этих республик тут же вызвали наших послов для выражения протеста. Марии Захаровой даже пришлось публично оправдываться, говоря, что это личная инициатива широко распиаренного писателя, не имеющая никакой связи с позицией российской власти.

Для чего Прилепину понабилося выступать с подобным предложением — наверное, одному только аллаху известно. К тому же предложение это явно крайне запоздалое. Узбекистан и Таджикистан давно уже сами присоединили к себе Российскую Федерацию. И в этом очень легко убедиться. Зайдите в любой вагон московского метро — как минимум, полвагона пассажиров, а то и больше, будут узкоглазыми. Метро ими просто переполнено. Такое впечатление, что оно в основном работает исключительно для их перевозки. Зайдите в любой продуктовый магазин — все продавцы и рабочие такие же азиаты. Зайдите в парикмахерскую — все мастера азиаты. Зайдите в любую поликлинику Москвы — 90% «врачей» имеют среднеазиатские имена и фамилии. Среди курьеров — только азиаты. Уборщицы самых разных офисов и организаций — те же азиатки. Не говоря уже о таксистах, строительных и дорожных рабочих, дворниках и т.д., и т.п., ну и, конечно же, о криминальных сводках... И это уже они ставят нам свои условия, а не наоборот.

Так что Прилепин явно всё проспал и поздно проснулся со своим предложением. И правильно среднеазиатские МИДы

вызвали наших послов. Как Таджикистан и Узбекистан могут быть присоединены к России, если Россия уже давно присоединена к ним?..

Лидер КПРФ Зюганов в докладе на съезде своей партии 23 декабря произнёс весьма странную фразу: «Наша партия всё делает для поддержки рабочего класса России». Он словно всё еще пребывает в стране 40-летней давности. Нет уже давным-давно в России никакого рабочего класса. Исчез, растворился, тихо и молча ушёл в небытие (бывший гегемон). А его место заняли гастарбайтеры. Но Геннадий Андреевич, видать, этого так и не заметил. И, по его словам, вместе со своей партией «всё делает для поддержки» нового «рабочего класса» — трудовых мигрантов...

Наконец-то Эрдоган сказал эти слова: «Нетаньяху — это Гитлер. А Израиль — это фашистская Германия со своими концлагерями, геноцидом палестинцев и убийством детей».

Вот только наши небожители всё никак на это не решатся. Официального осуждения Израиля и его премьер-министра со стороны Кремля так и не последовало. И нацистский преступник Биньямин Нетаньяху, как и прежде, остаётся «большим другом России», несмотря на поставку Тель-Авивом Украине боевых беспилотников и другой военной техники. Это что, так сильно и так влиятельно израильское лобби в высших кругах российской власти? А может, не только во власти, но и в семейных кругах... Уж больно ссориться им не хочется...

Интересно было бы спросить у самой Пугачевой: она «Народная артистка России» какого народа? Не того ли, которого она то и дело обзывает рабским?.. То есть получается, что она рабско-народная артистка? Могу себе представить, сколько злобы, крика и брызжущей слюны исторгнется из нее после этого вопроса. Но не пора ли уже освободить ее от звания «народной» столь ненавистного ей народа?

Тридцать с лишним очень «культурных» демократических лет привели нас к этому абсурду: еврейская русофобка, гражданка Израиля, у нас — Народная. А замечательная русская певица Татьяна Петрова этого звания так и не удостоилась. Что же это за такие умные деятели руководят нашей культурой?

30 декабря Украина нанесла несколько ракетных ударов по Белгороду, в том числе по центру города с детским катком.

25 человек погибли сразу, из которых пятеро детей. 107 были ранены, в том числе 14 детей. Несколько человек оказались в реанимации в тяжелом состоянии. Среди уже начавшихся развлекательных шоу-певческих программ сообщения о человеческих трагедиях в этот день звучали как из другого, из параллельного мира. И сразу после этих сообщений запускалась разухабистая крикливая реклама, которая в этой ситуации воспринималась как издевательство над естественными чувствами людей. Реклама — не что иное, как электронное оружие по разрушению и зомбированию человеческой психики. Несколько лет назад я писал в «Протуберанцах», что даже после сообщений о нанесении по нашей стране ядерного удара, как ни в чём не бывало, пойдет реклама...

Представитель Следственного комитета проинформировал нас о том, что будут возбуждены уголовные дела против тех, кто подписал «преступные приказы» о нанесении воздушных ударов по гражданским объектам России. После двухлетней практики нанесения этих ударов. Но все нормальные люди в нашей стране считают, впрочем, даже не просто считают, а уверены в том, что надо разрывать дипотношения с Украиной и объявлять ей войну.

Владимир Владимирович, вы всё еще «открыты к переговорам»?

* * *

Население наше, как обычно, легко и доверчиво проглатывает многочисленные, ни на чём реально не основанные заверения высших властей. Заверения, которые носят, по большей части, декларативный или самопиарный характер. На одной из своих декабрьских пресс-конференций 2023 года В. В. Путин рассказал нам, что авиапром планирует к 2030 году выпустить СВЫШЕ 1000 гражданских самолетов. Конечно же, он озвучил цифру, представленную ему некими экспертами. Но сам-то он должен же понимать, ЧТО говорит.

За прошедший 2023 год Россия выпустила на свои авиалинии всего два гражданских самолета. Исходя из озвученной президентом цифры, за оставшиеся шесть лет мы должны будем производить и сдавать в эксплуатацию не менее 170 самолетов в год (ведь Путин назвал цифру «СВЫШЕ 1000»). Самый большой показатель по выпуску гражданских авиабортов Советского Союза приходится на 1990 год. Тогда было сдано в эксплуатацию 65 отечественных самолетов. Это при том, что непосредственно в авиапромышленности страны было задействовано 2 миллиона человек, учитывая, конечно же, Украину и не считая многих сотен других

смежных предприятий, работавших по авиационным заказам как в российской провинции, так и в бывших союзных республиках.

Думаю, не надо никому объяснять, что в теперешнем российском авиапроме и близко нет ничего похожего. Однако, согласно озвученным президентом планам, нынешняя Россия, между прочим, воюющая на фронтах СВО, уже с этого года должна превзойти авиастроение СССР почти в три раза (!). Это при том, что для украинского фронта нужно еще производить новые боевые самолёты и вертолёты. Люди, близкие к авиапроизводству, понимают, что слова эти были на всю страну с лёгкостью произнесены президентом без серьёзного смыслового проникновения в них. Но кто же эти лукавые «эксперты», которые сознательно или просто по своей безответственности ввели в заблуждение президента?..

* * *

Нет больше тех молодых безмозглых прыгунов киевского майдана 2014 года. Отпрыгались. За прошедшие 10 лет одни из них сбежали за границу, другие лежат в земле под жёлто-синим флагом. Теперь хитродупые, откосившие от армии «нацгвардейцы» хватают, где придется, и тащат в военкомат украинских стариков, женщин и даже депутатов. Хватают, как говорят сами хохлы, «на мясо». То есть фашизм в самом что ни на есть подлинном виде. А еще более хитродупая еврейская Рада требует от стран Европы депортации «Вукраину» сбежавших прыгунов. Через какое-то недолгое время начнут хватать «на мясо» и тех хитродупых, которые хватают теперь не пригодных к армии хохлов. А затем Зеленский и его еврейская банда сбегут «Сукраины» за океан, подальше от несостоявшейся «нэзалэжно-самостийной» страны. Не захотела Украина жить в мире и дружбе с Россией, захотела жить с «Эуропой». Прыгуны на майдане 10 лет назад прыгали ради безвиза с ней и кружевных трусов, одновременно визжа: «Смерть кацапам!» Теперь вся внутренняя граница «нэзалэжной» перекрыта бандой Зеленского наглухо, комар не проскочит, теперь им, хохлам, не до безвиза и не до кружевных трусов — одна у них жуткая мысль: как бы «на мясо» не уташили.

А те еще не сдавшиеся упёртые дебилы, что быются на российском фронте, останутся гнить в своих окопах даже без жёлто-синего флага. И на этом искусственно слепленная «Украина» кончится — раз и навсегда. Ее слепили после 1917 года, потом добавили земли после 1945-го. В 1991-м хохлам дали шанс на построение своего государства, отпустили мир-

но, без единого выстрела. Но они этот шанс использовали против России. Я уже не раз писал: не в коня был корм.

Вот истина и проявилась. Через боль, кровь и огромные жертвы. Но так чаще всего она и проявляется. Теперь главное — больше не заблуждаться на их счет и не играть с ними ни в какую «нэзалэжность». Земля эта, многожды раз политая нашей кровью, должна стать русской и больше никакой. Даже пройдя через предательство власти, которое еще возможно, земля эта должна стать русской.

Птенцы гнезда Собчака. Администрация Санкт-Петербурга в лихие 90-е:

мэр — А.А. Собчак;

первый зам. мэра — В.В. Путин;

эксперт Комитета по внешним связям — Д.А. Медведев;

главный экономический советник мэра — А.Б. Чубайс;

управляющий имуществом города — Г.О. Греф;

председатель Комитета экономики и финансов — А.Л. Кудрин;

нач. отдела Комитета по экономическому развитию, позже —

Комитета по экономике и финансам — С.Е. Нарышкин;

зам. председателя Комитета по внешним связям — В.А. Зубков;

начальник аппарата первого зама мэра и председателя Комитета по внешним связям — А.Б. Миллер;

зам. мэра, председатель Комитета по соцвопросам — В.Л. Мутко;

нач. отдела в Комитете по внешним связям, затем зам. председателя этого Комитета — В.Е. Чуров;

председатель Юридического комитета — Д.Н. Козак;

нач. Управления административных органов — В.П. Иванов.

Это о чём-нибудь кому-нибудь говорит?

«Ксюша» и ее мама могут чувствовать себя вольготно.

Разве могут эти люди запретить рекламу на ТВ и избавить Россию от среднеазиатской миграции?

У фашистского Израиля и фашистской Украины одна и та же тактика: бить по главным для них военным объектам — гражданскому населению. И чем больше будет убито мирных людей, тем лучше и тем радостнее для фашистских извергов.

Воскресным утром 21 января по приказу из Киева был нанесен удар французскими и германскими артиллерийскими установками по донецкому рынку, когда там было много народа. Сразу погибло 28 человек, из них двое детей, и 30 чело-

век получили ранения. Месяца не прошло после такого же удара по Белгороду.

Наш МИД выступил с заявлением, осуждающим очередной «террористический акт киевского режима» и потребовал аналогичного осуждения со стороны Европы, снабжающей этот самый «режим» своей артиллерией и ракетами с кассетной начинкой. Мы ведь на провокации не отвечаем... Но вот Кремль упорно не решается объявить фашистскую Украину террористическим государством. И, по всей видимости, уже не решится, сколько бы ни повторилось трагедий, подобных белгородской и донбасской. Похоже, решилка за два года СВО так и не выросла. И если за эти два года ни одно здание на Банковой в Киеве не пострадало, значит, кому-то в Кремле это было нужно.

После белгородских жертв в Киев спокойно в комфортном железнодорожном экспрессе приезжал английский премьер Сунак. А уже в понедельник 21 января, сразу после страшного донбасского теракта, в Киеве оказался польский премьер Дональд Туск. При объездах на вокзале они с Зеленским радостно улыбались...

* * *

24 января две украинские ракеты ПВО сбили возле Белгорода наш транспортный самолет «Ил-76» с украинскими пленными. Погибли шесть членов экипажа, трое сопровождавших эту доставку и 65 граждан «нэзалэжной», оказавшихся в нашем плену и готовых к обмену.

Конечно, этот варварский теракт потрясает сознание и чувства нормальных людей, однако он был вполне ожидаем. Киевская нацистская сволочь открыто обещала: «Мы в скором времени сильно удивим российскую власть...» И у немалого числа наших людей после этой очередной (в которой уже раз!) трагедии сразу возник вопрос: зачем надо было доставлять украинских пленных на самолете до самого Белгорода, небо над которым простреливается украинскими системами ПВО, находящимися под Харьковом? Хотелось простых и быстрых решений доставки? Что, разве не знали, что Украина не однажды сбивала пассажирские самолеты? Не знали, что она в своей агонии готова на любые провокации ради обвинения России в чём угодно? Не знали, что Запад закроет глаза на любую террористическую мерзость этих отмороженных нацистских нелюдей? Ведь самолет можно было приземлить в Ростове или в Липецке, а на границу доставить пленных на автобусах. Более того, наш транспортник летел без охранного сопровождения истребителей.

И одновременно висит в воздухе другой вопрос: почему украинские системы ПВО до сих пор находятся под Харьковом? Не хватило двух лет, чтобы их уничтожить? Как сказал президент на встрече со своими доверенными лицами 31 января, «по данным экспертов, это была американская система «Пэтриот».

* * *

На секретариате Союза писателей России, состоявшемся 23 января, был, в общем-то, констатирован удручающий и вполне ожидаемый факт пока еще *моральной* смерти русского патриотического журнала «Наш современник». Ранее об этой моральной смерти журнала объявил в своей газете Александр Проханов, вышедший из его редколлегии. Смерть эта была неизбежна, и я в ней давно не сомневался. Отошедший ныне от дел по причине глубокого возраста, Станислав Куняев долгое время на каждом шагу, выпячивая свой журнал, кричал, что он «лучший в России» (несмотря на ежегодное значительное падение тиража и подписки), и при этом собственными руками готовил могильщика этого журнала. После того, как журнал взяли в свои руки сын девятилетнего поэта Сергей и его жена Карина Сайдаметова, неугодные им писатели были из него уволены. (Неприглядную историю их увольнения пересказал Александр Сегень в «Литературной газете» от 20.01.2024.)

В последних номерах «Нашего современника» за 2023 год все увидели другую обложку — серого цвета и без памятника Минину и Пожарскому. Многих русских читателей, как и писателей, даже не знающих о внутренних редакционных поползновениях, это, конечно, удручило. Но главное было даже не в этом — не в том, что обложка из белой превратилась в серую с какими-то странными водяными разводами. Главное было в том, что содержание журнала стало таким же серым и никчемным, как бы «нейтральным», потерявшим прежнюю остро выраженную патриотическую позицию.

Как сказано в решении секретариата, Союз писателей России больше не является партнером «Нашего современника» и обращается к региональным отделениям СП с рекомендацией не оформлять подписку на «НС». Вслед за Прохановым из редколлегии журнала вышел Владимир Крупин.

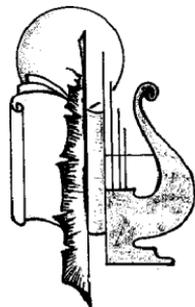
Приходится признать, что журнал этот перехвачен людьми не нашими. И перехват этот будет проявляться всё явственнее до тех пор, пока «НС» не отомрет окончательно, уже физически.

ЦВЕТЫ ОЖИДАНИЯ

О книге Владимира Пронского «Воспоминания о розах»

Новый сборник Владимира Пронского вместил три повести и десять рассказов. В них автор сохраняет лучшие традиции русской классической прозы. Показанные в книге истории настолько правдивы и жизненны, что порой читателю кажется, будто он хорошо знаком с героями.

Сборник открывает повесть «Младшая дочь». Её сюжет интересен и актуален. Автор ненавязчиво с самых первых строк приглашает читателя к участию в жизни старшеклассницы, которая забеременела и сразу столкнулась с непониманием и осуждением не только в школе, но и среди родственников. Если старшая замужняя сестра отнеслась к пятнадцатилетней Варе с сочувствием, то мать приняла новость о её беременности в штыки. А любимый парень и вовсе призвался в армию. И неизвестно, как справилась бы будущая мама с навалившимися на неё проблемами без поддержки врача, у которой она наблюдалась в женской консультации. В конце концов, эта история разрешилась благополучно: Варя родила девочку, встречали её из роддома сестра с мужем, врач Зоя Александровна с супру-

КРУГ ЧТЕНИЯ

гом, учительница. А главное — успел её парень, уволенный из армии. И все же за одного человека болела душа — за мать Вари, так и не сумевшую понять свою младшую, отчего оказалась в клинике нервных заболеваний.

«Они уж подошли к машине, передав младенца Варе, Женя, муж сестры, открыл двери, когда невдалеке остановилось такси, и из него выбрался человек в военной форме. Он неловко выставил трость, кинул полупустой рюкзак за спину и крикнул:

— Погодите, не уезжайте!

Никто ничего не понял, зато Варя сразу узнала Павла и заторопилась к нему. Тот обнял её, поцеловал, сказал виновато:

— Прости, рейс задержался.

— Ничего страшного. Это — Павел, наш папа! — сказала Варя Светлане и Евгению.

Те понимающе переглянулись и промолчали, будто всё давно знали. Варя уселась на переднем сиденье, а Павел с дочкой и Светлана с сынишкой устроились на заднем. Поехали.

Варя раз за разом оглядывалась на Павла, и в голове невольно проносились мысли обо всём том, что произошло с ней за последний год. Много в нём случилось волнений, много свалилось печали, но в любом случае она стала другой: взрослой, ответственной. И не беда, что жизнь временно надломилась. Ведь совсем-то не сломалась! Девятый класс она обязательно окончит, потом поступит в колледж или устроится на работу. А что: пойдёт на кондитерскую фабрику, где работает их соседка по площадке. Когда так подумала, то вспомнила маму и огорчилась, что она нескоро порадует её счастьем. Варе очень захотелось бы увидеться с ней именно сегодня, показать дочку, а потом прижаться, поцеловать и долго-долго говорить с ней, потому что она самая лучшая мама на всём белом свете».

Герой другой повести «Лель из Пустошки» — Сергуня Мышкалов, намыкавшийся после армии по стройкам да шабашкам, возвратился в родное село Пустошки. В семье одобрили его приезд, и вскоре он начал работать трактористом. И с девушкой познакомился — местным фельдшером, недавней выпускницей медучилища. Плохо ли хорошо ли, но завязались отношения, и вскоре они поженились. Но однажды Сергуня встретил одноклассницу Тамару, живущую в Петербурге, а при ней мальчик пяти-шести лет... В коротком разговоре выяснилось, что мальчик этот его сын — плод любви, тянувшейся со школы и вспыхнувшей с новой силой в один из приездов Сергуни к родителям. Но теперь всё изме-

нилось: они холодно встретились, так же расстались, но раз за разом вспоминался сынишка. Мышкалов оказался меж двух стихий: отдалившись от жены, он решил найти Тамару и отправился в слободу, где та жила когда-то. Он надеялся разыскать её родственников, чтобы узнать телефон, который она сама не пожелала сообщить. В слободе нашёл её родственницу, и старушка сразу полюбопытствовала:

— А вы по какому же вопросу, молодой человек?

— В одном классе учились. Я из Пустошки. Хотел телефон её спросить.

— А работаешь-то где?

— Механизатором у местного фермера.

— Значит, телефон её спрашиваешь? А чего же она сама не оставила? Ведь недавно приезжала.

— Разминулись...

Старушка подозрительно смотрела на упревшего Сергуню и зябко поёжилась.

— Говоришь, механизатором работаешь? А Тамара-то университет окончила и далее учиться определилась. Она у нас птица высокого полёта. Так что, мил-человек, не обессудь. Без её согласия ничем не могу помочь...»

Этот поучительный диалог показался Красавину оскорбительным. «Если механизатор, то значит об меня можно ноги вытирать! — с досадой подумал он. — Плохо вы меня знаете!» В нём, как всегда в таких случаях, выиграло самолюбие, даже гордыня, и он уже знал, что надо делать... Читателю есть над чем поломать голову и пофантазировать, прежде чем он доберётся до финала этой повести. Тем она и интересна.

Владимир Пронский назвал свою книгу по одноименной повести «Воспоминания о розах». Срезанные цветы долго не живут, но в воображении её лирической героини они всегда свежи и благоуханны. Героиня имеет реального прототипа. Родом она из Ряжского района Рязанской области, долгие годы живёт в Москве. Собираясь на малой родине посетить читательскую конференцию пушкинской тематики: «И милость к падшим призывал», она загорелась желанием прежде помочь какому-нибудь незнакомому человеку, попавшему в беду и оказавшемуся, например, в следственном изоляторе, мимо которого проходила. Чем не возможность? И на её желание откликнулись, она познакомилась с подследственной парнишкой по имени Николай, и сразу же взяла над ним «шефство». Стала переписываться, отправляла посылки, иногда и на имя других заключённых, помогла с одеждой. Автор так интересно построил сюжетную линию этой повести, что невозможно от неё оторваться, не дочитав до конца. А

финал оказался не таким радостным. «Подшефный» заключенный был мелким лгунишкой, заочно наговорившим красивых слов. Он даже обещал вырастить новый сорт роз, а выйдя на волю, в очередной раз принял от пенсионерки помощь и пропал...

Правда, в какой-то момент у неё мелькнула надежда. «Как-то вернулась домой, не дождавшись дочери, а в дверь сразу звонок. Открыла, а это слесарь Халил перед дверью стеснительно переминается, зелёная футболка потемнела от пота. Хочет что-то сказать, а не решается.

— Что случилось? — спросила Валентина Матвеевна.

— Тут днём человек приходил, а тебя не было... Поэтому меня попросил цветы передать... — неуверенно, даже робко сказал сосед и достал из пакета тёмно-бордовые розы.

— Кто же это такой объявился?! — покраснела от неожиданности Марчукова. — Я вроде и не ждала никого! Да и не отлучалась никуда!

— Сама же рассказывала о человеке... Он, наверное, и был, Николаем назвался. Курносый такой, светлые волосы.

— Где он сейчас-то?

— Не знаю... Уехал, сказал, что был проездом.

— Хотя бы адрес оставил?

— Обещал ещё заглянуть. Ну ладно, я пошёл, надо жене телеграф дать... В Бугульме у родственников гостит!

Халил сразу же ушёл, а она осталась в растерянности, начиная по-настоящему понимать, что все её незрелые мысли о чёрствости людей строились на личной обиде, на поспешности, с которой она хотела получить ответную благодарность. Получить сразу, без малейшего промедления. Но так не бывает. На всё нужно время, терпение и вера. И тогда станет непременно так, как и должно быть. Ведь, в конце концов, она дождалась этого прекрасного момента, получив долгожданную весточку.

Валентина Матвеевна не утерпела и показала цветы Вере, когда та вернулась домой, загадочно блестя глазами. Дочь сперва никак не отозвалась, а потом хмуро осекла:

— Свежо предание, да верится с трудом...

И Валентина Матвеевна пожалела, что похвасталась цветами, сказала о том, о чём, наверное, и говорить-то не следовало. А то ведь сомнения начали терзать душу. Сразу вспомнилось, как появился Халил, как вёл себя непривычно стеснительно. И чем мучительнее думала, тем сильнее наполнялась сомнениями. Даже расплакалась от обиды. И главное, не знала, на что обижаться. Ведь нельзя же обижаться на то, чего нет. А она обижалась и ещё сильнее расстраивалась от этого.

В какой-то момент она поняла, что не было Ширяева, а Халил всё придумал, раздобыл где-то цветы, чтобы успокоить и прихвастнуть, что вот, мол, и среди заключённых есть неплохие люди. Надо бы спросить об этом у него самого, но разве он сознается. Да и никто бы не сознался на его месте.

И всё-таки при первой же встрече пристала:

— Халил, скажи, не рви душу, от кого цветы?!

— Не знал, Матвеевна, что такая недоверчивая! Сказал же: Николай передал! — горячо и с натуральной обидой укорил сосед, пряча глаза. — И больше никогда об этом не спрашивай!

Валентина Матвеевна немного успокоилась, а на другой день спросила ещё раз, а потом и ещё, но без всякого толку: упрямый Халил так и не признался, не сказал о том, о чём она боялась услышать, даже сделал вид, что окончательно обиделся. И она на какое-то время затаилась, заставила себя не проявлять излишнего любопытства, зная, что надо улучить момент и поговорить со слесарем, когда тот будет выпивши. Вот тогда-то он сам всё расскажет, во всём сознается».

И она продолжала верить своему подопечному, хотя и горько это, когда знаешь, что внимание и забота ни к чему радостному не привели, лишь оставили на сердце незаживающий рубец. И как жить с этой болью, если Валентина Матвеевна так и не нашла в себе сил окончательно забыть его. «...Но вот уж прошло десять лет, а Марчукова так и не узнала правды. Она по-прежнему вспоминает розы от Николая и продолжает верить, что когда-нибудь увидит и его самого».

И повести, и рассказы Владимира Пронского написаны живым, истинно народным языком. Автор мастерски выстраивает композицию каждого произведения и талантливо владеет искусством диалога.

Подборку рассказов открывает «Смертный бой» о драке Морпеха и Десантника. Оба были выпившие после встречи в землячестве, а схлестнулись вроде из-за пустяка, но этот «пустяк» быстро перерос в выяснение отношений. Бились настоящему — «Насмерть»! «Бой» завершился победой Десантника, но радости такая победа не принесла. Вернулся домой без настроения. «В ванной он разглядел себя и, помимо саднящей челюсти и заплывшего глаза, почувствовал боль в боках и, повернувшись к зеркалу, увидел выделявшиеся кровавыми прутьями рёбра, подумал: «Хорошо он меня отделил!» Правда, чем дальше вспоминал «смертный бой», тем неприятнее становилось. Получалось, что Морпех лупил ногами лежачего, как и сам он потом чуть не добил его, распластанного на лопатках. «Совсем мы гнилые стали, озверели,

можно сказать, если уж своих лупцуем почём зря без всяких правил!» — подумал Десантник». Через несколько дней стало известно, что Морпех скончался от нанесённых ему кем-то побоев.

Это известие всё перевернуло в Десаннике. Ночь не спал, обдумывая ситуацию и не находил для себя иного выхода, кроме как сдать милиции. В этот момент был готов ко всему, потому что всё, от чего мучился ночью, ища различные ходы спасения, — всё это настолько показалось противным, что он более не хотел об этом думать. Не хотел подличать перед собой, перед памятью отца, перед погибшим Морпехом, перед своей семьей. «Всё, иду в отделение! — решил он, будто гвоздём проткнул себя. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать!»

Этот «мужской» рассказ отличается жёстким стилем письма, остальные же написаны в свойственной автору манере: проникновенной, мягкой, с глубоким погружением во внутренний мир героев, не всегда радостный, но о таких рассказах говорят: «Как в жизни!», признавая мастерство писателя. Среди его героев часто встречаются «обиженные жизнью». В рассказах «Хожалка», «Скопец» особенно проявляется любовь и сострадание к героям. Есть рассказы романтического наполнения: «Аллочка + Лиза», «Продаётся садовый домик». В них в той или иной степени показано одиночество женских душ. И неслучайно Владимир Пронский считается их знатоком, если всякий раз ему удаются неповторимые женские характеры.

Особое внимание и любовь автора проявляются в рассказах, посвящённых теме матерей — «Стылый ноябрь», «Мамины руки». В рассказе «Стылый ноябрь» Виктор Кудряшов перевозит из села в Москву престарелую мать. И всё бы ничего, но им предстояло жить в десятиметровой комнате вдвоём, остальные две занимала бывшая жена Раиса. Кудряшов, конечно, мог бы и без спроса перевезти мать в Москву, но всё-таки созвонился, объяснил ситуацию. К удивлению, жена оказалась не против, мол, сыновья всё равно живут у жён, есть комната свободная... Совсем с другим настроением Кудряшов отправился с матушкой домой, но не смог довести её — в дороге она скончалась... Вернулся Кудряшов к себе, а там уж и диван разобран и застелен свежим бельём, и стол накрыт к приезду свекрови. Вот только вместо встречи, они сели за стол помянуть усопшую. И странное дело, это происшествие сблизило их, заставило пересмотреть свои теперешние отношения.

В рассказе «Мамины руки» опять мягкая и доверительная интонация, незаметно проникающая в душу, обвола-

квивающая читателя. Вот сцена из рассказа, в которой автор говорит от первого лица, засмотревшись на натруженные руки мамы и подумав: «Сколько же они дел переделали?!». «Всё это я ясно представил, глядя на мамины руки. Поэтому после обеда молча нагрел небольшой тазик воды, позвал её из спальни, усадил напротив себя. Она сперва не поняла, что я затеял, но когда опустил её руки в воду, отдернула их:

— Зачем?

— Мам, пора ими заняться. Давай-ка подстригу коготки, заусенцы почикаю.

— Нет-нет, — запротестовала она. — Я не барыня какая, чтобы возиться со мной. Лучше в баню отвези.

— И в баню отвезу, время придёт... Ну и чего ты противишься-то?! Ведь всю жизнь за нами горшки таскала, давно пришла пора и детям о тебе позаботиться!

Она смотрела испуганными и удивлёнными глазами, словно не могла поверить в сказанное. Мои простые слова показались ей, видимо, настолько необычными, что она вдруг затряслась от всхлипываний. Она не рыдала в голос, а, скукожившись, склонила голову, словно стеснялась на меня взглянуть, и торопливо смахивала мокрыми руками со щёк слёзы. Говорить в этот момент я ничего не мог, да и не нужны были сейчас слова. Ведь напომни ей, что она перенесла в войну, какие тяготы и лишения испытала, растя троих детей, она ответит словно о нестоящем: «Не я одна, все так!» Поэтому просто подсел к ней и обнял за плечи. Так и сидели, пока она не перестала вздрагивать, а я попытался окончательно успокоить её:

— Мам, всё хорошо, всё нормально же...

Пока её руки отмокали в тёплой воде, я успел поточить ножницы и начал — палец за пальцем — аккуратно постригать ногти, остерегаясь резануть «с мясом», потом подвернувшейся щёткой прошёлся по ним. Пальцы не очень-то слушались, а на левой, сломанной и плохо сросшейся руке, пришлось приспособливаться, добираясь до того или иного неуступчивого ноготка. Полегоньку-помаленьку все подстриг, вот только пилочки не имелось, и ободки остались, но всё равно стали почти незаметными без заусенцев. Ополоснув, я промокнул руки полотенцем, смазал своим кремом после бритья, и они стали мягкими, порозовевшими и душистыми. Я держал их перед собой и любовался ими, радовался удавшейся задумке.

— Ну всё, сынок, хватит. Мне надо картошку на вечер чистить! — застеснялась она.

— Не позволю! Хотя бы полдня ничего не делай! Ну, пожалуйста, мам! — вполне серьёзно попросил я. — Вот с завтрашнего дня занимайся, чем хочешь, а сегодня ты барыня!

Уж не знаю, что мама подумала, но молча вздохнула, улыбнулась:

— Тогда сам чисть, если напросился. Голодными нам, что ли, сидеть?!

— И почищу, и птицу накормлю, и овец!

— Какой же ты у меня, сынок, заботливый, какой желанный!

Скромно промолчав, я действительно не позволил маме ничего делать: ни до ужина, ни после, даже сам помыл посуду. И вдруг стал замечать, что она будто-то бы привыкла к праздности. Ходила из кухни в комнату, заглядывала в спальню, где гремела дверкой шкафа, перебирала вещи в сундуке, и постоянно поглядывала на свои руки, а потом и вовсе, надев новую зелёную кофту, вчера привезённую мною в подарок, уставилась в зеркало. Она заметила, что я улыбнулся, пошутила:

— Губы, что ли, накрасить?!

— А что, Надежда Васильевна, отличишь!

...Давно это всё было, очень давно, но руки мамы и по сей день перед глазами, а на сердце хранится их тепло, неугасимо греющее и греющее душу».

Прочитав заключительную строчку этого рассказа, душевность которого не передать цитатами, вполне вероятно, что многие вспомнят своих родителей. Повести и рассказы в сборнике размещены так, словно подчинились невидимому сюжету. Книга начинается историей о старшекласснице, а завершается повествованием о престарелой женщине-матери. А между ними много иных историй, и все вместе они составляют, объединяясь, единое колоритное полотно, словно вместе с автором и читатель принял участие в его создании.

В целом же, издание этой книги стало для Владимира Пронского новой ступенькой, поднимающей его всё выше и выше к литературной вершине.

г. Рязск Рязанской обл.